

ВЕСТНИК

ЮЖНО-УРАЛЬСКОГО № 40 (216)
ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА 2010

ISSN 2071-3053

СЕРИЯ

«ПСИХОЛОГИЯ»

Выпуск 11

Учредитель – ГОУ ВПО «Южно-Уральский государственный университет»

Редакционная коллегия серии:

д.пс.н., проф., академик РАО Асмолов А.Г.,
д.пс.н., проф. Батурин Н.А.
(отв. редактор),
к.м.н., доц. Березин М.А.
(отв. секретарь),
д.пс.н., проф. Грязева-Добшинская В.Г.,
д.пс.н., проф. Доценко Е.Л.,
д.пс.н., проф., член-корр. РАО Зинченко Ю.П.,
д.пс.н., проф. Знаков В.В.,
д.пс.н., проф., член-корр. РАО Малых С.Б.,
д.пс.н., доц. Солдатов Е.Л.,
д.пс.н., проф. Ушаков Д.В.

Серия основана в 2008 году.

Свидетельство о регистрации ПИ №ФС77-26455 выдано 13 декабря 2006 г. Федеральной службой по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия.

Решением Президиума Высшей аттестационной комиссии Министерства образования и науки Российской Федерации от 19 февраля 2010 г. № 6/6 журнал включен в «Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук».

Подписной индекс 43258 в объединенном каталоге «Пресса России».

Периодичность выхода – 4 номера в год.

СОДЕРЖАНИЕ

Психодиагностика

БАТУРИН Н.А. Современная психодиагностика России: преодоление кризиса и решение новых проблем	4
БАТУРИН Н.А., МЕЛЬНИКОВА Н.Н. Технология разработки тестов: часть IV	13
МИТИНА О.В., ЕВДОКИМЕНКО А.С. Методы анализа текста: методологические основания и программная реализация	29
ЧЕРВИНСКАЯ К.Р. Методологические положения и специфика конструирования экспертных психодиагностических систем (часть I)	39

Общая психология, психология личности, история психологии

КИМ Т.Д., ПЕРВУХИНА Е.С. Многоуровневая модель инновационного потенциала профессионала и подходы к ее операционализации: часть II	45
КОНДРАТЮК Н.Г., МОРОСАНОВА В.И. Надежность действий спасателя в чрезвычайных ситуациях: регуляторные и личностные предпосылки	51
ПИЧУГОВА А.В. История психодиагностики в России (1969–1991 гг.)	62

Социальная и организационная психология

МЯКУШКИН Д.Е. Формирование управленческого состава организации: основные этапы процесса отбора, обучения и практической подготовки группы кадрового резерва	69
---	----

Психология развития, акмеология

КАРТАШОВА И.М. Характеристики Я-реального и Я-идеального в структуре Я-концепции матери как субъекта взаимодействия в диаде «мать–дитя» при ранних отклонениях в развитии ребенка	76
---	----

Клиническая (медицинская) психология

ВАССЕРМАН Л.И., СВЯТЕНКО Л.В. Психологическая диагностика невротических черт личности у женщин репродуктивного возраста, страдающих ожирением	80
---	----

Научные работы студентов, магистров и аспирантов

БАЖЕНОВА П.А., ЩЕЛКОВА О.Ю. Особенности личности больных хроническим миелолейкозом	84
--	----

Рецензии

От редакционной коллегии	87
ВИНОГРАДОВ А.Г. Рецензия на методику «Шкала субъективного переживания одиночества» (автор С.В. Духновский)	88

Научная жизнь

МАТВЕЕВА Л.Г., ПЕРВУХИНА Е.С. II Всероссийская научная конференция «Современная психодиагностика в период инноваций» (г. Челябинск, 8–10 сентября 2010 г.)	93
--	----

Abstracts and keywords	102
-------------------------------------	-----

CONTENTS

Psychodiagnostics

BATURIN N.A. Contemporary Russia psycho diagnostics: crisis negotiation and solution of new problems	4
BATURIN N.A., MELNIKOVA N.N. Technology of test development: part IV	13
MITINA O.V., EVDOKIMENKO A.S. Methods of analysis of text: methodological foundations and software implementation	29
CHERVINSKAYA K.R. Methodological issues and specificity of designing of expert psychodiagnostic systems: part I	39

General psychology, personality psychology, history of psychology

KIM T.D., PERVUHINA E.S. Multilevel model of innovative potential of the professional and approaches to it operationalization: part II	45
KONDRATYUK N.G., MOROSANOVA V.I. The reliability of rescuers' actions in emergency situations: personality and regulation preconditions	51
PICHUGOVA A.V. The history of psychodiagnostics in Russia (1969–1991)	62

Social and organizational psychology

MYAKUSHKIN D.E. Formation of organization's management team: the basic stages of selection process, training and practical preparation of reserve group	69
---	----

Psychology of the development, acmeology

KARTASHOVA I.M. Making Self-concepts of mother, as subjekt psihologo-pedagogical support of the dyad «mother–child» at early deviations in development of the child	76
---	----

Clinical (medical) psychology

VASSERMAN L.I., SVJATENKO L.V. Psychological diagnostics of neurotic personality features of reproductive age women who are overweight	80
--	----

Scientific works of students, masters and post-graduate students

BAZHENOVA P.A., SHCHELKOVA O.Yu. Personality characteristics of patients with chronicle myeloleukaemia	84
--	----

Reviews

From editorial board	87
VINOGRADOV A.G. Review to the technique «the Scale of subjective experience of loneliness» (author S.V.Duhnovsky)	88

Scientific life

MATVEEVA L.G., PERVUHINA E.S. II All-Russian scientific conference «Contemporary psychodiagnostics in the period of innovation» (Chelyabinsk, from 8 to 10 of September, 2010)	93
--	----

Abstracts and keywords	102
-------------------------------------	-----

Психодиагностика

УДК 159.9+616.89
ББК Ю948+Р57

СОВРЕМЕННАЯ ПСИХОДИАГНОСТИКА РОССИИ: ПРЕОДОЛЕНИЕ КРИЗИСА И РЕШЕНИЕ НОВЫХ ПРОБЛЕМ*

Н.А. Батурин

Дан анализ развития отечественной психодиагностики за последние два года после проведения I Всероссийской конференции: «Современная психодиагностика в изменяющейся России» (Челябинск, 2008), на которой сложившаяся в психодиагностике ситуация была обозначена как кризисная. Выделены признаки наметившегося преодоления кризиса, перечислены важнейшие события, изменяющие ситуацию, отмечены новые тенденции. Вместе с тем рассмотрены содержательные причины кризиса, которые связаны с отставанием внедрения в России новых инновационных методов и технологий современной тестологии.

Ключевые слова: психодиагностика, преодоление кризиса, позитивные признаки, новые проблемы.

На предыдущей Всероссийской конференции ровно два года назад в докладе о современной психодиагностике в России были выделены и рассмотрены шесть причин системного кризиса отечественной психодиагностики. Причём основное внимание было уделено формально-организационным причинам кризиса [7].

Сегодня, во-первых, будут проанализированы изменения, которые произошли в психодиагностике и, прежде всего, то, что психологическому сообществу удалось предпринять, чтобы изменить ситуацию.

Во-вторых, будет предложен анализ содержательных причин системной неудовлетворенности психологов-исследователей и практиков существующей психодиагностикой из-за отставания внедрения методик, основанных на инновационных методах и технологиях.

Итак, какие изменения за прошедшие два года позволили в названии статьи написать о начавшемся преодолении кризиса. Попробуем обобщить эти усилия (действия), направленные на преодоление выявленных причин кризиса.

Первой причиной кризиса, названной два года назад, было *почти полное отсутствие*

профессиональных разработчиков психодиагностических методик и сложившихся психодиагностических школ. Трудно ожидать, что эта причина может исчезнуть за два года. Потребуется десятилетия, чтобы сформировались психодиагностические школы, в которых бы созревало новое поколение молодых психодиагностов. Но кое-что изменилось.

К школе А. Г. Шмелева, которая два года назад была названа как единственная у нас в стране, можно добавить и формирующуюся Школу психодиагностики Южно-Уральского университета. Заметно объединение большой группы психодиагностов вокруг Д.А. Леонтьева. Значительные изменения произошли в С.-Петербурге в СПбГУ, где происходит возрождение всем известной Ленинградской школы психодиагностики.

Очень отрадно, что происходит восстановление активности лаборатории психодиагностики в Психологическом институте РАО, что свидетельствует о жизнеспособности школы К.М. Гуревича.

В стадии становления находится Пермская школа во главе с А.В. Волочковым.

Кроме того, можно выделить несколько заметных признаков того, что в России воз-

* Статья написана на основе доклада на пленарном заседании Второй Всероссийской конференции «Современная диагностика в период инноваций» (Челябинск, 8–10 сентября 2010 г.).

рождается научное сообщество психодиагностов, а вместе с ним происходит увеличение числа активных специалистов, посвятивших свои исследования этой области психологии.

Например, на сайте ht лаборатории Гуманитарных технологий по инициативе А. Г. Шмелёва было создано Экспертное сообщество психологов. На протяжении почти двух лет на блогах его членов шло обсуждение очень важных проблем психодиагностики: десятки тем, многие сотни комментариев. Именно на этом сайте возникла идея о издании в России аналога американского ежегодника ММУ (Mental Measurements Yearbook), который издаётся с 1938 года. Эта идея была реализована за один год. Уже издан первый том «Ежегодника профессиональных рецензий и обзоров ...» [8], инициатором и главным редактором которого является наш соотечественник Евгений Эйдман, работающий в настоящее время в Австралии. Процесс подготовки Ежегодника продемонстрировал, что в России есть высококвалифицированные специалисты-психодиагносты. Подготовка Ежегодника постепенно превратилось в общероссийский проект. Нашлись в России 40 рецензентов, 20 из которых доктора наук, а остальные не менее квалифицированные кандидаты наук. Нашлось и 20 методик, авторы и издатели которых рискнули отдать на публичный анализ свои разработки. Членами редколлегии и Коллегии рецензентов Ежегодника стали не только российские специалисты, но и наши соотечественники, живущие ныне в Англии, Австралии, Германии, Украине и Словении, что, по нашему мнению, добавит стереометричности в критический взгляд на отечественную психодиагностику.

Другой способ решения проблемы увеличения числа школ и профессионалов-психодиагностов был предложен еще два года назад – начать специализированную подготовку психодиагностов в университетах. И это уже произошло. На факультете психологии ЮУрГУ в 2010 г. состоялся первый выпуск магистратуры по направлению «Дифференциальная психология и психодиагностика». По этому же направлению обучают магистров в Российском педагогическом университете им. Герцена и в СПбГУ.

Два года назад предлагался ещё один путь решения проблемы подготовки кадров – обращение в ВАК с целью восстановления научной специальности «Дифференциальная психология и психодиагностика». По ряду причин это

не удалось реализовать. Но произошло другое важное событие, в чём-то компенсирующее первое. Это разработка и обнародование ВАКом паспортов специальностей. В паспорте по специальности 19.00.01 официально выделены несколько направлений для защиты диссертаций по психодиагностике [17].

Это огромный шаг вперед, позволяющий легально защищать диссертации молодым ученым по разработанным новым методикам. Однако, на наш взгляд, нужно продолжать работать в этом направлении. В перспективе все-таки нужно ввести в перечень научных специальностей ВАК специальность по психодиагностике, хотя бы совместно с ещё одной специальностью.

Вторая причина кризиса, обозначенная 2 года назад – это *слишком малое количество профессиональных отечественных методик*, разработанных в соответствии с международными требованиями, в частности Стандартами APA, EFPA, требованием к тестам BPS.

В соответствии с проведенным анализом на основе разработанного в лаборатории «Психодиагностика» ЮУрГУ Компендиума психодиагностических методик [9] удалось выявить, что только 7 % методик прошли психометрическую проверку на надежность и валидность (правда, в последние 10 лет их число возросло в 3 раза). Тем не менее, если взять абсолютные цифры, то число таких методик не более двухсот, из которых официально издаются только около ста. За эти два года произошли заметные перемены. Количество разрабатываемых методик непрерывно растёт, хотя в этом росте есть и негативные моменты, но о них немного позже.

Важные факторы, обеспечивающие количественный рост разработки тестов – это, во-первых, особое внимание, которое стало уделяться в психологическом сообществе психодиагностике; во-вторых, появились специализированные ресурсы опытных психодиагностов по технологии создания новых тестов (курсы, статьи, разделы на сайтах).

Например, на пленарном заседании конференции прозвучал доклад А. Г. Шмелёва об опыте обучения студентов конструированию тестов. Мною совместно с Н. Н. Мельниковой начата публикация цикла статей по поэтапной технологии разработки тестов.

Ещё двумя факторами увеличения числа полноценных методик, надеемся, станут, во-первых, перевод и издание первого полноценного учебника по психометрике американских

учёных М. Фера и В. Бакарака «Психометрика. Введение» [13]. Эта книга написана очень доступным языком на основе разбора многочисленных примеров. В ней присутствуют как те разделы психометрики, которые достаточно хорошо знают у нас в стране, так и совершенно новые разделы современной психометрики. Во-вторых, процесс подготовки рецензий на психодиагностические методики, опубликованные в «Ежегоднике профессиональных рецензий...» [8], продемонстрировал возможности кооперации психодиагностов, высокую квалификацию рецензентов, создал прецеденты, глядя на которые разработчики методик сделают выводы об уровне и характере требований к современным методикам.

Вместе с тем за этот период вскрылась одна неожиданная проблема. Незаметно за последние несколько лет в России появилось более 30 представительств зарубежных фирм, в разной степени, но занимающиеся тестированием у нас в России, и это при наших-то 9–10 фирмах-издателях. Причем почти все зарубежные филиалы сконцентрировались на одной и самой благодатной площадке – обслуживание бизнеса и в одном не менее благодатном месте – Москва. Не буду приводить весь список, но спасибо руководителю Центра разработки оценочных технологий фирмы ЭКОПСИ Евгению Лурье – этот список есть [8]. В таблице приведено только количество представительств по странам, где находятся их штаб-квартиры.

1	США	16 представительств
2	Великобритания	7 представительств
3	Германия	3 представительства
4	Швеция, Швейцария	По 2 представительства
5	Венгрия, Италия, Израиль, Нидерланды, Финляндия	По 1 представительству

По сведениям из первых рук от руководителя российского филиала, самого первого в России представительства фирмы SHL (Великобритания), Ю.Ю. Шипкова в Россию уже завезено и адаптировано более 100 «высококлассных и суперсовременных», по терминологии Ю.Ю. Шипкова, тестов [2]. Если даже убрать из этого количества кейсовые методи-

ки и симуляции, то действительно в России уже используются несколько десятков полноценных тестов с международной репутацией и рецензиями в ММУ и Центре психологического тестирования (РТС) Британского психологического общества (BPS) [18]. Почему об этом мало кто знает даже из квалифицированных специалистов? Да потому, что эта «теневая» психодиагностика. В том смысле, что все эти фирмы стараются держаться в тени. Они не печатают о себе публичной рекламы, их сотрудники за редким исключением не печатают статьи в общероссийских журналах, не выступают с докладами на конференциях и т. д.

В чем причина этой затененности? Вполне возможно, что руководители и сотрудники представительств стараются не «высовываться», ожидая, а куда повернет реальная психодиагностика. А не наступят ли времена добровольно-принудительной сертификации всех тестов, используемых в России на русском языке среди российских граждан? В принципе такая ситуация возможна, так как ввозимая и потребляемая в России продукция должна проверяться. А вот уверенности, что такое количество методик удалось качественно адаптировать и проверить их надежность и валидность, да еще собрать необходимые для индивидуальной диагностики нормы на репрезентативных выборках, у меня лично нет. Поскольку мне хорошо известно насколько это трудозатратное и продолжительное мероприятие, да еще при стандартом штате фирм-представительств в 3–4 человека, из которых только 1–2 сотрудника – психологи.

Поэтому и работают в тени, не привлекая лишнего внимания со стороны отечественных психодиагностов. Конечно это только предположения. Очевидно, что среди этих фирм есть и те, кто серьезно занимается вопросами адаптации своих тестов. Возможно и все, но тогда надо выйти из тени и предъявить научные доказательства своей серьезной работы.

Нерешённой осталась проблема, отмеченная еще на прошлой конференции (2008) – продолжается распространение в России десятков устаревших зарубежных тестов. На прошедшем накануне конференции на озере Тургояк (5–7 сентября 2010 г.) семинаре «Актуальные проблемы современной психодиагностики» эта проблема была поставлена очень остро: быть или не быть этим методикам в России. Что до сих пор сдерживает полный запрет на их использование – это трудности восполнения образующихся при этом «пус-

тот» отечественными или новыми адаптациями современных версий этих же или совершенно новых зарубежных методик. Есть надежда, что в ближайшие 5–10 лет нам удастся разрубить этот гордиев узел.

Третья, выделенная два года назад причина кризиса – это *низкая психодиагностическая и особенно психометрическая культура наших психологов-пользователей*.

Одно из предложенных тогда средств изменения ситуации, которое сейчас уже реализовано, – это разработка новых Программ учебных курсов по психодиагностике и Практикума по психодиагностике, чему способствовало введение со следующего года образовательных стандартов IV поколения и всеобщий переход на уровневую подготовку: бакалавр – магистр. Проекты программы по курсу психодиагностики были предложены факультетами психологии СПбГУ и ЮУрГУ и, благодаря усилиям десятков специалистов под руководством А. Г. Шмелёва, была разработана компромиссная программа [16]. Главные её отличительные признаки: обновленное содержание учебного материала и, самое важное, отказ от косвенной пропаганды старых зарубежных тестов, которая не позволяла разорвать порочный круг их всё нового воспроизводства через спрос со стороны выпускников университетов, которых учили пользоваться именно этими методиками.

Ещё одно средство повышения общей психодиагностической культуры студентов было предложено недавно совместными усилиями ЮУрГУ и МГУ – это разработка проекта постановления Совета Президиума УМО по психологии о введении в действие «Положения об использовании измерительных психодиагностических инструментов в квалификационных работах студентов и магистров».

Каковы основные причины, вызвавшие разработку проекта этого постановления. Во-первых, в квалификационных работах студентов и магистров наряду с исследовательскими и психодиагностическими методиками всё чаще стали использоваться непригодные для научных исследований методики, опубликованные в научно-популярных изданиях и даже глянцевого журналах. Во-вторых, авторы квалификационных работ и их руководители не соблюдают авторские права разработчиков методик и имущественные права их издателей. Методики распространяются пиратским способом (ксерокопирование, сканирование, скачивание с нелегальных сайтов и т.д.) или

приобретаются у фирм, выпускающих контрафактную продукцию. В-третьих, всё шире распространяется практика перевода и адаптации зарубежных методик без соблюдения авторских прав, без разрешения владельцев исключительного права на распространение методик, в том числе самими авторами квалификационных работ и даже их руководителями.

Проект Постановления вызвал большую дискуссию на моем блоге сайта ht [3]. При этом обнаружилось как явные его сторонники, так и явные противники.

Одна из причин противодействия введению Постановления – это нежелание психологов что-то менять в привычной практике, совершать какие-то действия по поиску качественных методик, обращаться к авторам и /или издателям за разрешением их использования в научных работах и перегружать «непосильными» заботами студентов, которые уже через полгода, закончив университеты, станут полноправными психологами и при этом не будут знать элементарных правил работы с психодиагностическими инструментами.

Как инициатор этого Постановления действующий в ЮУрГУ Научно-образовательный центр «Психодиагностика» сообщает, что для реализации Постановления в ближайшее время будет создан ещё один сайт из группы сайтов «Союз психодиагностики» – специальный информационный сайт: www.info.psytest.ru, на котором будет содержаться основная информация об отечественных и адаптированных методиках. Поэтому проблемы поиска необходимой информации о методике будет в значительной степени снята, а значит исчезнет одна из главных причин противодействия Постановлению.

Ещё одно средство повысить общую психодиагностическую культуру психологов и противостоять разноуровневой подготовке психологов было названо два года назад – это внедрение процедур сертификации (в данном контексте – сертификации пользователей психодиагностическим инструментарием). Уже больше года как зарегистрирован под эгидой РПО Национальный институт сертификации профессиональных психологов (НИСПП), однако до реальной сертификации психологов пока дело так и не дошло. Причин этому много: и недостаточная активность руководителей НИСПП, и неготовность психологического сообщества к переменам, и латентное саботирование начала сертификации, и открытое

противодействие части психологического сообщества любым процедурам контроля за их квалификацией. Чтобы снять некоторые из этих причин в работе конференции приняли участие ключевые фигуры процесса сертификации в Европе (EFPA) и в Великобритании (BPS): это Дейв Бертрам – председатель Постоянной комиссии по тестам и тестированию EFPA и Патриция Линдлей – главный редактор рецензий на тесты Центра психологического тестирования BPS.

Их доклады на пленарном заседании и двух специализированных секциях были посвящены международной практике проверки качества тестов и контролю за квалификацией пользователей. Есть надежда, что их участие в конференции, а также последующее выступление Д. Бертрама на совместном заседании Президиума РПО и Президиума Совета по психологии УМО повлияют на общее повышение культуры психодиагностов-пользователей и изменят отношение к качеству психодиагностических методик.

По крайней мере, через день после заседания было принято «Решение совместного заседания Президиума РПО и Президиума Совета по психологии УМО от 11.09.2010», направленное на дальнейшее развитие отечественной психодиагностики [14].

Четвёртой была названа причина кризиса, связанная с *малым количеством качественных отечественных учебников*, написанных на современном уровне, поскольку популярные учебники и учебные пособия повторяют из года в год содержание психодиагностики 80-х годов прошлого столетия. Уже не спасают положение и переводы книги классика мировой психодиагностики Анны Анастаси. Последняя книга «Психологическое тестирование», написанная А. Анастаси совместно с С. Урбиной, переведенная в России, была издана в США 20 лет назад и уже явно устарела [1]. К сожалению, не было реализовано решение двухлетней давности о подготовке учебника «Современная психодиагностика» большим коллективом авторов. Надеемся, что введение новых стандартов подготовки психологов ускорит процесс работы над учебником, который написан ещё только наполовину.

Частичное решение проблемы современных учебников произошло за счет перевода и издания в ЮУрГУ учебника американских авторов М. Фера и В. Бакарака «Психометрика. Введение», который уже упоминался выше в другом контексте. Здесь же хотелось под-

черкнуть, что издан учебник по самой большой теме – психометрической подготовке наших студентов и психологов, в том числе тех, кто всюду разрабатывает методики, при этом не зная даже азов психометрики.

Пятой причиной кризиса была названа *практика издания в открытой печати и распространения тестов авторами, издателями психологической литературы, фирмами-изготовителями, сложившаяся у нас в стране*.

На мой взгляд, за это время изменилось многое. Во-первых, до авторов и издателей литературы (прежде всего, психологических журналов) дошёл смысл принятого Постановления Президиума РПО от 4 июня 2008 года [12]. Во-вторых, в ходе большой дискуссии по этому поводу на сайте ht удалось разъяснить причины принятия Постановления и его суть. В частности, надеюсь, стало понятно всем, что оно не запрещает авторам поступать со своими методиками как им заблагорассудится. Но при этом они должны знать, что опубликованные в открытой печати тесты имеют другой статус. Они не могут претендовать на роль практических психодиагностических методик. В лучшем случае их можно использовать в исследовательской работе, а вообще-то, по большому счёту, они годятся только для самопознания покупателя.

Вторая часть Постановления касалась упорядочивания практики продаж психодиагностических методик и в первую очередь практики открытой продажи сложных (по всем компонентам применения) методик, которые не могут попасть в неподготовленные руки любых желающих тут же их использовать. Для контроля за этим в Постановлении содержится призыв к руководителям и сотрудникам фирм-изготовителей, членам РПО ввести регламентируемую продажу тестов, а не с лотка и не любому заказчику по почте и предложены меры противодействия такой практике, доступные РПО. Однако эта проблема до сих пор до конца не решена, наметились только некоторые сдвиги.

Кроме того, все эти два года в психологическом сообществе шла дискуссия о практике применения законов об охране авторского права в психодиагностике. Постепенно в среде психодиагностов стало происходить осознание того, что психодиагностические методики охраняются законом и что нужно всегда думать о действии возможных мер защиты авторских прав прежде, чем, например, просто взять и откопировать чужую методику.

Конечно же, ещё продолжают доминировать такие пролетарские мотивы, как по бедности «не грех» позаимствовать, попользоваться чужими и ворованными методиками. Да и что-то отобрать у «жирных», «наживающихся на чужой беде» разработчиков и издателей, как говорить у нас в народе, сам бог велел. Знали бы такие пираты-пользователи, какого труда стоит разработать, проверить и довести до всех необходимых параметров даже одну психодиагностическую методику.

Но постепенно происходит понимание сущности авторского права и необходимости соблюдения законов и есть надежда, что мы все будем действовать цивилизованно, в рамках закона, изготавливая, распространяя и используя психодиагностические методики.

Удалось привлечь к разбору юридических тонкостей авторского права и охраны интеллектуальной собственности хорошего юриста Алексея Владимировича Минбалеева. В соавторстве с ним написаны две статьи об охране авторских прав на психодиагностические методики. Одна из них опубликована в серии «Психология» Вестника ЮУрГУ (2010 г.) [5], а другая – во всероссийском юридическом журнале «Интеллектуальная собственность» [4]. Последнее особенно важно, поскольку юристы, участвующие в процессах по делам, связанным с охраной авторских прав и имущественных прав, доверяют только публикациям в своих юридических изданиях. Психологи, кстати, поступают так же.

Завершая анализ пятой причины, хочу сообщить о том, что наконец-то разработан проект «Профессионально-этических нормативов специалиста, выполняющего психодиагностическую деятельность психолога-психодиагноста» (далее – Нормативы). Этот проект уже обсуждался на прошедшем семинаре. Он написан на основе анализа многих зарубежных этических кодексов и стандартов качественного тестирования и предназначен дополнить Этический кодекс психолога, принятый ещё на съезде РПО в С.-Петербурге (2003 г.), но так и оставшийся мало кому известным.

Структурно Нормативы состоят из трех разделов, соответствующих трём этапам психодиагностического процесса в целом: 1) создание и адаптация методик, 2) их распространение и 3) их применение. Каждый из разделов делится на четыре части, соответствующие базовым этическим принципам психодиагностической работы: качества, честности, уважения прав, принципа ненанесения вреда (ущер-

ба). Каждый из этих принципов, в свою очередь, реализован в совокупности конкретных этических правил действия психолога на каждом этапе психодиагностического процесса.

Не лишне будет напомнить, что нарушение правил *этических Нормативов* подрывает не только личный профессиональный авторитет психодиагноста, но и зарождающийся авторитет психодиагностики и психологической науки в целом.

Шестая причина кризиса была осознана позднее и заключается в явно *недостаточном взаимопонимании и открытости во взаимодействии отечественной психодиагностики и зарубежной тестологии*. Причин здесь несколько.

Первая – плохая осведомлённость о достижениях друг друга из-за всё ещё существующего языкового барьера.

Вторая – уверенность части российских психодиагностов, что культурные и ментальные различия трудно преодолимы, поэтому, например, проще разрабатывать отечественные методики, чем заниматься переводом и адаптацией зарубежных. У этой причины есть обратная сторона – уверенность другой части психологов в почти полном отсутствии культурных и ментальных различий разных стран и народов. Поэтому они считают, что нет необходимости в адаптации тестов – достаточно их простого перевода. И то, и другое убеждение приводит к антогонистическому неприятию позиций друг друга, и как следствие – к проблемам взаимодействия отечественных психодиагностов и зарубежных тестологов.

Третья и, наверно, самая главная – это недоверие зарубежных психологов к тому, что в России возможно соблюдение законов об охране авторских, в том числе материальных (исключительных) прав авторов и издателей. Поэтому так неохотно они идут на заключение договоров с отечественными фирмами на адаптацию современных версий и хорошо известных, и инновационных тестов.

Поэтому как грибы растут на нашей почве представительства зарубежных фирм, которые предпочитают работать с российскими заказчиками в режиме on-line, закрывая от всех доступ к ключам и нормам, в том числе и для специалистов, которым необходимо проверять качество адаптации и стандартизации используемых тестов. Все эти причины приводят к тому, что российская психодиагностика остается на обочине международного мейнстрима тестологии.

Таким образом, завершая первую часть статьи, можно сделать вывод. Существует много признаков серьёзных изменений, произошедших в отечественной психодиагностике за последние годы. Сейчас можно с уверенностью говорить о неплохих перспективах преодоления кризиса.

Вторая часть данной статьи сосредоточена не на формально-организационных причинах кризиса и действиях по их преодолению (она посвящена *содержательной части кризиса* отечественной психодиагностики), а, главным образом, на его основной причине – проблеме медленного внедрения инновационных технологий и современных методов разработки тестов в отечественную психодиагностику, что делает ее в значительной степени архаичной.

В этой части статьи невозможно перечислить все инновационные методы и технологии современной тестологии, а выделить только инновации, на мой взгляд, заслуживающие наибольшего внимания.

1. Ипсативный метод по сравнению с нормативным приобретает за рубежом все большую популярность. Особенно после того, как Д. Бертрам и А. Браун предложили новые математические методы обработки ипсативных данных и их перевод в нормативный формат, а значит появилась возможность получения диагностических норм, необходимых для практического применения методик. Особенно эффективно это удалось показать авторам на тесте OPQ 32.

В отечественной же психодиагностике существуют только два-три примера попыток (кстати, не всегда удачных) применения ипсативного метода.

2. Индивидуально-адаптированные технологии разработки и проведения тестирования, основанные на современных теориях IRT, а не на простейшей модели Раша. Опять же здесь можно указать только на 2–3 отечественные попытки использования адаптивных технологий в области диагностики интеллекта и учебных достижений, в то время как за рубежом осваивают уже адаптивные технологии личностного тестирования.

3. Важнейшим признаком отставания является сосредоточенность отечественных разработчиков измерительных инструментов на простых по своей природе психических явлениях, для диагностики которых достаточно разработки простейших методов измерения типа самооценочных одношкальных опросников по 10–15 утверждений. Напомню, что

почти 70 % новых отечественных методик – это как раз такие одношкальные опросники [6]. Сложные психические явления, такие как личностная зрелость, стиль жизни, кризисы развития личности и т.д. невозможно изучать и диагностировать простыми инструментами, даже если их собрать все вместе. Каждый из простых тестов создан под свою задачу, на основе своей идеологии и технологии и т.д., что не приводит к переходу их количества в качество измерения. В этом направлении нам вообще нечем похвастаться, только разве что качественными пилотными разработками методик для изучения сложных психических явлений.

4. Очевидно, что при диагностике сложных психических явлений психология еще долго будет опираться на экспертно-оценочные технологии. За рубежом существуют международные ассоциации психологов (ученых и практиков), занимающихся проблемой оценки, издаются специализированные журналы, проводятся конгрессы по экспертно-оценочным технологиям. У нас об этом большинству психологов и диагностов даже ничего неизвестно. Применяемые экспертные системы основываются на аппарате 80-х годов прошлого столетия или вообще на здравом смысле. Ассесмент-центры как наиболее продвинутые экспертные системы оказались пригодными для решения только узкого круга задач и ограничены в применении из-за высоких затрат на их реализацию. Кроме того, очень трудно проверить валидность и надежность ассесмент-процедур, что ставит под сомнение качество полученных с их помощью результатов. Сейчас за рубежом пытаются расширить возможности ассесмент-центров за счет активного комбинирования ассесмент-технологий с тестированием. Так, Комиссия по ассесмент-центрам (ААС) Германии пришла к убеждению в необходимости значительно большего комбинирования ассесмент-процедур с психодиагностическими (Obertmann, 2009), чем это было принято раньше.

И здесь у нас налицо заметное отставание. А ведь кроме прямого использования оценочных технологий как измерительных инструментов разработчики психодиагностических тестов зачастую вынуждены опираться при проверке валидности методик на мнение экспертов. Но при этом, как правило, даже не обсуждается вопрос о проверке валидности и надежности самих экспертов, что является необходимым в соответствии с современными

требованиями. Чаще всего в публикациях указывается, что для проверки использовались 2 или 3 эксперта и больше ни слова.

5. Повсеместная неудовлетворенность чрезмерным использованием метода самоотчета (опросников) побуждает психодиагностов во всем мире на поиски новых методов. Обсуждение подобных вопросов было проведено в вечерней лекции Д. А. Леонтьева и докладе Е. Эйдмана на пленарном заседании конференции и это обнадеживает о возможном расширении репертуара разрабатываемых методик.

6. В отечественной психодиагностике не принято проводить повторное исследование одной и той же проблемы по одним и тем же методикам разными авторами с целью углубления исследования проблемы и проверки качества использованных методов. Поэтому методики остаются неприкасаемой «вещью в себе». А в тех исследованиях, которые все-таки проводятся с использованием одних и тех же методик, исследователи специально стараются модифицировать методики или ставят другие задачи, изучают другой феномен и т.д., чтобы их исследование было оригинальным. В отличие от такой боязни отечественных исследователей, за рубежом повторные и проверочные исследования – общепринятая практика и повторение не считается зазорным. Наоборот, на основе таких исследований можно проводить сравнительный анализ и мета-анализ проблемы, в том числе мета-анализ качества тестов. В этой связи на конференции обсуждалось наше предложение (совместно с А. Ю. Поповым) создать Общероссийский банк «сырых» и психометрических данных [11].

7. Огромная проблема, которая только осознается отечественной психодиагностикой, – это проблема объективизации психодиагностических заключений и отчетов с использованием специальных моделей интерпретации данных с помощью компьютеризированных подходов. Зарубежные фирмы явно нашли способ решения этой проблемы и предлагают заказчику от 5 до 10 заключений (отчетов) разной ориентации по результатам одного тестирования. Здесь у нас только начинаются серьезные работы, например, К.Р. Червинской [15]. Понятно, что интерпретация индивидуальных данных в виде привязывания содержания текста интерпретации к какому-то интервалу на шкале показателей приводит к очень упрощенным отчетам, в которых регу-

лярно возникают противоречия, которые потом выправляются от руки, исходя из опыта психолога, а частенько «на глазок». Поэтому интерпретацию индивидуальных данных принято у нас относить к области искусства. Психолога в отечественной психодиагностике предлагают специально обучать учитывать внетестовую информацию: внешний вид, речь, мимику, изменения голоса и т.д., а в итоге приходиться к диагнозу на основе озарения, (инсайт психодиагноста), в котором удастся увязать всю информацию [10]. Приходится согласиться, что такой подход на данном этапе развития психодиагностики неизбежен. Но при этом все зависит от того, относится ли специалист к такому подходу как к временному явлению, не закрывающему путь к поиску научных методов решения проблемы объективной интерпретации, в частности компьютерной, или же он принципиально считает субъективную интерпретацию единственно возможной. Например, в романе Бориса Пастернака «Доктор Живаго», написанном почти 100 лет назад, Живаго обладал особым даром психодиагноста без опоры на лабораторные данные. И сейчас такой дар не мешает врачу, но основной тренд медицины направлен на разработку сложных диагностических приборов типа компьютерного томографа, современных ультразвуковых и иных объективных методов, используя результаты диагностики по которым хороший врач даже без редкого дара может диагностировать очень сложные заболевания.

8. Большой пробел в отечественной психодиагностике сохраняется в области применения компьютерных технологий. В то время как большинство зарубежных фирм давно перешло на компьютерную диагностику, оказывая основные услуги по технологии on-line, используя аутсорсинг, у нас из отечественных фирм только «Гуманитарные технологии» занимают в этом вопросе бескомпромиссную позицию. Отклик же большого психологического сообщества явно отстает. Видимо поэтому только всего два тезиса докладов прислано на секцию конференции, специально посвященную проблеме компьютеризации. Это говорит о том, что продолжается использование самых *простых функций* компьютера – проведение тестирования на экране, подсчет сырых данных, построение графика, (т. е. на уровне 90-х годов прошлого века), в то время как уже закончилось первое десятилетие нового.

В заключение хочется еще раз подчеркнуть, что последние два года показали нам возможность отечественной психодиагностики выйти из системного кризиса и не остаться на обочине развития международной психологии в целом, которое невозможно без развития психодиагностики. Будем надеяться, что нас не постигнет судьба отечественного автопрома.

Литература

1. Анастаси, А. Психологическое тестирование: пер. с англ. / А. Анастаси, С. Урбина. – СПб.: Питер, 2007.
2. Батури, Н.А. Блог на сайте www.ht.ru тема № 15 (дата обращения: 07.10.2010).
3. Батури, Н.А. Блог на сайте www.ht.ru тема № 20 (дата обращения: 07.10.2010).
4. Батури, Н.А. Авторские права на психодиагностические методики / Н.А. Батури, А.В. Минбалева // ИС. Авторское право и смежные права. – 2010. – № 6.
5. Батури, Н.А. Проблемы охраны авторских прав на психологические продукты / Н.А. Батури, А.В. Минбалева // Вестник ЮУрГУ. Серия «Психология». – 2010. – Вып. 8.
6. Батури, Н.А. Компендиум психодиагностических методик России: описание и первичный анализ / Н.А. Батури, А.В. Пичугова // Вестник ЮУрГУ. Серия «Психология». – 2008. – Вып. 1.
7. Батури, Н.А. Современная психодиагностика в России / Н.А. Батури // Вестник ЮУрГУ. Серия «Психология». – 2008. – Вып. 2.
8. Ежегодник профессиональных рецензий и обзоров. Методики психологической диагностики и измерения / под ред. Н.А. Батурина, Е.В. Эйдмана. – Челябинск: Издательский центр ЮУрГУ, 2010. – Т. 1. – 293 с.
9. Компендиум психодиагностических методик России и СССР [Электронный ресурс]: сайт лаборатории психодиагностики ЮУрГУ URL: http://lab.psytest.ru/ru/Nauchnaja_zhizn/KOMPENDIUM (дата обращения: 07.10.2010).
10. Костромина, С.Н. Психодиагностика как особый вид познавательной деятельности специалиста / С.Н. Костромина // Современная психодиагностика в период инноваций: сб. тезисов II Всероссийской научной конференции: Издательский центр ЮУрГУ, 2010. – С. 75–81.
11. Попов, А.Ю. Возможности и перспективы создания Общероссийского банка «сырых» данных психометрических исследований / А. Ю. Попов // Современная психодиагностика в период инноваций: сб. тез. II Всероссийской научной конференции: Издательский центр ЮУрГУ, 2010. – С. 139–142.
12. Постановление Президиума Российского психологического общества от 04 июня 2008 года // Вестник ЮУрГУ. Серия «Психология». – 2008. – Вып. 2.
13. Психометрика: Введение / пер. с англ. А.С. Науменко, А.Ю. Попова // Р. Майкл Фер, Верн Р. Бакарарк; под ред. Н.А. Батурина, Е.В. Эйдмана. – Челябинск: Издательский центр ЮУрГУ, 2010. – 445 с.
14. Решение совместного заседания президиума РПО и президиума Совета по психологии УМО от 11.09.2010 г.
15. Червинская, К.Р. Психология извлечения экспертных знаний субъектов труда: автореф. дис. ... д-ра психол. наук / К.Р. Червинская. – СПб.: СПбГУ., 2010.
16. Шмелев А.Г. Блог на сайте www.ht.ru тема № 84 «Новая программа "Психодиагностика" (для бакалавров)» (дата обращения: 07.10.2010).
17. Электронный ресурс: <http://teacode.com/online/vak/p19-00-01.html> (дата обращения: 07.10.2010).
18. Электронный ресурс: www.bps.org.uk (дата обращения: 07.10.2010).

Поступила в редакцию 10 октября 2010 г.

Батури Николай Алексеевич. Доктор психологических наук, профессор, декан факультета психологии, Южно-Уральский государственный университет, г. Челябинск: nikbat@list.ru.

Nikolay A. Baturin. PsyD, professor, the dean of the Faculty of psychology, head of chair «Psychological diagnostics and Counseling» of South Ural State University: nikbat@list.ru.

ТЕХНОЛОГИЯ РАЗРАБОТКИ ТЕСТОВ: ЧАСТЬ IV

Н.А. Батурин, Н.Н. Мельникова

Статья является продолжением описания пошаговой технологии разработки тестов, изложение которой начато в предыдущих номерах журнала. В четвёртой части цикла статей описывается VI «интерпретационный» этап разработки теста и рассматриваются ключевые задачи этого этапа, связанные с разработкой схем интерпретации, подготовкой текстов интерпретаций и описанием различных моделей составления отчётов. Также в статье подробно обсуждаются три принципа, обеспечивающие качество интерпретаций и валидность диагностических отчётов: (1) ориентация на конкретные практические цели, (2) соблюдение границ содержания, (3) опора на эмпирические данные, полученные в ходе психометрической проверки методики.

Ключевые слова: разработка теста, интерпретация теста, диагностические отчёты.

Введение

В первой части цикла статей была представлена общая схема процесса разработки тестов, приведена последовательность этапов и шагов разработки и указаны основные задачи, решаемые на каждом из них [2]. Там же были описаны два начальных этапа: этап I – «организационный» и этап II – «содержательный», которые являются фундаментом создания любой методики, задавая стратегическую линию разработки и обеспечивая валидность методики на содержательном уровне. Во второй части цикла статей обсуждались следующие этапы: III – «подготовительный» и IV – «исследовательский», посвященные вопросам формулирования и отбора эффективных тестовых пунктов и проблемам проверки основных психометрических показателей тестов: надёжности и валидности [3]. В третьей части рассматривался V – «стандартизационный» этап [4]. Данная статья продолжает поэтапное описание процесса разработки тестов и посвящена вопросам интерпретации теста.

Этап VI. ИНТЕРПРЕТАЦИОННЫЙ

Шаг 10. Разработка системы интерпретации результатов

Шестой «интерпретационный» этап разработки чрезвычайно важен для подготовки методики к её корректному применению. Неграмотная интерпретация полученных результатов может свести «на нет» все усилия разработчиков по достижению валидности теста, предпринятые на предыдущих этапах процесса. Проблема заключается в том, что в совре-

менной отечественной практике использования тестов ответственность за интерпретацию результатов во многом возложена на пользователя. Разработчики обычно не уделяют должного внимания проработке этапа интерпретации и ограничиваются кратким определением изучаемых конструктов и абстрактными описаниями «высоких» и «низких» баллов по отдельным шкалам. Однако для создания диагностического отчёта, который мог бы быть полезен для практики, такой информации недостаточно. Это особенно актуально для сложных многошкальных методик, где наиболее информативными являются комбинации показателей [6]. В отечественной практике мы привыкли к тому, что грамотность применения той или иной методики достигается преимущественно опытом её использования. В результате многократных (и многолетних) применений у пользователя формируется качество «экспертности» – во многом интуитивное «видение» того, как интерпретировать конкретную конфигурацию данных, какую стратегию анализа лучше выбрать, на что обратить внимание в первую очередь и т. д. [12]. Путём многократных проб и ошибок пользователь приходит к умению создавать валидные интерпретации и заключения, поскольку вынужден соотноситься с практикой и отвечает за результат.

Однако для пользователя длительность этого пути и сложность действий, связанных с интерпретацией и составлением диагностических отчётов, может быть значительно снижена усилиями разработчиков методики. Если

удаётся формализовать необходимые процедуры: прописать схемы анализа, составить удобные алгоритмы, а ещё лучше – автоматизировать ряд задач, передав их компьютеру, пользователь оказывается в более благоприятной ситуации, а методика становится лучше застрахованной от некорректного применения [6]. На VI этапе должна быть разработана система интерпретации, сопровождающаяся подробными указаниями для пользователя, регламентирующими и направляющими его действия при интерпретации результатов и составлении диагностических отчётов. В целом, на шестом «интерпретационном» этапе процесса создания методики перед разработчиками стоят *3 задачи*: (1) разработка схем интерпретации, (2) подготовка текстов интерпретаций, (3) описание моделей составления отчётов.

Перед тем как рассмотреть особенности выполнения названных задач (в статье это будет сделано позже), важно выделить базовые принципы, на которые опирается такая работа.

Три принципа, обеспечивающие качество интерпретаций и валидность диагностических отчётов

Критерием оценки качества интерпретаций и построенных на их основе диагностических отчётов может служить соответствие следующим принципам:

- 1) *ориентация на конкретные практические цели;*
- 2) *соблюдение границ содержания;*
- 3) *опора на эмпирические данные, полученные в ходе психометрической проверки методики.*

Указанные принципы – это «три кита» хорошей интерпретации и условия, обеспечивающие валидность и практическую применимость диагностических отчётов. Поэтому они должны служить руководящими основами, направляющими деятельность разработчика на интерпретационном этапе. Рассмотрим эти принципы подробнее.

1. Ориентация на конкретные практические цели

Ни у кого не вызывает сомнения утверждение, что диагностика не является самоцелью. Полученная с помощью тестов информация нужна для решения каких-то практических задач. Например, если на некотором предприятии используется тест трудовой мо-

тивации, то, как правило, конечная цель диагностики не заключается в том, чтобы просто «посмотреть, какая у сотрудников мотивация». Реальные цели более прагматичны и более конкретны. Так, результаты исследования трудовой мотивации могут быть использованы для: а) разработки программы нематериального мотивирования сотрудников б) отбора кандидатов на определённые вакантные должности (например, на управленческие), в) прогноза успешности адаптации вновь принятых сотрудников и т.д.

Разные практические цели предполагают разные стратегии анализа результатов, разные ключевые единицы интерпретации и разные формы отчётов. Например, при использовании теста трудовой мотивации для целей отбора необходимо соотнесение полученных результатов с критериальными нормами, а при планировании программы мотивации более продуктивной будет интерпретация ведущих мотивов в свете репрезентативных групповых норм. При отборе кандидатов может быть полезным анализ типовых профилей, а для разработки программы мотивации – анализ тенденций по структурным единицам предприятия. Отчёт, полезный для принятия решения о приёме или отклонении кандидата, должен содержать оценку степени риска позитивного и негативного решения и описание переменных-модераторов, способных повлиять на прогнозируемый исход. А в отчёт, который будет использоваться для планирования мероприятий по мотивированию сотрудников, желательно включить тексты, поясняющие организационные факторы, отвечающие за те или иные мотивационные тенденции.

Пригодный для практики диагностический отчёт должен содержать ключевую информацию, важную для принятия тех или иных решений. А задача разработчика – предоставить пользователю *технологии извлечения из полученных результатов сведений, полезных для конкретной практической цели* [6]. Если методика многоцелевая (т.е. планируется её использование для нескольких практических целей), то для каждой цели предлагается своя схема анализа, свои тексты интерпретаций и своя форма отчётов.

Такой подход может показаться нестандартным (а точнее, непривычным для отечественной психодиагностики), но он вполне оправдан. Напомним, что с точки зрения практики (и современной психометрики) такое понятие, как некая «абстрактная» валид-

ность теста считается бессмысленным [1, 7, 10, 15]. Общая концептуальная валидность и интерпретация, делающая акцент на сущности изучаемого конструкта и построенная на детальном описании его особенностей, несомненно, представляет ценность для любого инструмента. Однако это прерогатива исследовательской методики. Для того чтобы инструмент мог быть эффективно использован на практике, таких сведений недостаточно. Практико-ориентированные интерпретации – ещё одно существенное отличие диагностической методики от исследовательской.

Ещё на I «организационном» этапе разработки (см. шаг 1 «Планирование проекта») ставится вопрос: для поддержки каких практических задач требуется разработать инструмент? Именно цели практики определяют «область валидности» теста, в соответствии с чем уже и планируются все процедуры её обеспечения и проверки. Напомним, что разные практические цели предполагают разные программы проверки валидности и разные модели стандартизации [2]. Если такие вопросы продуманы изначально, то на этапе интерпретации не возникает сложностей с тем, чтобы приспособить методику к конкретным практическим задачам.

Чёткая направленность интерпретации на конкретные практические цели застрахует тест ещё от одной серьёзной проблемы: тенденции к излишнему расширению области его применения. Простая истина заключается в том, что даже самый многоплановый психодиагностический инструмент (например, такой как 16-PF или Big-5) не может быть универсальным. Поэтому с некоторым скепсисом приходится относиться к популярным попыткам использовать тот же 16-PF для всевозможных целей (профотбора, личностного консультирования, подбора команд и т. д.), *если эти возможности инструмента специально не валидизированы.*

При этом не исключается появление новых областей практического использования теста в процессе его эксплуатации. Однако повторимся ещё раз, эти новые возможности должны быть специально валидизированы и представлены в виде отдельной пользовательской стратегии. Например, существует специальная версия CPI, приспособленная для целей консультирования по вопросам развития лидерских качеств [18]. Для этих целей авторы предлагают отдельное руководство к CPI, где обозначены определённые комбинации

шкал, имеющие отношение к тем или иным характеристикам лидерства, и для них проведена специальная стандартизация.

Таким образом, у завершённого и готового к применению психодиагностического инструмента схемы интерпретаций и модели отчётов должны быть привязаны к конкретным практическим целям. В руководстве также полезно обозначить ограничения методики: указать, для каких практических целей методика не может применяться.

2. Соблюдение границ содержания

Смысл этого принципа заключается в том, что интерпретации не должны выходить за границы того содержания, которое изначально заложено в тест. На первый взгляд, этот принцип представляется очень естественным и простым. Однако на практике мы достаточно часто сталкиваемся с неадекватно расширенными толкованиями результатов, а иногда – и с явными несоответствиями текстов интерпретаций тому диагностическому материалу, на основе которого получены данные.

Это особенно актуально для методик, в основе которых лежат сложные, неоднозначные концепты, например такие, как жизнестойкость, эмоциональный интеллект, честность, толерантность и др. Часто тексты интерпретаций составляются только с опорой на название и выглядят, как абстрактная словарная статья, допускающая очень широкую содержательную трактовку. Например, жизнестойкость может рассматриваться и как аналог стрессоустойчивости, и как умение преодолевать трудности на пути достижения жизненных целей. А межличностную толерантность можно трактовать и как нечувствительность к определённым проявлениям другого человека, и как принятие, основанное на признании ценности другого. Хорошая интерпретация должна прояснять, какое именно концептуальное понимание заложено в тест автором. Иначе для пользователя создаётся искушение вольной трактовки результатов, разворота контекста в сторону, субъективно интересующую пользователя или удобную для заказчика. Из-за этого в процессе эксплуатации нередко происходит «смещение» содержания теста, что негативно влияет на его валидность.

Напомним, что ещё на II «содержательном» этапе процесса разработки теста перед авторами стояла задача определения концепта [2]. Явлению, для измерения которого предназначен тест, было дано чёткое определение,

отражающее концептуальную позицию автора, его понимание и специфическую трактовку. Именно эта трактовка и должна быть подчеркнута в текстах интерпретаций, чтобы избежать искажения содержания, которое может быть привнесено пользователем.

В целом, при грамотной организации процесса разработки теста ещё на его начальных стадиях были подробно описаны особенности содержательного поля и ключевой феноменологии, впоследствии заложенные в тест. Эта информация может быть весьма полезна при составлении текстов интерпретаций, поскольку позволяет чётче обозначить границы содержания, отвечая на вопросы: в каких областях реальности и посредством каких эмпирических феноменов свойство, измеряемое тестом, даёт о себе знать [2].

Если в качестве интерпретации автор предлагает лишь абстрактное описание концепта, то область валидности теста становится неопределённой, и соответственно снижается его практическая ценность. Некоторые искушённые в этом вопросе пользователи для более ясного вычленения и ограничения содержательного поля интерпретаций прибегают к «кустарному» приёму: они обращаются к конкретным пунктам теста, и это конкретное содержание закладывают в основу интерпретаций. Таким способом пользователи соблюдают требования содержательной валидности, стараясь «не попасть мимо» в своих заключениях. Однако задача чёткой прорисовки и ограничения содержательной области интерпретаций всё же должна быть задачей разработчика, а не вынужденной мерой пользователя.

В этом смысле в наиболее выгодной позиции находятся разработчики тестов достижений. Многие широко востребованные образцы таких тестов сопровождаются предметно-ориентированными нормами и предлагают интерпретацию, которая строится на весьма детальном описании уровней выполнения через изложение содержания тестовых единиц, соответствующих каждому уровню [14]. Иногда в отчётах в качестве иллюстраций даже приводятся таблицы с описанием содержания отдельных, наиболее репрезентативных для каждого субтеста пунктов. Проведённые фокус-групповые исследования, где участниками были лица, использующие результаты тестов достижений в своей работе, показали, что наиболее полезными и информативными для принятия практических решений считаются отчёты, предлагающие подробные описания и

объяснения содержательной стороны теста. По мнению участников фокус-групп, такие отчёты позволяют сориентироваться в том, что конкретно измерялось и направленно выделить сильные и слабые стороны каждого тестируемого [19].

Естественно, не всегда возможно достичь такой степени детализации содержания при интерпретации личностных методик. Однако при составлении текстов интерпретаций необходимо учитывать особенности того ситуативного поля, на материале которого конструировался тест. Так, например, при интерпретации теста, диагностирующего ответственность, важно указать, были ли использованы ситуации, связанные с профессиональной деятельностью, или же ответственность изучалась на материале ситуаций межличностных отношений, а может, – на материале стрессовых ситуаций. Заложенное в тест содержательное поле задаёт контекст интерпретаций и во многом определяет границы экстраполяции результатов. Поэтому такие сведения обязательно должны быть донесены до пользователя.

Особая ситуация складывается с интерпретацией шкал, полученных в результате факторизации. Такие шкалы редко имеют хорошо проработанные содержательные основы, поскольку многие из них выявляются только в ходе создания методики. Разработчики, имеющие опыт использования факторной модели, знают, как сложно дать корректное название найденному фактору, которое бы точно отражало сущность латентной переменной. Тем не менее, когда название всё же выбрано, его почему-то воспринимают как окончательную истину, и интерпретацию составляют уже исходя из названия, часто серьёзно отклоняясь от реального эмпирического наполнения фактора. Но для интерпретатора сложность состоит ещё и в том, что даже опора на содержание пунктов, получивших наибольший вес в факторной структуре, не всегда позволяет уловить суть латентной переменной. Поэтому любой вновь полученный фактор должен быть специально валидизирован (см. далее принцип эмпирического подтверждения интерпретаций), после чего имеет смысл вновь задуматься о его наименовании.

В целом, содержание интерпретаций должно быть привязано к конкретному инструменту, а не просто к соответствующему абстрактному концепту. Поэтому важно, чтобы при подготовке текстов интерпретаций разработчик учитывал два момента: а) особенности

авторской трактовки явления, б) содержательное поле и ключевую феноменологию, на которых построен тест.

3. Опора на эмпирические данные, полученные в ходе психометрической проверки методики

В стандартах AERA, APA & NCME зафиксировано, что любая интерпретация должна иметь как теоретические основы, так и эмпирические подтверждения [13]. Мы не можем вносить в интерпретацию того содержания, которое не подтверждено эмпирически. Например, как уже было указано выше, чтобы корректно интерпретировать некий фактор, полученный в ходе разработки теста, он должен быть специально валидизирован.

Основным источником эмпирической информации при подготовке содержания интерпретаций выступают данные, полученные в ходе психометрической проверки и стандартизации методики. При добросовестно организованной разработке таких данных может быть достаточно много. Однако для разработчика существуют 4 «скользких» момента при подготовке интерпретаций. Они связаны

- с интерпретацией *паттернов, конфигураций показателей* (например, профилей),
- интерпретацией *производных показателей* (например таких, как индексы, коэффициенты),
- интерпретацией *шкал, полученных в результате факторизации,*
- включением в тексты интерпретаций *ссылок на другие переменные, связанные с диагностируемой.*

Кратко остановимся на каждом из этих пунктов.

Выше уже говорилось, что наиболее полезная для практики информация по большей части извлекается из определённых *комбинаций показателей*. Многие разработчики сопровождают интерпретации тестовых батарей объяснениями того, что значат те или иные сочетания показателей, а в руководствах к многошкальным методикам предлагают интерпретацию типовых профилей. Отдельные профили могут рекомендоваться как критерии отбора (например, на определённую должность) или служить показателями некоторого диагноза.

Подобные стратегии интерпретации могут быть продуктивными и весьма удобными для пользователя. Основная проблема здесь

заключается в том, что при разработке методик традиционно *валидизируются отдельные шкалы*, в то время как *интерпретируются в основном их комбинации*. А интерпретации различных комбинаций по большей части выводятся *путём умозаключений*, построенных на синтезе знаний относительно природы отдельных шкал. Такая «логическая» стратегия построения интерпретаций имеет два серьёзных недостатка.

Во-первых, полученные таким образом интерпретации далеко не всегда улавливают существо нового содержания, привносимого сочетанием показателей. Некоторая комбинация потому и приобретает дополнительную практическую ценность по сравнению с изолированными показателями, что «снимает» качественно новое содержание. Это содержание часто отражает некие вторичные свойства, которые могут качественно отличаться от исходных составляющих. Поэтому *любые интерпретируемые комбинации показателей должны быть валидизированы как самостоятельные единицы*. Например, корректная трактовка типовых профилей требует отдельной валидизации каждого профиля.

Во-вторых, логическая стратегия составления интерпретаций не даёт никаких надёжных оснований для того, чтобы выделить из многочисленных вариаций полезные для практики комбинации показателей. При этом важно напомнить, что разные комбинации неодинаково полезны для разных практических целей. Ценность же разных сочетаний показателей для решения конкретных практических задач может подтвердить только внешняя валидизация. Например, важно эмпирически доказать, что некий профиль действительно характерен для успешного руководителя или менеджера по продажам.

Похожая ситуация складывается и с интерпретацией *производных показателей* (все возможных индексов и коэффициентов). Производные показатели вычисляются на основе исходных (например, на основе оценок по отдельным шкалам) путем некоторых математических операций. Это может быть простое отношение величины одной шкалы к другой или же весьма сложное математическое преобразование. По сути, введение производного показателя – это попытка зафиксировать некоторую полезную комбинацию, придав ей количественное выражение. Такой подход весьма продуктивен, поскольку позволяет не только констатировать наличие некоторого

нового содержания, но и даёт возможность измерять его.

Однако чтобы использовать эту вновь появившуюся возможность, любой производный показатель должен быть не только самостоятельно валидизирован, но и *стандартизован*. Только отдельная стандартизация позволит корректно интерпретировать его величину. В реальности же мы постоянно сталкиваемся с практикой интерпретации количественных градаций таких показателей по типу: «если $k < 1$, то...; если $k > 1$, то...». Возникает вопрос: действительно ли это так? И где та грань, которая могла бы отметить качественные изменения в свойстве, которое отражает коэффициент? Дело в том, что ответить на эти вопросы путём логических умозаключений невозможно...

К сожалению, в большинстве случаев в отечественной практике (и, кстати, не только в отечественной) производные показатели в методиках не валидизируются и не стандартизируются, а их интерпретация производится на основании логических предположений, и, по сути, может иметь лишь статус гипотез.

Если говорить о *шкалах, полученных в результате факторизации*, то здесь ситуация более благоприятная: как правило, большинство таких шкал проводятся через процедуры валидизации и стандартизации. Тем не менее их интерпретация (особенно факторов II порядка) оставляет желать лучшего. По всей вероятности, причина здесь в недостаточно тщательной валидизации. Выше уже говорилось, что обычно фактору сначала приписывается название, а затем уже проводится его валидизация. В большинстве случаев эта процедура заключается в подтверждении нескольких корреляционных взаимосвязей, которые можно с натяжкой привязать к обозначенному в названии содержанию. Достаточно ли этого? Следует напомнить, что именно для идентификации вновь полученных факторов было введено понятие «конструктивная валидность» [1, с. 134], изучение которой предполагает серию серьёзно спланированных исследований, к которым привлекаются разнообразные хорошо продуманные методы. Только такая проработка может обеспечить полноценную и корректную интерпретацию факторных шкал.

Для разъяснения сути измеряемого параметра часто бывает полезно показать его связи с другими явлениями. Для этого в тексты вводят ссылки на *другие переменные, связан-*

ные с диагностируемой. Например, интерпретация результатов теста карьерных ориентаций может сопровождаться утверждениями, подобными следующим: «Люди, ориентированные на предпринимательство, имеют высокую мотивацию достижения...» или «С возрастом и опытом работы ориентация на менеджмент становится сильнее...». Хотя подобные трактовки и кажутся логичными и закономерно вытекающим из содержания конструкта, они должны быть проверены на практике, и, что особенно важно, подтверждены именно для конкретной методики. Например, надо иметь достоверные эмпирические доказательства того, что для людей, у которых выявлена предпринимательская ориентация с помощью методики «Х», также характерна и высокая мотивация достижения.

В современной практике (кстати, не только у нас в России, но и за рубежом) в тексты интерпретаций императивом вводят такие положения, которые на самом деле являются лишь гипотезами и должны проверяться при изучении конструктивной валидности, прежде чем попасть в интерпретации. Особой «виртуозности» в этом смысле достигают интерпретаторы при толковании данных проективных тестов. В описании некоторых комбинаций результатов (например, теста Роршаха или проективного цветового теста) можно насчитать до десяти различных новых свойств, черт, конструктов, которые вводятся для объяснения содержания. Хорошо, если из них валидизированы хотя бы один-два.

Такие свободные трактовки приводят к генерализации интерпретаций – распространению их на содержательные области, которые сам тест не затрагивает. Отсюда иллюзия у новичков и непрофессионалов – что одним тестом можно объять необъятное, решить много разноплановых проблем и описать чуть ли не всю личность человека. Важно, чтобы разработчик мог чётко обозначить верифицированные на настоящий момент границы валидности теста. И именно в пределах этих границ следует выдерживать интерпретации.

В руководстве (или в приложении к нему) полезно приводить конкретные эмпирические свидетельства тех утверждений, которые включены в интерпретации. Это важно и в плане формирования психометрической культуры пользователя тестов. В настоящее время пользователь не имеет средств отличить профессионально разработанный инструмент от кустарного творчества, поскольку не знает, на

что ему ориентироваться, и не приучен искать в руководствах научно обоснованных подтверждений предлагаемым интерпретациям.

Все вышеизложенные принципы построения интерпретаций и отчётов обеспечивают сохранение валидности теста в процессе его последующей эксплуатации. Учитывая эти принципы, рассмотрим конкретные действия разработчика, которые должны быть предприняты для решения ключевых задач «интерпретационного» этапа создания методики. Напомним, что таких задач три:

- 1) разработка схем интерпретации,
- 2) подготовка текстов интерпретаций,
- 3) описание моделей составления отчётов.

1. Разработка схем интерпретации

Схема интерпретации представляет собой *последовательность действий, необходимую для извлечения из полученных результатов сведений, полезных для конкретной практической цели*. Напомним, что для многоцелевых тестов таких схем может быть несколько, и каждая из них должна быть описана отдельно.

Для того чтобы разработать полезную для практики схему интерпретации, необходимо решить ряд промежуточных задач:

- а) построение общей стратегии интерпретации,
- б) определение ключевых показателей и комбинаций,
- в) выстраивание последовательности шагов анализа и интерпретации.

Вопросы, касающиеся *построения общей стратегии интерпретации*, являются ключевыми при разработке будущей схемы. Разные задачи практики (отбор, прогноз, консультирование по развитию и др.) отдают предпочтение разным стратегиям интерпретации. При построении стратегии решаются вопросы, касающиеся выбора основной линии анализа. Например, акцент может быть сделан на сопоставлении результатов с неким критериальным эталоном, или на категоризации результатов (отнесении к группе, типу), или же на многостороннем описании индивидуальной картины [10, 12, 16]. Стратегии интерпретации также различаются в зависимости от того, с какими нормами соотносятся полученные результаты (с групповыми, критериальными, предметно-ориентированными) [4]. Стратегическим является и вопрос выбора единиц интерпретации. Например, для хода анализа немаловажно, будут ли рассматриваться показате-

тели по отдельным шкалам с последующей их «склеивкой» или же единицами интерпретации будут служить устойчивые комбинации, паттерны результатов (такие, как типовые профили и т. д.) [12, 16, 19]. Различаются также и стратегии интерпретации при рассмотрении индивидуальных и групповых результатов. Некоторые задачи практики (например, разработка организационных мероприятий) обычно опираются на интерпретацию групповых результатов диагностики [19].

Напомним, что для тестов, которые планируется использовать для нескольких практических целей, создаётся несколько отличающихся друг от друга схем интерпретации, в основе каждой из которых лежит своя стратегия.

Определение ключевых показателей и комбинаций также производится отдельно для каждой из интерпретационных схем. Эта задача особо актуальна для сложных многошкальных методик, а также для тестов, задающих неоднозначную трактовку результатов (например, проективных). Далеко не вся информация, предлагаемая тестом, может быть полезна для конкретной практической цели. Поэтому возникает необходимость выделить из многочисленных вариаций именно *те комбинации показателей, которые несут полезную информацию для решения конкретных практических задач*. Они и станут ключевыми для интерпретации.

Как правило, в рамках одной схемы интерпретации ключевых показателей выделяется относительно немного, но именно они служат ориентирами и источниками информации при принятии диагностических решений.

В качестве ключевых могут выступать весьма разные паттерны результатов, и далеко не всегда это просто высокие или низкие баллы по какой-то шкале. Например, в качестве ключевых могут быть выделены:

- достижение заданного уровня одновременно по двум (или более) шкалам,
- определённая величина отношения одного показателя к другому,
- характерное соотношение двух показателей при заданной величине третьего,
- сглаженность – рельефность профиля или гексограммы,
- особая конфигурация профиля и др.

Как правило, ключевые показатели тесно связаны с эмпирической реальностью и отражают такие особенности результатов, которые имеют «осязаемые» последствия в

жизни и значимы для принятия практических решений.

Опытные пользователи часто самостоятельно приходят к постепенному вычленению таких показателей. Происходит как бы спонтанная внешняя валидизация методики пользователем, поскольку результаты постоянно применяются им на практике. В исследовании К.Р. Червинской подчёркивается, что в основе экспертного умения диагноста лежит многолетняя практика решения проблем [11,12]. У опытного пользователя формируется своя система «диагностических понятий», которая как раз и отражает ключевые показатели. В такую систему могут входить не только паттерны результатов и их сочетания, но и продуктивные способы разбиения шкалы на интервалы, способы определения, является ли показатель пиком в профиле и др. [12]. Опытный диагност знает, на что следует обратить внимание в первую очередь, что важно, что критично в полученной картине результатов. Однако как показали исследования К.Р. Червинской, такой опыт трудно вербализовать и передать другим: требуются специальные процедуры «извлечения экспертных знаний», позволяющие выявить и формализовать продуктивные решения [11,12].

В то же время надо отметить, что использование знаний экспертов чрезвычайно важно при обучении начинающих пользователей. Уже существует опыт создания автоматизированных экспертных систем, построенных на основе моделирования рассуждений экспертов в процессе интерпретации результатов тестирования (К.Р. Червинская). Также пользуется популярностью так называемый «прецедентный» подход (И.Г. Залюбовский, А.Г. Шмелёв), в основе которого лежит накопление базы реальных диагностических случаев («прецедентов»), часто с завязкой на критериальные данные (например, на информацию об эффективности профессиональной деятельности обследованных). Указанные подходы («извлечение экспертных знаний» и «прецедентный»), несмотря на их различие, могут быть использованы для выделения ключевых показателей для конкретных интерпретационных схем. Однако это актуально для уже существующих методик, опыт применения которых достаточно широк и имеет длительную историю. Создание экспертных систем на основе указанных подходов может в высшей степени улучшить пользовательские характеристики таких методик.

Для вновь создаваемых методик задача определения ключевых показателей должна быть возложена в большей мере на разработчиков. По существу, такая задача должна входить в программу психометрической проверки методики. Автору, несомненно, легче указать стратегию поиска продуктивных решений при интерпретации и выделить полезные ключевые показатели, поскольку он знает методику «изнутри», тщательно изучив все её нюансы и детали в процессе разработки. (Это не исключает последующее дополнение найденных решений на этапе эксплуатации методики с участием других исследователей и непосредственных пользователей). При этом особо важно, чтобы все ключевые показатели были валидизированы. Тогда рекомендации автора будут опираться не на интуицию, а на обоснованное знание особенностей методики, на достоверные эмпирические результаты, подтверждающие ценность тех или иных паттернов для решения конкретных практических задач. В большинстве случаев найденные ключевые показатели (и даже сложные комбинации) можно зафиксировать либо с помощью критериальных норм, либо в виде производных коэффициентов с их последующей стандартизацией.

Выделение для каждой интерпретационной схемы ограниченного числа полезных ключевых показателей делает процесс интерпретации для пользователя более конкретным, экономичным и технологичным.

Выстраивание последовательности шагов анализа и интерпретации

Когда ясна общая стратегия интерпретации и выделены ключевые показатели, для окончательного оформления интерпретативной схемы необходимо прописать последовательность действий при анализе и интерпретации результатов. Последовательность действий фиксируется в виде шагов, регламентированных правилами вывода (например, «Если... – то...»). Традиционно такая задача в наиболее явном виде прорабатывалась при создании компьютерных систем интерпретации, где выступала необходимым условием автоматизации процесса. Однако и для методик, не предполагающих компьютерного обеспечения, формализация схем интерпретации является желательной, поскольку снижает общую сложность методики для пользователя [5].

Последовательность шагов зависит от выбранной стратегии, состава ключевых по-

казателей, а также во многом определяется характером исходных данных. В частности, от характера исходных данных зависит сложность модели и применяемые способы структурирования. Примером элементарного уровня сложности может быть линейная схема, построенная для интерпретации одношкального теста. В этом случае действия пользователя заключаются лишь в том, чтобы, ориентируясь на нормы, отнести результат конкретного тестируемого к одному из диапазонов и выбрать соответствующий текст описания из нескольких имеющихся в наличии. Высокую сложность для пользователя представляют многоскальные методики и батареи тестов, где интерпретация требует учёта внутренних взаимосвязей между параметрами и согласования противоречивых данных [5, 11]. Здесь (как уже указывалось выше) особое значение имеет предварительная проработка ключевых показателей, в качестве которых чаще всего выступают паттерны результатов. Схемы интерпретаций для таких методик должны учитывать противоречия в данных, допускать параллельное ведение нескольких линий анализа и вариативность решений. При их построении могут быть использованы сложные модели структурирования (такие, как деревья решений с множественным ветвлением, сети и др.) [12].

Однако важно отметить, что практическая ориентация конкретной интерпретационной схемы частично решает проблему избыточной сложности. Подчеркнём ещё раз, что особенность практико-ориентированных схем интерпретации состоит в том, что их *центральными структурными элементами выступают* не все подряд, а именно *ключевые показатели*, полезные для решения той практической задачи, на которую ориентирована схема интерпретации. Как уже говорилось выше, таких показателей и комбинаций оказывается немного. (Остальные показатели, многие из которых представляют ценность для каких-то других целей, в рамках конкретной схемы опускаются). Поскольку практико-ориентированная схема построена на пошаговом продвижении «в поле» ограниченного числа ключевых показателей, структура отдельной схемы, как правило, не превышает порога умеренной сложности. Это в большинстве случаев позволяет представить схему интерпретации графически, что удобно для пользователя.

Таким образом, конкретная методика может быть обеспечена несколькими самостоя-

тельными схемами интерпретации, предназначенными для разных целей диагностики. В основе каждой из таких схем лежит своя стратегия интерпретации, а узловыми элементами является свой набор ключевых показателей. При этом ограниченное число полезных показателей делает каждую схему достаточно экономичной, а полученные с её помощью интерпретации более конкретными и функциональными в смысле решения поставленных практических задач.

2. Подготовка текстов интерпретаций

По определению, интерпретировать – значит «...истолковывать, объяснять, излагать более понятным языком, раскрывать смысл, содержание чего-либо» [9, с. 245]. В этом смысле интерпретация результатов теста – это перевод данных, в большинстве случаев выраженных в числовом формате, на язык текстов, доступных пользователю, удобных для восприятия и пригодных для принятия практических решений по результатам диагностики.

Подготовка текстов интерпретаций – отдельная задача VI «интерпретационного» этапа, к которой приступают непосредственно после разработки схем интерпретации. Разработчик должен предложить пользователю толкование различных вариантов полученных результатов.

Степень формализации текстов интерпретаций может быть различна. Это могут быть полностью законченные тексты, которые позже будут использованы в отчётах практически без изменений, или же отдельные текстовые фрагменты, из которых «собирается» отчёт. Также могут быть полезными и мало структурированные вспомогательные тексты, разъясняющие суть тех или иных показателей. Ориентируясь на такие тексты, пользователь будет писать отчёты самостоятельно.

Традиционный подход, когда пользователю предлагаются лишь весьма абстрактные описания «высоких» и «низких» баллов по отдельным шкалам, является малопродуктивным и недостаточным для практики принятия решений. Хорошо проработанные тексты интерпретаций должны содержательно «обслуживать» разработанные ранее схемы интерпретации. Для одной и той же методики тексты, сопровождающие разные интерпретативные схемы, могут варьировать по составу и содержанию.

Можно выделить несколько видов текстов, которые рекомендуется помещать в ру-

ководство пользователя. Разные виды текстов имеют разное целевое назначение:

а) *базовые тексты* – это тексты, назначение которых сформировать *общее концептуальное понимание* измеряемого явления и его структуры. К базовым текстам относятся определение центрального конструкта и описание основных структурных элементов (например, отдельных шкал). Для пользователя формулируются исходные понятия и акцент делается на разъяснении заложенного в тест содержания [2, 12]. Если здесь используются трактовки «высоких» и «низких» баллов по шкале, то они больше выполняют иллюстративную роль, способствуя лучшему пониманию сути измеряемого явления. Базовые тексты инвариантны для всех интерпретационных схем внутри одной методики;

б) *служебные тексты* – это тексты с трактовками результатов, *соответствующих ключевым показателям и комбинациям, разработанные для конкретной схемы интерпретации*. Они предназначены для «обслуживания» такой схемы и наполняют описаниями её узловые ячейки. Поэтому такие тексты вариативны, и для одной методики могут быть подготовлены несколько наборов служебных текстов, предназначенных для обеспечения разных интерпретационных схем. Примерами служебных текстов могут быть описания отдельных профилей или сложных комбинаций нескольких показателей, важных для принятия практических решений. Также это могут быть описания характерных профилей, стилей, типов и т.д.

Важно отметить, что, в отличие от базовых, служебные тексты более конкретны, практико-ориентированы и требуют чёткого обозначения формальных границ ключевых показателей. (Например, должно быть указано, что данное описание соответствует случаю, когда «...показатели X и Y одновременно достигают 7 баллов и более при условии, что Z при этом не ниже 4...»). Если в качестве ключевых показателей выступают определённые диапазоны значений шкалы (например, от 2 до 5 или более 8 баллов), то для каждого такого диапазона составляются свои отдельные тексты [12]. Как уже подчёркивалось выше, все ключевые показатели должны быть предварительно валидизированы: в этом случае сложностей с их корректным описанием не будет.

Именно служебные тексты являются непосредственной основой для составления ди-

агностических отчётов. Именно из них будет собираться итоговая картина тестовых результатов. Поэтому служебные тексты должны быть проработаны особо тщательно и, по возможности, формализованы. Это особенно важно, если планируется создание автоматизированной системы интерпретации и составления диагностических отчётов;

в) *дополнительные тексты* содержат *информацию, полезную для лучшего понимания природы измеряемого явления или для принятия практических решений*. Это могут быть тексты, в которых описываются переменные, взаимосвязанные с измеряемыми, или же обозначаются факторы, вызывающие изменения в показателях [19,20]. Например, в качестве дополнительных, в руководство пользователя могут быть включены тексты, касающиеся сведений о гендерных или возрастных различиях, или же об источниках возможных искажений в тестовых результатах. Также в дополнительных текстах описываются переменные-модераторы, усиливающие или сглаживающие критериальный эффект и влияющие на прогноз. В раздел дополнительных текстов могут быть помещены нормативные данные. Полезно, если в дополнительных текстах приводятся эмпирические свидетельства утверждений, положенных в основу тех или иных интерпретаций.

Дополнительные тексты составляются в свободной форме, удобной для восприятия. Пользователь может обращаться к ним избирательно в зависимости от требований ситуации. При этом некоторые фрагменты таких текстов могут быть использованы и в диагностических отчётах. Например, хорошо, если заказчик, применяющий результаты диагностики для целей отбора, будет осведомлён о переменных-модераторах, которые могут повлиять на прогнозируемый исход и на вероятность достижения критериального поведения конкретным претендентом на должность.

Надо отметить, что количество дополнительных текстов, сопровождающих методику, может расти с опытом её использования и накоплением дополнительных данных, проливающих свет на особенности конструкта.

Таким образом, на VI «интерпретационном» этапе создания методики разработчиком должны быть подготовлены три вида текстов, различающихся своим назначением и степенью формализации. Некоторые из них будут непосредственно использованы при составлении диагностических отчётов, другие служат

вспомогательным целям, способствуя лучше-му пониманию картины полученных результатов и их корректной интерпретации.

3. Описание моделей составления отчётов

Завершающая задача VI «Интерпретационного» этапа заключается в разработке и описании моделей составления диагностических отчётов.

Диагностический отчёт представляет собой текстовый (или электронный) документ, предназначенный для конкретной категории лиц. В этом документе представлена ключевая информация, извлечённая из результатов диагностики и необходимая указанной группе лиц для решения конкретных практических задач. Диагностический отчёт составляется на основе выполненной интерпретации конкретных результатов и с использованием подготовленных разработчиком текстов.

Традиционно ответственность за составление отчётов возлагалась на пользователя. Отсутствие каких-либо внятных рекомендаций по составлению диагностических отчётов превращало задачу составления отчёта, скорее, в искусство или же сложную «игру» с заказчиком. При необходимости составить неформализованные характеристики, прогнозы или дать комплексное заключение и рекомендации по отбору и развитию пользователь оказывался в весьма сложной ситуации и мог рассчитывать только на свой опыт, талант и практическую хватку.

Однако в последнее время важность этой части работы всё больше осознаётся психологическим сообществом и ответственность за качество диагностических отчётов, сопровождающих тест, постепенно возлагается на плечи разработчиков [13, 15, 17]. В частности, к отчётам так же, как и к самому тесту стали предъявляться требования серьёзной эмпирической проверки [13, 15, 19]. Валидность диагностического отчёта стала одним из важных компонентов при оценке качества диагностической методики (см. форму рецензии на тест EFPA, раздел 4). В стандарты AERA, APA & NCME включено немало пунктов, посвященных именно диагностическим отчётам [13].

Диагностический отчёт становится итогом, зримым результатом всей работы, связанной с созданием методики. По сути, именно по качеству отчёта заказчик делает выводы о качестве диагностического инструмента. Поэтому тест, даже самым тщательным обра-

зом разработанный, но не снабжённый современными средствами представления результатов, не завоеует должного признания и не будет востребован.

Главное назначение отчёта – корректно донести информацию о результатах тестирования до заинтересованной в этом группы лиц. При этом отчёт должен быть, с одной стороны, информативным и полезным для практики, с другой – лёгким для восприятия. Поэтому *способ подачи результатов* становится одной из важных составляющих качества диагностического отчёта.

В последние годы за рубежом появились многочисленные исследования, направленные на изучение восприятия и понимания отчётов разными категориями пользователей [17, 19, 20, 21, 22]. Обобщая полученные в этих исследованиях результаты, можно выделить основные *качества эффективных отчётов*.

В первую очередь выделяются *вопросы организации информации* в отчётах:

- в отчётах не должно содержаться слишком много данных (следует приводить только основные, важные для практики);

- данные должны быть сгруппированы эффективным, несущим полезную информацию способом;

- разные средства наглядности (графики, рисунки) следует использовать обдуманно, преимущественно для того, чтобы подчеркнуть наиболее важные результаты;

- желательно несколько вложенных друг в друга уровней отчёта (различающихся по глубине и подробности изложения информации), верхним уровнем должно быть «summary», где результаты представлены в наиболее общем виде.

Также пользователи считают, что отчёт должен содержать информацию, позволяющую им самостоятельно оценить результаты, полученные конкретным тестируемым, увидеть его *уровень на фоне других*. В качестве такой информации называют:

- нормативные данные (нормативные интервалы, секущие баллы и т. д.);

- данные для сравнения (например, таблицы с указанием процента лиц из разных социальных или профессиональных групп, выполнивших тест на определённом уровне);

- описание ожидаемых (критериальных) результатов;

- описание недостатков, ошибок, отклонений в показателях конкретного тестируемого.

Важным считается включение в отчёты разделов, *разъясняющих содержательные вопросы*. Это:

- сообщение цели тестирования;
 - описание основных параметров измерения (центрального конструкта и шкал или субтестов);
 - сопровождение отчёта словарём терминов.
- Также желательна *информация о возможных ошибках в выводах*. Это может быть:
- информация об источниках искажений тестовых результатов;
 - дополнительные тексты с альтернативным объяснением полученных результатов.

Среди качеств, повышающих *практическую применимость* отчёта, чаще всего называют следующие:

- отчёт должен «обслуживать» конкретные потребности той группы лиц, для которой он разработан (администраторы школ, родители, педагоги, работодатели и т.д.);
- отчёт должен содержать подробные рекомендации, касающиеся действий, основанных на полученных результатах;
- желательно включение в отчёт дополнительной информации, помогающей принятию решений (например, о переменных-модераторах, влияющих на прогнозируемый исход).

Немаловажными считаются и качества отчёта, обеспечивающие *лёгкость его восприятия и привлекательность*:

- стиль и язык отчёта должен соответствовать возможностям той группы лиц, для которой он предназначен;
- нежелательно использование специальной терминологии (особенно, статистической);
- следует уделять внимание размеру шрифта и использованию физического пространства для размещения текста;
- наглядное представление результатов должно помогать пониманию (например, цветовые решения будут полезны, если эргономичны и используются в умеренном количестве);
- приветствуется визуальная привлекательность оформления;
- общий объём отчёта не должен быть слишком большим.

Перечисленные выше качества отчётов делают их более эффективными как средство сообщения результатов, поэтому должны учитываться при разработке моделей отчётов.

Модель диагностического отчёта – это некоторая фиксированная форма, которая наполняется конкретным содержанием в зави-

симости от полученных результатов. «Каркас» модели составляет её структура (разделы и их последовательность) и способ организации фактического материала. Также особенности модели определяются её стилем, языком и формой, в которой предоставляются практические рекомендации. Все эти характеристики модели определяет и фиксирует разработчик.

В любой модели всегда есть инвариантные элементы, которые не зависят от специфики полученных результатов. Это базовые тексты с описанием основных содержательных единиц, словарь терминов, информация о нормативных данных, шаблоны таблиц, диаграмм, рисунков, тексты с дополнительной информацией, помогающей принятию решений. Все эти элементы отчёта могут быть заранее подготовлены разработчиком, и будут включены пользователем в итоговый отчёт практически без изменений.

В настоящее время не существует законченной классификации моделей диагностических отчётов. Но эта задача представляется весьма актуальной и её решение позволило бы во многом оптимизировать труд разработчиков психодиагностического инструментария на интерпретационном этапе: можно было бы уже говорить о *выборе* моделей, а не об их разработке в каждом конкретном случае. Однако создание такой классификации требует времени и совместной работы специалистов разных профилей. Тем не менее уже можно сформулировать некоторые *общие рекомендации по составлению моделей диагностических отчётов*.

Как указывалось выше, конкретная методика может сопровождаться несколькими схемами интерпретации, предназначенными для разных практических целей. Важно, что для каждой схемы разрабатываются свои модели отчётов. По форме это могут быть характеристики, рекомендации, прогнозы, аналитические справки и т.д. [6, 19]. В первую очередь решается *вопрос определения круга лиц, которым будут сообщаться результаты тестирования*, – от этого зависит количество необходимых моделей. (В большинстве случаев для каждой группы лиц предполагается своя форма отчёта).

Адресное назначение отчёта является ключевым параметром при выборе структуры, состава материала и способа подачи. Прежде всего, здесь следует различать две категории лиц, получающих диагностические отчёты.

Первая – те, кто непосредственно будет использовать результаты тестирования для решения каких-либо практических задач. Для этой категории лиц составляются *основные отчёты*, наиболее подробные, развёрнутые, с большим весом раздела практических рекомендаций. Вторая категория лиц – это люди, которые будут просто осведомлены о результатах. В большинстве случаев, это сам тестируемый и иногда третьи лица (например, родители, руководитель или др.). Для них составляют *ознакомительные отчёты* – более краткие, где акцент делается на обслуживании специфических интересов этих лиц.

Например, в случае диагностики профессиональных компетенций с целью отбора кандидатов на должность основной отчёт составляется для сотрудника отдела кадров, а ознакомительные отчёты – для самого тестируемого и руководителя организации. При использовании теста учебных достижений в школе основными заказчиками могут быть школьный психолог и учитель, а лицами, которые заинтересованы в том, чтобы получить ознакомительную информацию – сами ученики, родители и администрация школы.

Для каждой адресной группы предполагается своя модель отчёта. Даже ознакомительные отчёты, несмотря на свою краткость, могут серьёзно различаться по форме и содержанию. Например, для учеников они пишутся «лёгким» языком, в наиболее общем виде и в позитивном ключе, для родителей – в форме краткого информирования и могут включать рекомендации по развитию ребёнка, для администрации полезны аналитические справки и сводки по классам, параллелям, предметам и т. д.

Любой диагностический отчёт обязательно должен включать *описание результатов тестирования*. Форма представления результатов закладывается в модель. При этом выбор адекватной, информативной и удобной для восприятия формы – весьма непростая задача. С одной стороны, выбор формы определяется характером исходных данных и целью тестирования, с другой – способ подачи должен соответствовать возможностям той группы лиц, для которой предназначен отчёт. Поэтому рекомендуется предварительная пилотажная проверка моделей отчётов для разных категорий пользователей [17, 19]. Ценную информацию для выбора формы представления результатов могут дать фокус-групповые исследования с участием потенциальных пользователей и

клиентов. J.M. Ryan приводит подробное описание такого исследования (The south carolina/serve study of score reporting formats), где изучались шесть разных форматов представления результатов тестов достижений [19]. К исследованию привлекались группы учителей, администраторов школ, специалистов по ассессменту, родителей и др. Респондентов просили оценить предлагаемые форматы с помощью специально разработанной шкалы и стимулировали содержательные дискуссии. Обсуждение базировалось на вопросах о том, чем каждый формат может быть полезен; как конкретно можно использовать предлагаемую в таком виде информацию; какие проблемы могут возникнуть у пользователя, ориентирующегося на тот или иной формат; как можно улучшить способ представления результатов и т. д. [19].

Важной частью отчёта являются *практические рекомендации*. Они наиболее вариативны, и их содержание определяется целями и интересами каждой группы лиц, получающих отчёт. Например, при использовании тестов достижений в школе психолог и учитель решают разные практические задачи, соответственно нуждаются и в разных рекомендациях. В частности, для психолога могут быть полезны рекомендации по развитию учеников, для учителя – по организации учебного процесса. Образцы практических рекомендаций для каждой модели отчёта также должны быть подготовлены разработчиком. Полезно, если в руководстве приводятся примеры отчётов с рекомендациями, составленными для конкретных случаев из практики.

Таким образом, задачу описания моделей диагностических отчётов можно считать выполненной, если в рамках каждой интерпретационной схемы разработчик предлагает пользователю несколько моделей, предназначенных для разных адресных групп. При этом каждая модель имеет фиксированную структуру, шаблоны оформления, свой набор текстовых заготовок, образцы составления рекомендаций, а также комментарии, касающиеся стиля и языка. В зависимости от полученных результатов пользователь наполняет графические шаблоны и таблицы фактической информацией, komponует текст описания результатов из предоставленных текстов (см. выше «Подготовка текстов интерпретаций») и составляет рекомендации с учётом конкретного запроса клиента.

Подводя итоги, можно обобщить изло-

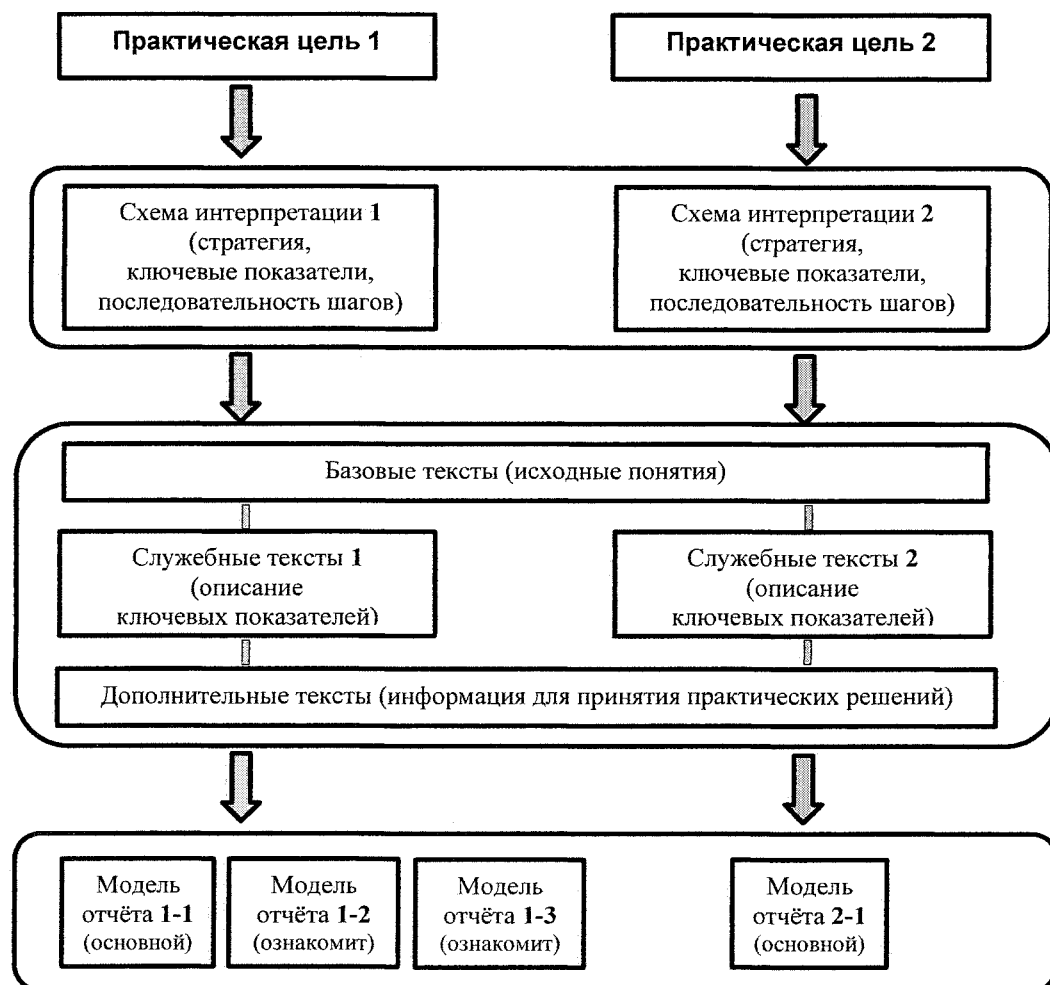
Психодиагностика

женную выше информацию с помощью условной схемы, отражающей общую структуру системы интерпретации. На рисунке приведена модель системы интерпретации для методики, которую планируется использовать для 2 практических целей. Система интерпретации состоит из 3 блоков, соответствующих 3 описанным выше задачам: 1) схемы интерпретации, 2) тексты, 3) модели отчётов.

Например, такая модель может быть использована для разработки системы интерпретации методики диагностики трудовой мотивации [8]. Первое целевое назначение методики может быть связано с отбором кандидатов на должность, второе – с консультацией самого обследуемого на предмет планирования карьеры. В этом случае предполагается разработка 2 относительно независимых схем интерпретации, базирующихся на разных стратегиях и имеющих в качестве узловых элементов разные ключевые показатели. Так, при отборе на вакантную должность ключевыми будут пока-

затели, полученные в результате соотношения данных тестирования с критериальным профилем, а в случае консультирования по планированию карьеры – особенности ведущих и игнорируемых мотивов, устойчивость полученной иерархии и общая согласованность/противоречивость системы мотивации. Каждая из 2 схем интерпретации обеспечивается своим набором служебных текстов. При этом базовые тексты (для приведённого примера – это общее описание диагностируемых мотивов), а также дополнительные тексты будут инвариантны для обеих схем.

Далее каждая из схем интерпретации сопровождается разработанными специально для неё моделями отчётов. Так, для схемы, соответствующей цели отбора, предполагается 3 отчёта: основной – для сотрудника отдела кадров и два ознакомительных – для руководителя организации и тестируемого. Для схемы, разработанной под задачу консультирования клиента – всего один отчёт – основной, для

Пример общей структуры системы интерпретации для методики, имеющей два целевых назначения

самого человека, прошедшего тестирование.

Если предполагается расширить сферу применения методики (например, использовать её для планирования организационных мероприятий по мотивированию сотрудников), то в систему интерпретации необходимо включить третью схему интерпретации со своей стратегией, ключевыми показателями и моделями отчётов.

В заключение отметим, что предлагаемые пользователю системы интерпретации могут быть формализованы в разной степени. Как уже упоминалось выше, в нашей стране разработаны и апробированы технологии создания полностью автоматизированных экспертных диагностических систем, позволяющих производить интерпретацию и генерировать компьютерные отчёты даже для сложных многошкальных методик (например, К.Р. Червинская, И.Г. Залобовский, А.Г. Шмелёв). Наличие компьютерного отчёта выступает одним из параметров оценки диагностического инструмента (см. форму рецензии EFPA). Однако следует понимать, что автоматизация интерпретационных систем облегчает работу для пользователя, но существенно усложняет – для разработчика, перед которым наиболее остро встаёт вопрос проверки каждого шага предлагаемой схемы. Затраты на такую работу могут быть очень велики. Поэтому решение о необходимости и возможности компьютеризации интерпретационной системы должно приниматься самими разработчиком. Возможно, в некоторых случаях (например, при разработке сложных многошкальных методик, проективных тестов, ассессмент-процедур) оптимальным будет выбор частичной автоматизации, когда машина генерирует лишь представление полученных результатов и в диалоговом режиме предлагает варианты трактовок, доступные для внесения корректив, а практические рекомендации составляются уже непосредственно пользователем с учётом нюансов конкретного запроса.

При этом, как уже неоднократно подчёркивалось в статье, любая формализация считается желательной, поскольку снижает общую сложность методики для пользователя [5]. Даже если разработчик решает полностью отказаться от компьютеризации интерпретаций, то всё равно пользователь должен быть снабжён подробным руководством, позволяющим ему пошагово продвигаться, совершая меньше ненужных и ошибочных действий. Это уменьшит количество искажений,

которые могут быть привнесены пользователем в процессе эксплуатации методики, и будет способствовать повышению надёжности и валидности диагностических отчётов, являющихся закономерным итогом всей трудоёмкой работы по созданию методики.

Литература

1. Анастаси, А. *Психологическое тестирование* / А. Анастаси, С. Урбина. – СПб.: Питер, 2001. – 668 с.
2. Батурин, Н.А. *Технология разработки тестов: часть I* / Н.А. Батурин, Н.Н. Мельникова // *Вестник ЮУрГУ. Серия «Психология»*. – 2009. – Вып. 6. – С. 4–14.
3. Батурин, Н.А. *Технология разработки тестов* / Н.А. Батурин, Н.Н. Мельникова // *Вестник ЮУрГУ. Серия «Психология»*. – 2009. – Вып. 7. – С. 11–25.
4. Батурин, Н.А. *Технология разработки тестов* / Н.А. Батурин, Н.Н. Мельникова // *Вестник ЮУрГУ. Серия «Психология»*. – 2010. – Вып. 8. – Ч. III. – С. 4–18.
5. Батурин, Н.А. *Принципы определения сложности психодиагностических методик* / Н.А. Батурин, Н.Н. Мельникова // *Вестник ЮУрГУ. Серия «Психология»*. – 2010. – Вып. 8. – С. 36–43.
6. Батурин, Н.А. *Новые технологии создания моделей интерпретаций и диагностических отчетов* / Н.А. Батурин, Н.Н. Мельникова // *Вестник ЮУрГУ. Серия «Психология»*. – 2010. – Вып. 10. – С. 4–6.
7. Купер, К. *Индивидуальные различия* / К. Купер; под ред. И.В. Равич-Щербо. – М.: Аспект Пресс, 2000. – 527 с.
8. Мельникова, Н.Н. *Диагностика трудовой мотивации* / Н.Н. Мельникова, Д.М. Полев // *Современная психодиагностика в изменяющейся России: сб. тез. Всерос. науч. конф.* / отв. ред. Н.А. Батурин. – Челябинск: Изд-во ЮУрГУ, 2008. – С. 79–81.
9. Ожегов, С.И. *Толковый словарь русского языка* / С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова. – М.: АЗЪ, 1996. – 928 с.
10. Фер, Р.М. *Психометрика: Введение* / Фер Р.М., В.Р. Бакарк В.Р.; пер с англ.; под ред. Н.А. Батурина, Е.В. Эйдмана. – Челябинск: ЮУрГУ, 2010. – 445 с.
11. Червинская, К.Р. *Психологическая концепция извлечения экспертных знаний на моделях медицинской психодиагностики* / К.Р. Червинская // *Вестник ЮУрГУ. Серия «Психология»*. – 2008. – Вып. 2. – С. 68–80.
12. Червинская, К.Р. *Психология извлече-*

ния экспертных знаний субъектов труда: дис. ... д-ра психол. наук / К.Р. Червинская. – СПб., 2010. – 437 с.

13. American Educational Research Association, American Psychological Association & National Council on Measurement in Education. (1999). *Standards for educational and psychological testing*. Washington, DC: American Educational Research Association. – 101 p.

14. Cizek, G.J. *Standard Setting* / G.J. Cizek // *Handbook of test development*/edited by Steven M. Downing, Thomas M. Haladyna. – 2006, by Lawrence Associates. – P. 225–258.

15. Downing, S.M. *Twelve steps for effective test development* / S.M. Downing // *Handbook of test development* / edited by Steven M. Downing, Thomas M. Haladyna. – 2006, by Lawrence Associates. – P. 3–25.

16. Furr, R.M. *A framework for profile similarity: integrating, similarity, normativeness, and distinctiveness* / R.M. Furr // *Journal of Personality*, October 2008. – P. 1267–1316.

17. Goodman, D.P. *Student test score reports and interpretive guides: Review of current practices and suggestions for future research* /

D.P. Goodman, R.K. Hambleton // *Applied measurement in Education*. – 2004. – 17(2). – P. 145–220.

18. *CPI 260 Coaching report for leaders user's guide 2002, 2005 by CPP*. – 38 p.

19. Ryan, J.M. *Practices, Issues, and Trends in Student Test Score Reporting* / J.M. Ryan // *Handbook of test development*/edited by Steven M. Downing, Thomas M. Haladyna. – 2006, by Lawrence Associates. – P. 677–710.

20. Ysseldyke, J. *Reporting results of student performance on large-scale assessment* / J. Ysseldyke, J.R. Nelson // *Large-scale assessment programs for all students* / edited by G. Tindal & T. M. Haladyna. – 2002, by Lawrence Erlbaum Associates. – P. 467–480.

21. Zwick, R. *An investigation of alternative methods for item mapping in the National Assessment of Educational Progress* / R. Zwick, D. Senturk, J. Wang, S.C. Loomis // *Educational Measurement: Issues and Practice*. – 2001. – 20(2). – P. 15–25.

22. Wainer, H. *Understanding graphs and tables* / H. Wainer // *Educational Researcher*. – 1992. – 21(1). – P. 14–23.

Поступила в редакцию 16 сентября 2010 г.

Батурин Николай Алексеевич. Доктор психологических наук, профессор, декан факультета психологии, Южно-Уральский государственный университет, г. Челябинск: nikbat@list.ru.

Nikolay A. Baturin. PsyD, professor, the dean of the Faculty of psychology, head of chair «Psychological diagnostics and Counseling» of South Ural State University: nikbat@list.ru.

Мельникова Наталья Николаевна. Кандидат психологических наук, доцент кафедры социальной психологии, Южно-Уральский государственный университет, г. Челябинск. Область научных интересов: психология организации жизни, социально-психологическая адаптация личности, системный подход в психологии: MNN17@yandex.ru.

Natalia N. Melnikova. Candidate of Psychological sciences, docent of department of social psychology of South Ural State University. Area of scientific interests: psychology of the organisation of a life, socially-psychological adaptation of the person, the system approach in psychology: MNN17@yandex.ru.

МЕТОДЫ АНАЛИЗА ТЕКСТА: МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ И ПРОГРАММНАЯ РЕАЛИЗАЦИЯ

О.В. Митина, А.С. Евдокименко

Изложена систематизация представлений о методологических принципах анализа текста и программной реализации уже разработанных методик. Методики анализа текста были систематизированы в 10 групп: интен-анализ, контент-анализ, фоносемантический анализ, дискурс-анализ, нарративный анализ, экспертная оценка текста, графематический анализ, морфологический анализ, синтаксический анализ, семантический анализ. Для каждой из групп приведены примеры программной реализации.

Ключевые слова: текст, методы анализа текста, программы анализа текста.

Расширение контекста применения методов анализа текста, а также поиск зависимостей и связей единиц анализа текста с психическими и социальными процессами создало большое разнообразие подходов и способов исследования, которые на настоящий момент с трудом поддаются систематизации. Развитие компьютерных технологий и увеличение роли информации на настоящий день отвело методам анализа текста особую привилегированную роль. Методы анализа текста применяются при поиске, систематизации, оценке, отборе информации, диагностике, анализе и прогнозировании событий или поведения субъекта, из-за чего широкое применение эти методы получили в системах безопасности. Возможности применения методик анализа текста с интерактивными компьютерными системами и базами данных значительно ускоряют развитие искусственного интеллекта. В связи с этим остановимся на некоторых общих чертах всех методов анализа текста и выделим критерии их систематизации.

Единица анализа текста

Ключевым моментом, который объединяет все методики анализа текста, является то, что в их основе лежат представления о единице анализа. Понятие единиц анализа является крайне важным аспектом, поскольку выступает своего рода аналогом исследуемых (но неконтролируемых) переменных в эксперименте. Под единицами анализа в широком смысле понимаются «такие продукты анализа, которые в отличие от элементов обладают всеми основными свойствами, присущими целому, и которые являются далее не разложимыми жи-

выми частями этого единства...» [5, с. 46–48]. Однако их трактовка в конкретном методе анализа текста может быть принципиально различной. Так, например, под единицей лингвистического анализа текста понимаются инварианты различных лингвистических моделей описания языка (морфема, фонема, предложение, словосочетание, высказывание и др., трактовка которых в различных лингвистических направлениях также различна), соотносящиеся с языком или языковым стандартом. Под единицей психолингвистического анализа понимаются речевые действия и операции, находящиеся друг с другом в иерархических отношениях, которые соотносятся с речевой деятельностью (А.А. Леонтьев), или сегменты сообщения, которые являются функционально оперативными как целые в процессах декодирования и кодирования, поддающиеся уровневому анализу [24, с. 61]. Таким образом, психолингвистическими единицами анализа текста могут выступать [10] фреймы, концепты, когниотипы, эмотемы, пропозиции и др. Единицей же психологического анализа относительно текста выступают компоненты, обеспечивающие речевую деятельность – письмо или произношение, – это обеспечивается тем, что «в высказывании, тексте объективируется вся совокупность психологических условий деятельности и индивидуально-психологические особенности её субъекта» [7, с. 61]. Другими словами, единицами психологического анализа текста могут выступать: представления субъекта о языке, отражение в сознании языковой способности, мотивы, интенции и др. Однако вне зависимости от типа ко всем единицам анализа предъ-

являются два требования, которые обычно трудно совместимы на практике: единицы контент-анализа должны однозначно опознаваться в тексте и одновременно должны быть значимы для последующей (политологической, культурологической, социологической и т. д.) интерпретации.

На интерпретацию конкретных единиц анализа текста и отношения между ними, в свою очередь, влияет модель, основанная как на эмпирических, так и теоретических представлениях о языке и речепорождении. При этом анализ текста может быть представлен как перевод его на метаязык лингвистических, психолингвистических или психологических единиц, или как сопоставление его с теоретической моделью, порождённой этим метаязыком. В связи с этим каждая модель позволяет рассматривать только определенный спектр закономерностей и особенностей текста, допускает те или иные искажения и накладывает свои ограничения к применению на практике. В данной статье мы перечислим лишь некоторые модели.

- Стохастические модели (к-ограниченные стохастические модели, модели грамматики с конечным числом состояний и др.), предлагающие анализ на основе вероятностного распределения.

- Модели непосредственно составляющих (модель грамматических обязательств В. Ингве, модель непосредственных составляющих Ч. Осгуда, модели ядерных утверждений Ю.С. Степанова и Н.Д. Арутюновой, модель контекстуальной генерализации и др.), анализ которых производится путем разбора предложения на терминальные цепочки (или на ядерные утверждения, или на пропозиции).

- Модели трансформационной грамматики, опирающиеся на подход Н. Хомского (теория семантического компонента Дж. Каца и Дж. Фодора, концепция дифференциальных фонетических признаков Якобсона-Халле, и др.).

- Самое широкое прикладное распространение в методах анализа текста получили когнитивные модели (модель понимания речи В. Кинча, модель абстрактной грамматики языковой активности Ч. Осгуда, модель И. Шлезингера и многие другие), благодаря чему развилось отдельное направление – когнитивная лингвистика. Подробнее с данными когнитивными моделями можно ознакомиться в работе Б.М. Величковского [4].

- Существует еще целый ряд классов

теоретических моделей, послуживших теоретической основой для конкретных методов анализа текста, как, например, психолингвистическая теория порождения речи (А.Р. Лурия, Н.И. Жинкин, А.А. Леонтьев) и множество других моделей, чьи постулаты позволяют диагностировать только узкий спектр свойств текста (например, фоносемантику).

Интересно заметить, что данные подходы направлены на реконструкцию из текста различных аспектов коммуникативной ситуации, основываясь на выделении и оценке соотношения тех или иных единиц анализа. Причем с течением времени характерно расширение контекста рассмотрения текста. Так психолингвистика первого поколения рассматривала текст, как «вещь в себе», вариации рассмотрения которого возможны лишь по внутренним законам формирования текста, а роль субъекта предопределялась врожденными и приобретенными правилами речепорождения. По мере развития психолингвистика расширяла представления, как о единицах анализа текста, так и о его возможностях данного метода (см. рисунок).

Таким образом, основываясь на вышеприведенной оценке методов анализа текста, мы можем выделить три критерия для систематизации всех методик и методов анализа текста: единица анализа, объяснительная модель анализа или сфера предназначения.

Систематизация методов анализа текста

Среди возможных решений систематизации множества разнородных методик анализа текста наиболее известны деления по выполняемым функциям и ориентировке.

А. По выполняемым функциям различают группу методов [14]:

а) способных осуществлять импорт текста и работу с ним;

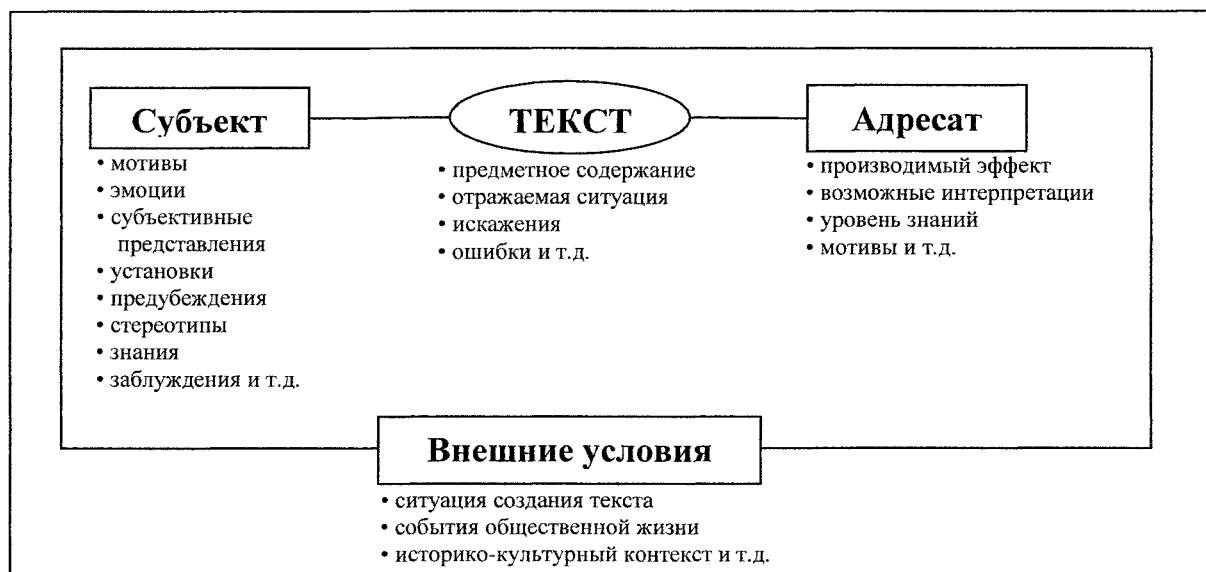
б) исследования текста (работают на грамматическом, синтаксическом уровне, осуществляют разнообразный поиск в тексте, выделяют ключевые слова, индексы и пр.);

в) ориентированных на семантический анализ, создание схем категоризации, словарей, кодирования;

г) позволяющих осуществлять экспорт данных анализа (например, сам текст или схему кодирования, или используемый словарь и т.п.).

В. По объекту анализа [21]

а) методы, «ориентированные на язык» (лингвистических единиц):

Сферы диагностики методов анализа текста

- лингвистические методы;
- методы работы с данными (поиск информации, списки слов, конкорданс, индексы и пр.).

б) методы, «ориентированные на контент» или содержательный анализ:

- *качественные методы*, позволяющие осуществлять поиск закономерностей и различий в тексте, анализировать текст целиком (некоторые методики позволяют анализировать аудио- и видеоинформацию). В данной группе методов для проведения качественного (содержательного) исследования текста могут быть использованы и количественные данные, которые помогают организовать качественную (содержательную) информацию. Важным отличием является преимущественное использование в качестве единиц анализа тем, концептов, процессов, контекстов. При этом объем анализируемого текста может быть ограничен;

- *методики анализа событий по текстовым данным*;

- *количественные методики*, позволяющие осуществлять статистическую проверку гипотез, ориентированы на исследование больших объемов текста:

- *категориальные системы* имеют встроенные или пользовательские словари, на основе которых осуществляется поиск в тексте (категории при этом могут быть как тематическими, так и семантическими), некоторые методики имеют ограничения по размеру единиц анализа;

- *некатегориальные системы* на основе одновременной встречаемости слов, строк, концептов позволяют строить разнообразные графы и дендрограммы;

- *системы кодирования ответов на вопросы незаконченных предложений* не предусмотрены для анализа больших объемов текста, предназначены для анализа достаточно гомогенного текста и лимитированы по размеру единиц анализа текста.

Работа по систематизации существующих методов крайне необходима для объединения различных способов содержательного анализа текста, так как несколько методов могут находить свою реализацию в одной конкретной методике, где данные по ним дополняют друг друга увеличивая репрезентативность и валидность результатов.

При этом под методикой анализа текста понимается «конкретной вариант того или иного метода, направленный на решение определенного класса исследовательских задач» [8, с. 73].

Ниже мы приводим названия соответствующих программ, по которым нетрудно найти сайты в Интернете. Часть из этих программ распространяется бесплатно, и заинтересованный читатель может установить их на своем компьютере и проверить в действии, другие имеют демоверсии, которые хоть и ограничены, но вполне адекватно позволяют представить возможности программы.

Интеннт-анализ – метод, позволяющий реконструировать интенции (субъективная

направленность на некий объект) автора по его тексту [12], поскольку для выявления и квалификации интенций опора на отдельные слова и предложения малопродуктивна. Экспертное выявление и идентификация речевых интенций предоставляет возможность очертить их круг в текстах разной тематики и направленности, т.е. охарактеризовать их качественно, поэтому исследовательская задача у использующих метод интент-анализа состоит в экспертном (т.е. по сути субъективном) оценивании характера интенций, их размытости и неясности понимания. Метод состоит из последовательных этапов: выделение круга обсуждаемых тем и вопросов, определение связей между объектами, затем кодификации дескрипторов, далее проводится оценка групп объектов по нескольким интегральным измерениям, полученные значения усредняются и определяются интегральные значения каждого объекта по указанным параметрам. При исследовании текстов СМИ интент-анализ позволяет решать проблемы социально-психологического и общесоциального плана – например, влияние средств массовой коммуникации на индивидуальное и групповое сознание. Как правило, вопрос о надежности получаемых при проведении интент-анализа результатов может быть решен путем введения контрольной процедуры, для которой привлекается дополнительная группа респондентов, которая высказывает согласие либо несогласие с квалификацией экспертов, проводивших первоначальную идентификацию. Поскольку метод интент-анализа основан на экспертной оценке текста, его полная автоматизация не осуществлена, однако, существуют методики, где автоматизированы первые этапы интент-анализа, позволяющие осуществлять операции выделения тем, кодирования и поиска. Отметим, к примеру, следующие.

- **Ethnograph** – методика предназначена для качественного (содержательного) анализа данных интервью, фокус-групп, дневников и пр. Процесс работы с данными построен на основе того, что производится поиск необходимых данных, отбор результатов поиска и анализ всего отобранного материала. Для каждого из звеньев этого процесса предусмотрен соответствующий набор процедур.

- **Leximancer** – методика, направленная на выявление ключевых тем (key-themes), концептов (concepts) в электронных документах. В отличие от других аналогичных мето-

дик, в своей основе соединяет множество подходов, таких как вычислительная лингвистика, контент-анализ, информационные науки, физика, теория сетей и пр. Позволяет наглядно представлять результаты анализа и вычислений в виде карты концептов и разнообразных таблиц и диаграмм.

- **Minnesota Contextual Content Analysis (MCCA)** – позволяет осуществлять контекстуальный анализ (анализ слов в пространстве 4 социальных контекстов: практика, традиции, эмоции, анализ) и анализ основных мыслей и образов, раскрытых в тексте. Для каждого вида анализа разработаны и стандартизированы нормы. Помимо указанных главных функций позволяет вывести статистику, производить анализ слов, частотный анализ слов и категорий и т.д.

Контент-анализ – самый распространенный метод, имеющий множество вариаций в различных методиках, позволяющий провести качественно-количественный анализ содержания текстовых массивов с целью последующей интерпретации выявленных числовых закономерностей. Заключается в оценке частотного распределения слов, словосочетаний словоформ и других единиц анализа (число их вариаций теоретически безгранично) относительно текста. Результатом является частота, относительный и удельный вес, вероятность встречаемости и пр., на основе чего делается качественный или количественный вывод в зависимости от выдвинутой гипотезы. Контент-анализ может быть проведен при помощи широкого спектра методик.

- **Crawdad Desktop** – методика, позволяющая осуществлять контент-анализ и поддерживать сложное моделирование. В основу положена запатентованная технология. В отличие от других аналогичных методик, в которых частота встречаемости слова признается эквивалентной его значимости, данная методика базируется на лингвистической теории порождения людьми последовательностей речевых единиц в их коммуникации, благодаря которой создается сетевая модель текста. При этом значимость слова рассчитывается на основе структурной позиции слова в полученной сети.

- **INTEXT** – методика, обладающая разнообразным функционалом, позволяющая создавать списки слов, разнообразные последовательности слов, перестановки слов, перекрестные ссылки, производить сравнение

списков слов, контент-анализ, составлять конкорданс, управлять данными и др.

- **Kwalitan** – методика, позволяющая осуществлять качественный (содержательный) анализ таких данных, как протоколы интервью и наблюдений, разнообразные тексты (статьи, античные рукописи и пр.). Позволяет осуществлять кодирование, поиск, анализ слов и кодов, подготовку материалов для дальнейших исследований.

- **PROTAN** – автоматизированная система контент-анализа, которая предназначена для анализа любого текста (рассказы, клинические интервью, научные публикации, названия или резюме научных журналов, поэзия, рекламные материалы и др.). Ограничения PROTAN обусловлены статистическими ограничениями, отсутствием словарей, необходимых для того, чтобы анализировать специфический вид текста. Текст для анализа должен быть представлен в стандартной кодировке. Методика позволяет решать две основные задачи: определение структуры текста (при помощи семантических словарей), определение основных тем и идей текста (на основе информации, содержащейся во взаимосвязях между единицами анализа текста).

- **Yoshikoder** – методика контент-анализа текста, включающая разработку и использование словарей, автоматический поиск по ключевым словам в контексте.

Фоносемантический анализ текста или слова заключается в оценке его звучания относительно к его содержанию. Заключается в сопоставлении системы сочетаний фонем в конкретном тексте или слове с их стандартизированными оценками по ряду биполярных шкал [6]. Результатом фоносемантического анализа является профиль выраженности оценочных шкал в стандартизованном семантическом пространстве, на основании которого делается заключение о возможном воздействующем эффекте текста на читателя. Однако ввиду крайней специфичности единиц анализа и непроработанного механизма соотношения с содержанием текста (и отсутствия контроля факторов, влияющих на процесс осмысления текста) результаты этого метода представляются многим исследователям сомнительными и не обладающими внешней валидностью, что не отменяет адекватность применения данного метода для узкоспециализированных исследований. Фоносемантический анализ реализован в следующих методиках.

- **Vaal** – в методике реализованы алгоритмы оценки фонетического воздействия на человека слов и текстов русского языка, причем в основе этого эмоционального воздействия фонетики слова и текста на подсознание человека лежат психофизиологические механизмы. Возможно анализировать готовые тексты с точки зрения такого воздействия, составлять новые с заданным вектором воздействия, выявлять личностно-психологические качества авторов текста, проводить углубленный контент-анализ и делать многое другое.

- **DIATON** – это методика экспертизы суггестивных текстов, основанная на фоносемантическом анализе и ориентированная на оценку скрытых особенностей, которые сложно осознать: фоносемантических, ритмических, структурных характеристик текста.

Дискурс-анализ или дискурсивный анализ – совокупность методик и техник интерпретации текстов или высказываний как продуктов речевой деятельности, осуществляемой в конкретных общественно-политических обстоятельствах и культурно-исторических условиях [17]. Этот метод ориентирован, прежде всего, на изучение лингвистического уровня в структуре социальной коммуникации как доминирующего на протяжении определенного исторического периода развития общества и культуры. Сам метод заключается в последовательности ряда операций: фиксация изучаемого материала; выделение его формальных характеристик; обозначение контекста как коммуникативной ситуации; выбор направления и стратегии анализа; теоретическое дифференцирование и структурирование этапов исследования; определение техники и средств анализа при использовании конкретной модели исследования; дефиниции единиц анализа; проверка системы категорий в теории и на эмпирическом материале; осуществление основных этапов исследования (описание, реконструкция, интерпретация); фиксация результатов исследования, их обобщение, истолкование и структурирование. Дискурс-анализ позволяет выделить не только существенные характеристики социальной коммуникации, но и второстепенные, содержательные и формальные показатели (например, тенденции в вариативности речевых формул или построении высказываний). Дискурс-анализ широко применяется в социологических и политических исследованиях и отчасти реализован в таких программах, как САТРАС. Это методика анализа текста, напи-

санного на любом языке, основанная на системе Galileo, которая представляет собой комплекс теории и методов, направленных на научное изучение когнитивных и культурных процессов. САТРАС позволяет выявлять основные идеи текста без предварительного кодирования и лингвистического анализа.

Нарративный анализ – это метод обобщения прошлого опыта при помощи соотнесения последовательности слов в предложении и последовательности реальных (как предполагается) событий [22]. Позволяет осуществлять количественную оценку текста. В отличие от контент-анализа, который может быть применен к любым текстам, нарративный анализ ориентирован на особые тексты, содержащие рассказ. Преимуществом нарративного анализа, по сравнению с кластерным, является то, что оценка производится по конкретным категориям (Субъект, Действие, Объект), а не по произвольно выбранным исследователем исходя из его задач. В класс нарративных текстов входят разнообразные истории от разнообразных художественных и исторических текстов (мифы, легенды, летописи и пр.) до статей газет, в которых описываются произошедшие события. Нарративный анализ используется совместно с другими методами анализа текста и реализован в известных методиках.

- LIWC – методика, обладающая 68 встроенными словарями (лингвистические, психологические конструкторы и др.), представляющими собой пространство для оценки того, в какой степени испытуемые используют слова тех или иных категорий (например, позитивные и негативные слова). Методика позволяет осуществлять нарративный анализ текста. Данная методика также позволяет осуществлять синтаксический анализ, интенанализ и ряд других функций.

- PC-ACE – методика, предназначенная для кодирования событий, позволяющая организовывать сложную текстовую информацию, хранить ее, осуществлять поиск необходимых данных, характеризующихся сложной структурой. Методика применима для всего спектра социальных наук. Позволяет осуществлять качественный (содержательный) анализ данных [19].

Экспертная оценка текста – в эту группу методов входят различные экспертизы текста, классификации которых, согласно А.А. Леонтьеву [11], можно представить в следующем виде: а) автороведческая экспертиза,

направленная на установление автора текста или выявление категориальных признаков вероятного автора: пол, возраст, национальность, место рождения, место долговременного проживания, уровень образования и пр. [3]; б) экспертиза, направленная на установление временных признаков автора текста (эмоциональное состояние и пр.); в) экспертиза, направленная на установление тех или иных условий создания исследуемого текста (также экспертиза аутентичности записей при интервью); г) экспертиза, направленная на установление преднамеренного искажения сведений, высказываемых в тексте; д) экспертиза, направленная на установление определенных признаков (оскорбление, призыв и пр.). Для осуществления данных экспертных оценок применяется комплекс методик: а) методика перефразирования текста или законченного фрагмента текста, б) методики семантического шкалирования, например, методика семантического интеграла (Батов В.И., Сорокин Ю.А.); в) методики свободного ассоциативного эксперимента; г) методики предикативного анализа текста. Существуют также компьютеризированные варианты данных экспертиз [2].

Графематический анализ – метод, создающий базу для последующего морфологического и синтаксического анализа на основе выделения слов, цифровых комплексов, формул и т. д. Анализ направлен на разбивку текста на слова, разделители и т. д.; сборку слов, написанных в разрядку; выделение устойчивых оборотов, фамилии, имени, отчества, даты и т. п.; выделение электронных адресов и имен файлов; выделение предложений из входного текста абзацев, заголовков, примечаний.

Морфологический анализ направлен на определение множества морфологических интерпретаций каждого из слов текста, состоящей из таких параметров, как лемма, морфологическая часть речи; набор общих граммем; множество наборов граммем. Морфологический анализ реализован в большинстве методик, так как является основой для других видов анализа текста. В качестве примеров можно отметить реализацию данного метода.

- ATLAS.ti – методика, позволяющая анализировать большие объемы текста, разнообразные графики, аудио- и видеoinформацию. Может применяться в социальных и экономических науках, маркетинге и менеджменте, теологии. Методика рассчитана на проведение качественного (содержательного) анализа данных и включает средства ис-

следования текста, управления текстом, сравнения и пр.

- Textanz – методика, предназначенная для частотного анализа текста на уровне слов, фраз, словоформ. С помощью данной методики возможно производить анализ любого текста.

- TextArc – методика, позволяющая наглядно представлять и просматривать текст. С ее помощью можно подсчитывать разнообразные индексы, составлять конкорданс, автореферат. Также данная методика применима для синтаксического анализа.

Синтаксический анализ – это метод сопоставления линейной последовательности лексем языка с его формальной грамматикой. Результатом анализа становится синтаксическая структура предложения, которая представляется в виде дерева зависимостей. Результаты синтаксического анализа важны для дальнейших этапов работы с текстом. Синтаксический анализ текста позволяют провести следующие методики.

- Profiler Plus – многоцелевая методика, предназначенная для кодирования текста. Включает синтаксический анализ и некоторые другие, более сложные принципы кодирования, использующие обобщения, множественные переходы и пр. Ориентирован на использование в сфере бизнеса, политике и в академической среде. Текст для анализа может быть на английском, русском, испанском, арабском или китайском языках. Полученные по итогам анализа результаты могут быть обработаны в статистических пакетах (например, SPSS), для оценки полученных результатов применяется экспертная оценка.

- DictaScore – методика для проведения синтаксического анализа. Производится анализ подчинительных связей между словами на основе принадлежности этих слов к той или иной части речи.

Семантический анализ – метод, направленный на построение семантической структуры предложения, состоящей из семантических узлов и семантических отношений. Целью проведения анализа является построение этих узлов, которые образуются из слов исходного предложения. Основу для формулирования гипотез относительно состава семантических узлов составляет информация, полученная в результате синтаксического анализа. Результаты анализа представляются в виде семантического графа, построение которого состоит из ряда этапов (инициализация се-

мантических узлов и синтаксических вариантов фрагментов, построение множества словарных интерпретации узлов, построение групп времени, построение узлов в кавычках и т. д.). Семантический анализ может быть осуществлен при помощи различных методик, например, PROTAN (рассмотренной нами выше) и широком спектре иных методик. Так, например, семантический анализ реализован в методике T-LAB Tools for Text Analysis, которая представляет собой компьютерную методику, позволяющую осуществлять три вида анализа: тематический анализ, сравнительный анализ, анализ смежности, а также выявляет смысловые паттерны слов и основных идей текста. Процесс работы с текстом в этой методике включает в себя сегментирование текста, отбор ключевых слов, а также процедуры, предназначенные для осуществления трех типов анализа.

Кроме вышеперечисленных методов существует еще целый ряд методов анализа текста: структурный анализ, семиотический (семиологический) анализ, системный анализ, символический (мифологический) анализ; анализ социальных индикаторов и наррации (линии) ключевых слов; социально-ролевой анализ, риторический анализ, перформативный анализ, жанровый анализ, речедействительный анализ, психоаналитический анализ, критический анализ, исторический анализ, культурологический анализ, интертекстуальный анализ, феноменологические типы анализа; анализ коммуникативных стратегий и свободных ассоциаций; прагма-, психо-, социо-, этно-, когнитивно-лингвистический анализ и т. д. Неоспоримым преимуществом во всем разнообразии методов анализа текста обладает контент-анализ, модификации и разновидности которого позволяют решать самые разнообразные исследовательские задачи [15].

Важными параметрами при проведении любого анализа текста выступают достоверность полученных данных (обеспечиваемая полнотой анализируемого текста и его репрезентативностью) и надежность интеркодирования единиц анализа, полностью зависящая от квалификации исследователя и теоретической модели, лежащей в основе. Ограничения применения методов анализа текста связаны, прежде всего, с субъективным влиянием исследователя, определяющего выбор единиц анализа и интерпретацию полученных числовых данных. Подробнее о проблемных зонах метода [9].

Вопросы валидности кодировки в методах анализа текста

Как уже упоминалось выше, главной основой в методах анализа текста выступает выбранная единица анализа. Выбор кодировки, как правило, осуществляется исследователем или группой экспертов, которые определяют единицу анализа и форму кодировки в зависимости от целей и гипотез проводимого исследования. От правильности и адекватности этого выбора зависит как валидность проводимого в дальнейшем статистического анализа, так и полученные результаты. Уникальность текста как продукта деятельности автора, возможность различной трактовки текстовых фрагментов делает кодирование информации в этом тексте необходимой процедурой (как в статистических, так и в качественных исследованиях), при которой неизбежно происходит обобщение, искажение и влияние личных проекций исследователя. Опыт использования методов анализа текста показал следующие пути для повышения валидности кодировки.

1. Создание особых словарей-таксономий (словарей речевых форм, понятий), в которых за каждым словом приводится описание той психической составляющей, о выраженности которой эта речевая форма или слово может свидетельствовать. Эти словари, как правило, выглядят в форме дендрограммы и состоят из слов, субкатегорий, категорий, суперкатегорий и т.д. К таким словарям относятся, например, таблица речевых форм Р. Хогенраада [20], построенная на теории Мак Клелланда [23], или словарь М. Брэдли и П. Ланга аффективных норм английской выразительности [16]. Основной проблемой здесь является проведение четких разграничений между категориями и проведение исследований по всему спектру используемых в словарях категорий. Важным также является то, что такие словари довольно быстро могут устаревать, так как за употреблением конкретного слова у среднего респондента может меняться его смысловое содержание и, следовательно, психическое содержание которое стоит за употреблением этого слова [18].

2. Согласованный выбор единицы анализа и кодировки несколькими экспертами также может выступать в качестве фактора, увеличивающего валидность кодировки: когда несколько экспертов оценивают текст схожим образом. Повышение требований при этом к самому кодировщику оправдано особенно в тех случаях, когда выборка респондентов ма-

ла или сами тексты имеют небольшой объем – это связано с тем, что влияние допущенной ошибки или искажения при кодировке может привести к неадекватному результату всего исследования [1]. Особенно распространено искажение, допускаемое при кодировке, когда исследователь сознательно «укрупняет» некоторые категории кода в ущерб другим для подтверждения выдвинутой гипотезы.

3. Вторичная кодировка другим кодировщиком того же текста может быть использована как раз в тех случаях, когда полученные результаты исследования текста выглядят противоречиво, а сам текст малоинформативен и существует вероятность неправильной кодировки неоднозначных выражений. Сопоставление результатов может показать устойчивые закономерности в тексте или наоборот выявить недостатки кодирования.

4. Использование обратной связи от авторов текста в ситуациях, когда получен непредвиденный или необъяснимый результат, может оказаться полезным не только при интерпретации полученных данных, но и для проверки правильности выполненной кодировки, поскольку восприятие текста кодировщиком может кардинально отличаться от авторского в случае сложного по стилистике текста или текста, содержащего стилистические ошибки и смысловые искажения. Также это бывает полезно при малых объемах анализируемого текста или стенограммы речевого выступления.

5. В некоторых случаях для оценки выраженности психологических составляющих автора, стоящих за его текстом, используется метод сопоставления характеристик текста (семантических, частотных, морфологических и пр.) со стандартизированными на большой выборке нормами [13], где отклонение от норм рассматривается как свидетельство о выраженности психологических особенностей автора. Однако такой анализ, несмотря на то, что он дает интересные и информативные результаты, может выступать лишь в качестве косвенного способа проверки гипотезы, поскольку отличительные от нормы особенности текста не всегда являются следствием именно психологической составляющих, а могут быть обусловлены ситуативно.

6. Для контроля за ситуативным влиянием на исследуемые переменные хорошо подходит мониторинг цикла текстов автора, где можно определить стабильные во времени и от ситуации выраженные психологические характеристики автора.

Как можно увидеть из перечисленных способов повышения валидности анализа текста, создание совершенных компьютеризированных методик оценки текста будет сталкиваться с многочисленными проблемами при их применении. Однако увеличивающаяся доступность и объем текстовой информации делает анализ текста привлекательным способом оценки психологических особенностей автора или адресата информации. В этих условиях нужно помнить о способах применения этих методов в психологических исследованиях, поскольку анализ продуктов деятельности, по сути, является косвенным качественным методом и требует сочетания с количественными данными и данными прямых методов диагностики для получения достоверных и репрезентативных результатов.

Выводы

Приведенные примеры подходов далеко не исчерпывают всей сферы исследования текстов. Расширение контекста методов применения анализа текста, а также поиск зависимостей и связей единиц анализа текста с психическими и социальными процессами создало большое разнообразие подходов и способов исследования. Нами были представлены два критерия их систематизации: по выполняемым функциям и по объекту анализа. При этом было отмечено, что отправным моментом, который объединяет все методики анализа текста, является то, что в их основе лежат представления о единице анализа. Понятие единиц анализа является крайне важным аспектом, поскольку выступает своего рода аналогом исследуемых (но неконтролируемых) переменных в эксперименте. Нами были показаны различия лингвистических, психолингвистических, психологических единиц анализа текста и приведено систематизированное описание разработанных методик анализа текста, имеющих программную реализацию. Существующее разнообразие методик анализа текста мы постарались систематизировать в 10 групп: интен-анализ (Ethnograph, Leximancer, Minnesota Contextual Content Analysis), контент-анализ (Crawdad Desktop, INTEXT, Kwalitan, PROTAN, Yoshikoder), фоносемантический анализ (Vaal, DIATON), дискурс-анализ (CATPAC), нарративный анализ (LIWC, PC-ACE), экспертная оценка текста, графематический анализ, морфологический анализ (ATLAS.ti, Textanz, TextArc), синтаксический анализ (Profiler Plus,

DictaScope), семантический анализ (PROTAN, T-LAB Tools for Text Analysis).

Литература

1. Алмаев, Н.А. Валидность кодировки контент-анализа и новые возможности ее оперативной оценки и корректировки (на материале интервью пациента с игровой зависимостью) / Н.А. Алмаев, В.И. Олешкевич // *Проблемы психологии дискурса* / под ред. Н.Д. Павлова, И.А. Зачесова. – М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2005. – С. 73–84.
2. Батов, В.И. Алгоритмизация некоторых процедур автороведческой экспертизы / В.И. Батов // *Актуальные проблемы теории и практики применения математических методов и ЭВМ в деятельности органов юстиции*. – М., 1975 – Вып. 4. – С. 85–88.
3. Батов, В.И. Опыт построения методики для установления авторства текстов / В.И. Батов, Ю.А. Сорокин // *Известия АН СССР, Сер. литературы и языка*. – 1977. – 36(4) – С. 345–347.
4. Величковский, Б.М. Современная когнитивная психология / Б.М. Величковский. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1982. – 336 с.
5. Выготский, Л.С. Избранные психологические исследования / Л.С. Выготский. – М.: Изд-во АПН РСФСР, 1956. – 519 с.
6. Журавлев, А.П. Фонетическое значение / А.П. Журавлев. – Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1974. – 150 с.
7. Зимняя, И.А. Лингвопсихология речевой деятельности / И.А. Зимняя. – М.: Воронеж, 2001. – 432 с.
8. Леонтьев, А.А. Основы психолингвистики / А.А. Леонтьев. – М.: Смысл, 1997. – 287 с.
9. Мангейм, Дж. Б. Политология: Методы исследования / Дж. Б. Мангейм, Р.К. Рич. – М.: Изд-во «Весь Мир», 1997. – 544 с.
10. Николаева, Т.М. Единицы языка и теория текста / Т.М. Николаева // *Исследования по структуре текста*. – М., 1997. – С. 27–57.
11. Психолингвистическая экспертиза ксенофобии в средствах массовой информации: методические рекомендации для работников правоохранительных органов. – М.: Смысл, 2003. – 85 с.
12. Слово в действии. Интен-анализ политического дискурса / под ред. Т.Н. Ушаковой, Н.Д. Павловой. – СПб.: Алетейя, 2000. – 316 с.

13. Шалак, В.И. *Контент-анализ: приложения в области политологии, психологии, социологии, культурологии, экономики и рекламы* / В.И. Шалак. – М., 2004. – 272 с.

14. Alexa, M. *Text Analysis Software: Commonalities, Differences and Limitations: The Results of a Review* / M. Alexa, C. Zuell // Springer Netherlands, – 2000. – 34 (3) – P. 299-321.

15. Berelson, B. *Content Analyses in Communication Research* / B. Berelson. – Glencoe, 1952. – 220 p.

16. Bradley, M. *Affective norms for english words (anew): Stimuli, instruction manual and affective ratings.* / M. Bradley, P. Lang // Technical report c-1. – Gainesville, FL: University of Florida, 1999. – P. 1–49.

17. Brown, G. *Discourse analysis* / G. Brown, G. Yule. – Cambridge: Cambridge University Press, 1983. – 288 p.

18. Dodds, P. *Measuring the Happiness of Large-Scale Written Expression: Songs, Blogs, and Presidents* / P. Dodds, Ch. Danforth // *Journal of Happiness Studies*. – 2009. – 11(4). – P. 441–456.

19. Franzosi, R. *Quantitative Narrative Analy-*

sis (Quantitative Applications in the Social Sciences) / R. Franzosi. – Beverly Hills, CA: Sage, 2009. – 200 p.

20. Hogenraad, R. *Force and influence in content analysis: The production of new social knowledge* / R. Hogenraad, D.P. McKenzie, N. Puladeau // *Quality & Quantity*. – 2003. – 37(1). – P. 221–238.

21. Klein, H. *Classification of Text Analysis Software* / H. Klein // *Classification and knowledge organization: Proceedings of the 20th annual conference of the Gesellschaft fur Klassifikation* / In R. Klar, O. Opitz (Eds.). – University of Freiburg, 1996, Berlin, New York: Springer, 1997. – P. 255–261.

22. Labov, W. *Sociolinguistic patterns* / W. Labov. – Pennsylvania: University of Pennsylvania Press, 1972. – 346 p.

23. McClelland, D.C. *Power: The Inner Experience* / D.C. McClelland. – New York: Irvington Publishers, 1975. – 427 p.

24. Saporta, S. *Relation between Psychological and Linguistic Units Psycholinguistics* / S. Saporta. – Baltimore, 1954. – 325 p.

Поступила в редакцию 14 октября 2010 г.

Митина Ольга Валентиновна. Канд. психол. наук, вед. науч. сотр. факультета психологии, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова: omitina@inbox.ru.

Olga V. Mitina. Ph.D. Sci. Sciences, Senior Research Officer Department of Psychology at Moscow State University named after M.V. Lomonosov Moscow State University: omitina@inbox.ru.

Евдокименко Александр Сергеевич. Канд. психол. наук, науч. сотр. факультета психологии, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова: belbel@list.ru.

Alexander S. Evdokimenko. Ph.D. Sci., Research Fellow Department of Psychology at Moscow State University named after M.V. Lomonosov Moscow State University: belbel@list.ru.

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПОЛОЖЕНИЯ И СПЕЦИФИКА КОНСТРУИРОВАНИЯ ЭКСПЕРТНЫХ ПСИХОДИАГНОСТИЧЕСКИХ СИСТЕМ (ЧАСТЬ I)

К.Р. Червинская

В цикле статей сформулирован ряд методологических положений конструирования особого класса психодиагностических технологий – экспертных психодиагностических систем. ЭПС представлены как специфический подкласс компьютерного психодиагностического инструментария, включающий в себя базу знаний – эксплицированные и специальным образом формализованные знания опытных психологов, обладающих умением и навыком решения практических задач. Очерчены границы такого инструментария, выделены структура и функциональные возможности, описаны стратегии построения компьютерных интерпретаций результатов тестирования, представлен опыт установления критериальной валидности компьютерного заключения.

Ключевые слова: экспертные психодиагностические системы, база знаний, извлечение экспертных знаний, компьютерная интерпретация тестовых данных, критериальная валидность компьютерного заключения.

Введение

Современная психодиагностика задает высокую планку профессиональным психологам в плане конструирования и адаптации психодиагностического инструментария. Ведь от того насколько качественной будет информация, получаемая с помощью психологической методики, зависит и качество принятия решений специалистами в той или иной сфере деятельности. Тесты в руках квалифицированных профессионалов дают возможность не только оценить те или иные психологические качества человека, но и раскрывают информацию, недоступную невооруженному наблюдателю.

Однако в последние годы, по мнению большинства авторитетных специалистов, отечественная психодиагностика переживает системный кризис [2]. Как отмечает Н.А. Батурина, главная причина кризиса заключается в слабой подготовке отечественных разработчиков в области создания и адаптации психодиагностического инструментария, недостаточная освоенность технологий психометрии. Действительно, на протяжении многих лет у отечественных разработчиков была лишь одна специализированная книга по психометрике [5].

В настоящее время наметился существенный сдвиг в издании соответствующей литературы как зарубежных, так и отечественных исследователей. Можно упомянуть только что вышедшее в свет переводное издание по пси-

хометрике, где представлены не только основы психометрики, но и рассмотрены современные психометрические подходы, так называемая высшая психометрика, в частности, теория генерализуемости тестовых баллов и теория ответов на пункты, модели Раша [7].

Особо следует выделить серию систематизированных работ Н.А. Батурина и Н.Н. Мельниковой, где впервые четко представлена технология разработки тестов и описан универсальный процесс создания психодиагностических методик любого типа, состоящий из 14 шагов, сгруппированных в 8 этапов [3, 4]. Актуальность таких исследований трудно переоценить не только в связи с необходимостью разработки психодиагностического инструментария, удовлетворяющего современным международным требованиям (стандарты тестов APA, BPS, EFPA), но и в связи с подготовкой отечественных стандартов психодиагностических технологий.

Тем не менее существует значительный пробел методологических работ, касающихся создания компьютерного психодиагностического инструментария, в частности, экспертных психодиагностических систем. Терминологическая путаница возникает от непонимания, чем же являются экспертные психодиагностические системы, чем они отличаются от другого компьютерного инструментария, от компьютерных версий бланковых методик и пр. В рамках данного контекста основная цель

этой статьи состоит в том, чтобы определить специфику структуры и функций экспертных психодиагностических систем по сравнению с другим психодиагностическим инструментарием, описать стратегии построения компьютерных интерпретаций результатов тестирования, представить опыт установления критериальной валидности компьютерного заключения, а также сформулировать ряд методологических положений особого класса психодиагностических технологий.

Специфика структуры и функций экспертных психодиагностических систем (сравнительный анализ)

Экспертные психодиагностические системы (ЭПС) – это компьютерные психодиагностические методики, осуществляющие интерпретацию результатов тестирования испытуемых на основе базы знаний. Под базой знаний понимается извлеченные (эксплицированные) и специальным образом формализованные знания опытных психологов, обладающих умением и навыком использования интерпретационных схем в практических целях. Поскольку ЭПС являются все-таки подклассом компьютерного психодиагностического инструментария, следует определить место данной технологии среди других компьютерных методик. Основной вопрос, на который мы ответим в этом разделе – это чем являются и чем не являются ЭПС.

В целом, психодиагностический инструментарий с точки зрения использования компьютера в работе пользователя можно класси-

фицировать на две большие группы (рис. 1):

- бланковый инструментарий;
- компьютерный инструментарий.

Бланковый психодиагностический инструментарий иногда называют методиками «карандаша и бумаги» (от англ. «pen and pencil») и предназначены они исключительно для «ручной» работы с испытуемыми (респондентами). Очевидно, что такие методики должны быть разработаны и описаны в строгом соответствии с технологией конструирования тестов, представленной в серии работ Н.А. Батурина и Н.Н. Мельниковой [3, 4].

Бланковая психодиагностическая методика может иметь свою компьютерную версию, а может и не иметь. Существует распространенное мнение, что любую бланковую методику необходимо компьютеризировать и что в конце концов в перспективе компьютеризован будет весь психодиагностический инструментарий. Следует отметить, что такое мнение является заблуждением, которое основано на стремительном и повсеместном внедрении компьютерных технологий в обычную жизнь людей. Существует определенный контингент людей, для которых более предпочтительным является тестирование с бланка. В частности, к ним относятся лица, обладающие выраженной компьютерной и экзаменационно-тестовой тревогой*.

Кроме того, можно отметить как плюсы, так и минусы использования компьютерного инструментария. Безусловными плюсами являются: быстрота проведения исследования,

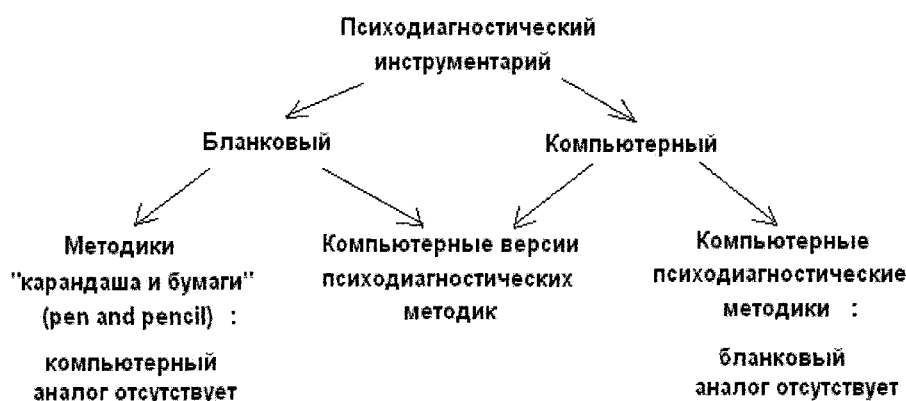

Рис. 1. Классификация психодиагностического инструментария с точки зрения использования компьютера в работе пользователя

* Несмотря на массовое использование компьютеров, феномен компьютерной тревожности остается достаточно распространенным явлением. Это показано в дипломной работе Е.Ю. Елфимовой (2008) «Когнитивные детерминанты и стратегии преодоления компьютерной тревожности», выполненной на кафедре эргономики и инженерной психологии СПбГУ под нашим руководством.

быстрая и без ошибок обработка, возможность быстрого получения результатов тестирования, обеспечение стандартных условий тестирования для всех испытуемых, контроль процедуры тестирования (невозможен пропуск вопросов, при необходимости может быть фиксация времени каждого ответа, что особенно важно для тестов на интеллект), возможность исключения психолога (один на один с машиной), наглядность и занимательность процесса (поддержка внимания с помощью цвета, звука, игровых моментов, что особенно важно для обучающих программ), легкая архивация результатов, возможность объединения тестов в батареи (пакеты программ) с единой итоговой интерпретацией, мобильность экспериментатора (весь инструментарий на одном носителе), возможность проведения массовых исследований (Интернет); при тестировании психических процессов обеспечивается точность измерений (например, при определении порогов). К минусам использования компьютерного инструментария относятся: сложность и длительность разработки инструментария; необходимость обучения как психолога, так и испытуемого (умение и навыки работы на компьютере); пропадает индивидуальный подход к испытуемому, поскольку при тестировании, например, в сети, теряется часть психодиагностической информации.

Компьютерная версия бланковой методики представляет собой ту или иную степень автоматизации этапов психодиагностического обследования испытуемого с помощью компьютерного аналога, разработанного в строгом соответствии с технологией конструирования тестов.

Основной проблемой здесь является тот факт, что при переносе «бланковой» методики в компьютер нарушаются стандартные условия предъявления стимульного материала испытуемым – одна из важнейших психометрических характеристик. Иными словами, стимульная ситуация, моделируемая компьютером, существенно отличается от той, когда тому же испытуемому предлагают «бланковый» вариант. Следствием этого являются очевидные искажения результатов тестирования. Если, допустим, методика измеряет «тревожность», а испытуемый недостаточно хорошо владеет компьютером или обладает компьютерной тревожностью, то исходный параметр будет измеряться с явным искажением. В этом случае необходимо проводить

дополнительные исследования либо по установлению психометрических характеристик для компьютерной версии, либо по доказательству эквивалентности компьютерного и бланкового вариантов.

Исследования, посвященные сопоставлению или выяснению эквивалентности «бланковых» методик и их компьютерных версий, появились за рубежом в начале 1980-х годов [9, 14]. В первоначальных обзорах работ на эту тему был сделан вывод о том, что компьютерные версии традиционных личностных тестов в целом эквивалентны их «бланковым» источникам. Однако в более поздних работах [11, 13] приводятся и обсуждаются примеры, в которых компьютерные версии не являются эквивалентными их «бланковым» первоисточникам. Исследователи отмечают, что у некоторых испытуемых, неуверенно владеющих компьютером, при компьютерном тестировании увеличивается уровень тревоги, что приводит к искажению результатов тестирования, особенно если конструкт, подлежащий измерению, связан с тревогой.

Эти явления заставили исследователей считать, что нельзя утверждать об эквивалентности компьютерных и «бланковых» форм тестов в общем, поскольку эквивалентность должна демонстрироваться для каждой методики в отдельности [11, 12]. Аналогично складывается ситуация и с компьютерными версиями методик, работающих в Интернете в системе WWW (Word Wide Web) [10].

Таким образом, можно сделать вывод о том, что *компьютерная версия методики – это вполне самостоятельная методика, использование которой возможно только после установления групповых норм и других психометрических характеристик*. Это означает, что если отсутствуют специальные исследования, касающиеся подтверждения психометрических характеристик, то тестирование испытуемого необходимо осуществлять с помощью бланка, а уже полученные ответы вводить для обработки в компьютер.

В середине 1990-х годов, когда Интернет набрал критическую массу пользователей и ресурсов, необходимую для происходящей на наших глазах сетевой революции, появились первые дистанционные тесты, то есть тесты, работающие в глобальной компьютерной сети Интернет. С этого момента использование Интернета для психологических обследований испытуемых, проблема психодиагностического тестирования в системе WWW – ста-

ли очередной темой исследований в области компьютерной психодиагностики. В отечественных исследованиях показано, что в Интернете принципиально не меняются психометрические характеристики таких классических многофакторных тестов, как например, тест Айзенка [6, 8].

Компьютерные психодиагностические методики представляют собой разновидность инструментария, разработка и использование которых возможна только при помощи компьютера, как например, системы дистанционного, адаптивного или игрового тестирования. Такой компьютерный инструментарий может не иметь своего бланкового аналога, что и очевидно, особенно когда речь идет, допустим, об игровом тестировании: предъявление теста в виде компьютерной игры, как например методика «МИМИКС», разработанная в лаборатории «Гуманитарные технологии» [www.ht.ru].

Компьютерный психодиагностический инструментарий можно классифицировать и с другой точки зрения: степени автоматизации различных этапов психодиагностического исследования испытуемых. На этапе проектирования в каждом конкретном случае определяются функциональные возможности будущей системы. Как правило, выделяют следующие функции:

- администрирование (база данных);
- предъявление стимульного материала испытуемому;
- ввод данных тестирования испытуемых с протокола (психологом);
- обработка и визуализация результатов тестирования испытуемых;
- вербальная интерпретация результатов тестирования (база знаний).

Существует распространенное мнение о том, что автоматизированы должны быть все этапы (функции) психодиагностического исследования испытуемых. Это также является некоторым заблуждением, учитывая приведенные выше исследования относительно влияния способов предъявления стимульного материала испытуемым на результаты тестирования. Иногда корректнее с психометрической точки зрения использовать не такую функцию, как предъявление стимульного материала испытуемому, а другую – ввод данных тестирования испытуемых с протокола психологом. Так, например, компьютерная версия методики «Интегративная система психодиагностики методом Роршаха» осуще-

ствяет ввод закодированного психологом протокола, а не предъявление испытуемому соответствующего стимульного материала [1].

В рамках заданных классификаций можно определить, чем являются экспертные психодиагностические системы, а чем – нет.

С точки зрения первой классификации – ЭПС могут представлять собой как компьютерные версии психодиагностических методик, так и просто компьютерные методики, у которых не существует бланкового аналога. С точки зрения функциональных возможностей компьютерного инструментария – необходимым признаком того, что компьютерный инструментарий является ЭПС – это автоматизация этапа (или функции) создания вербальной интерпретации результатов тестирования испытуемых, т. е. фактически наличие базы знаний, построенной на основе эксплицированных знаний опытных экспертов-психологов, обладающих умением и навыком решения практических задач.

Важной отличительной особенностью ЭПС от любого другого компьютерного психодиагностического инструментария является отделение базы знаний от компьютерной программы, осуществляющей автоматизированное исследование испытуемых и предъявление результатов пользователю. Это означает, что база знаний не является составной частью компьютерной методики (на языке программистов: не «прошита в код»), а существует независимо и доступна для просмотра и редактирования самим экспертам-психологам. Как правило, содержимое базы знаний оформляется в виде файла, имеющего либо формат какой-либо распространенной базы данных (например, входящей в стандартный состав Microsoft Office базы данных Microsoft Access), либо в формате обычного текстового файла (например, Microsoft Word).

Это принципиальное положение разработки ЭПС возводит базу знаний в ранг вполне самостоятельного и востребованного объекта, оперирование с которым способствует не только тиражированию экспертного опыта по интерпретации результатов тестирования, но и разрешению традиционных для психодиагностики в целом положений, связанных с необходимостью модификации методик.

Модификация экспертных психодиагностических систем осуществляется путем модификации базы знаний без необходимости перепрограммирования каких-либо функциональных возможностей методики. Модифи-

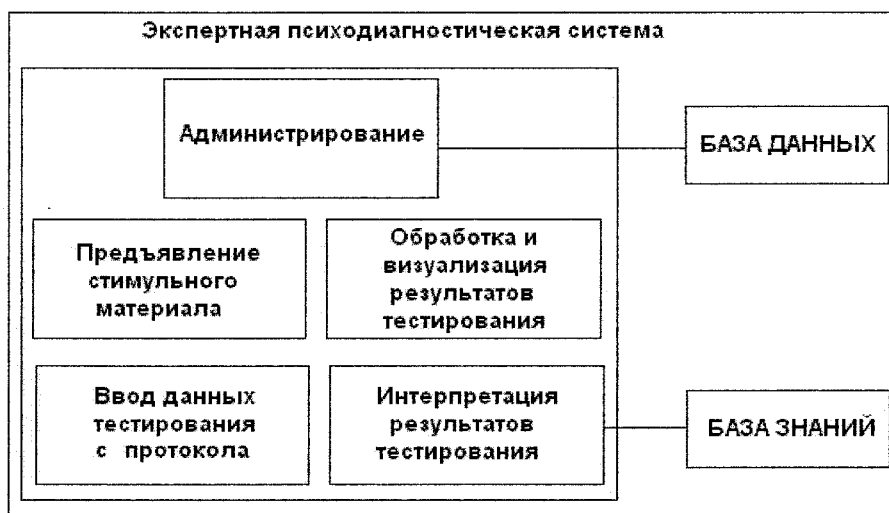

Рис. 2. Структура и функциональные возможности экспертных психодиагностических систем

цированная база знаний может тиражироваться простым копированием, пересылкой по электронной почте и т.д.

Возможность оперировать с базой знаний как с самостоятельным объектом порождает важный эффект социального плана. Некоторые организации, имеющие у себя как психологическую службу, так и штат программистов (например, такие ведомства, как МВД или МЧС) скорее нуждаются не в компьютерных психодиагностических методиках (запрограммировать методику не представляет собой никаких проблем даже для начинающего программиста), сколько в квалифицированной интерпретации результатов тестирования. В этом отношении база знаний как аккумулятор опыта квалифицированных психологов может оказать незаменимую службу.

Таким образом, можно определить структуру и функции экспертных психодиагностических систем (рис. 2). Отметим, что на рисунке представлен внутренний блок (функции), который может рассматриваться как вполне самостоятельный компьютерный психодиагностический инструментальный, при этом интерпретация результатов тестирования может строиться «пошкально», например, в виде прошитого в код интерпретатора правил «ЕСЛИ – ТО». Если при этом такие правила отобраны программистами из какого-либо руководства по описанию методики, то, очевидно, что такой инструментальный не будет являться экспертной психодиагностической системой в строгом смысле этого термина.

Таким образом, определив, чем же является ЭПС, а чем – нет, какова классификация

всевозможных компьютерных программ, можно формулировать критерии оценки компьютерного психодиагностического инструментария. Описанная выше попытка методологического описания и выделения специфики конструирования особого класса психодиагностических технологий – экспертных психодиагностических систем позволяет очертить границы ЭПС, выделить ее структуру и функциональные возможности. Вместе с тем, представления об ЭПС как специфическом подклассе компьютерного психодиагностического инструментария требуют своего уточнения и развития, что и предполагается выполнить в последующих публикациях по этой тематике.

Литература

1. Ассанович, М.А. Компьютеризация интегративной системы Роршаха / М.А. Ассанович, К.Р. Червинская // *Материалы 4-го Всероссийского съезда Российского психологического сообщества, 18–21 сентября 2007 года: в 3 т. – М.; Ростов н/Д.: Изд-во «Кредо», 2007. – Т. 3. – С. 194–195.*
2. Батури, Н.А. Современная психодиагностика России / Н.А. Батури // *Вестник ЮУрГУ. Серия «Психология». – 2008. – Вып. 2. – С. 4–9.*
3. Батури, Н.А. Технология разработки тестов: часть I / Н.А. Батури, Н.Н. Мельникова // *Вестник ЮУрГУ. Серия «Психология». – 2009. – Вып. 6. – С. 4–14.*
4. Батури, Н.А. Технология разработки тестов: часть II / Н.А. Батури, Н.Н. Мельникова // *Вестник ЮУрГУ. Серия «Психология». – 2009. – Вып. 7. – С. 11–25.*

5. Клайн, П. *Справочное руководство по конструированию тестов* / П. Клайн. – Киев, 1994.
6. Ромек, В.Г. *Сохранение надежности многофакторных тестов при их использовании в сети Интернет* / В.Г. Ромек, Д.К. Сатин // *Психологический журнал*. – 2000. – № 21.2. – С. 70–75.
7. Фер, Р.М. *Психометрика: Введение* / Р.М. Фер, В.Р. Бакарак; пер. с англ. А.С. Науменко, А.Ю. Попова; под ред. Н.А. Батурина, Е.В. Эйдмана. – Челябинск: Издательский центр ЮУрГУ, 2010. – 445 с.
8. Шмелев, А.Г. *Психодиагностика личностных черт* / А.Г. Шмелев. – СПб.: Речь, 2002.
9. Skinner, H.A. *Challenge of computers in psychological assessment* / H.A. Skinner, A. Pakula // *Professional Psychology: Research and Practice*. – 1986. – 17. – P. 44–50.
10. Bartram, D. *Automated testing: Past, present and future* / D. Bartram, R. Bayliss // *Journal of Occupational Psychology*. – 1984. – 57. – P. 221–237.
11. Cohen, R.J. *Psychological testing and assessment* / R.J. Cohen, M.E. Swerdlik, D.K. Smith. – 2-nd ed. – Mountain View, CA: Mayfield Publishing, 1992.
12. Webster, J. *Computer-assisted versus paper-and-pencil administration of questionnaires* / J. Webster, D. Compeau // *Behavior Research Methods, Instruments, and Computers*. – 1996. – 28. – P. 567–576.
13. Meier, S. *The chronic crisis in psychological measurement and assessment: A historical survey* / S. Meier. – San Diego: Academic Press, 1994.
14. Buchanan, T. *Using the Internet for psychological research: Personality testing on the World Wide Web* / T. Buchanan, J.L. Smith // *British Journal of Psychology*. – 1999. – 90. – P. 125–144.

Поступила в редакцию 17 октября 2010 г.

Червинская Ксения Ральфовна. Кандидат технических наук, доцент кафедры эргономики и инженерной психологии психологического факультета, Санкт-Петербургский государственный университет, старший научный сотрудник лаборатории клинической психологии Санкт-Петербургского психоневрологического института им. В.М.Бехтерева: ks.56@mail.ru.

Kseniya R. Chervinskaya. Doctor of Computer Science, Assistant Professor of the Chair of Ergonomics and Human Engineering of the Psychological Department of St. Petersburg State University, Senior Research Scientist of the Laboratory of Clinical Psychology of the St. Petersburg V.M. Bekhterev Psychoneurological Research Institute: ks.56@mail.ru.

Общая психология, психология личности, история психологии

УДК 159.954+331.101.3
ББК Ю941

МНОГОУРОВНЕВАЯ МОДЕЛЬ ИННОВАЦИОННОГО ПОТЕНЦИАЛА ПРОФЕССИОНАЛА И ПОДХОДЫ К ЕЕ ОПЕРАЦИОНАЛИЗАЦИИ: ЧАСТЬ II*

Т.Д. Ким, Е.С. Первухина

Статья является продолжением публикации результатов исследования инновационного потенциала профессионала (ИПП). Представлено продолжение обзора исследований ИПП, рассматриваются новые подходы к изучению инновационного поведения профессионала. Предлагается уточненная модель ИПП, подход к ее операционализации в виде многофакторного опросника, а также план его эмпирической проверки.

Ключевые слова: инновация, инновационный потенциал профессионала, модель инновационного потенциала профессионала, опросник инновационного потенциала профессионала.

В предыдущей публикации [1] был представлен подробный обзор и анализ исследований, связанных с инновационной деятельностью и инновационным потенциалом профессионала (ИПП). В данной статье продолжено изложение выполненного обзора теоретических предпосылок и предложена модифицированная модель инновационного потенциала профессионала.

Современные исследования показывают, что инновации являются необходимым элементом развития общества, условием его жизнестойкости, а также динамичности, выживания и развития личности [3]. Так, по мнению социолога Б. Санто, суть саморазвития человека и общества состоит в повышении собственной способности по-новому посмотреть на вещи, определять проблемы и решать задачи. При этом повышение этой способности происходит именно с помощью инноваций [5]. Сходную точку зрения высказывает и В. Рейтер, утверждающий, что «инновация является исходным потенциалом для общества, которое стремится успешно решать экономические, социальные и другие вопросы в интересах устойчивого развития для обеспечения нынешним и будущим по-

колениям материального и духовного благосостояния» [4].

В настоящее время в Российской Федерации инновационной тематике уделяется достаточно много внимания в связи с наличием государственной программы по поддержке инноваций. Однако психологическая составляющая этого процесса освещается недостаточно. В то же время для успешного осуществления инновационных проектов, прежде всего, необходимы люди, обладающие определенными психологическими качествами. В связи с этим интерес к проблеме инновационной деятельности и инновационного потенциала профессионала все больше возрастает. Однако даже зарубежные авторы отмечают отсутствие системного теоретического подхода к изучению новаторства и качественного инструментария для диагностики психических феноменов, связанных с инновационной деятельностью.

Само понятие «инновационная личность» было введено Эвереттом Хагеном. По его мнению, можно выделить противоположные типы личности – авторитарная личность и инновационная личность. Фактически под инновационной личностью Э. Хаген понимает со-

* Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, грант 10-06-00350а.

вокупность личностных особенностей, обеспечивающих эффективное и продуктивное функционирование человека в современном, динамично меняющемся обществе [10].

В исследовании А.В. Власовой инновационный потенциал определяется как психологическое образование, которое формируется в течение жизни и проявляется на разных уровнях взаимодействия человека с миром [2]. В инновационном потенциале личности достаточно традиционно, как и в других свойствах личности, выделяются гносеологический (когнитивный), аксеологический (эмоциональный) и праксеологический (поведенческий) аспекты, соотношение которых (преобладание того или другого компонента) влияет на реализацию инновационного потенциала личности в конкретной инновационной ситуации.

В контексте тематики настоящей статьи наибольший интерес представляет прикладной аспект инновационного потенциала личности, а именно – его проявление применительно к профессиональной деятельности человека. Для обозначения этого прикладного аспекта и предлагается использовать термин «инновационный потенциал профессионала». *Под инновационным потенциалом профессионала понимается совокупность психологических качеств, позволяющих выполнять деятельность, направленную на разработку, внедрение и распространение новых идей, изделий, технологий, организационных форм управления и других видов инноваций.*

Можно выделить несколько направлений в изучении инновационной деятельности и тех факторов, которые лежат в его основе (фактически – инновационного потенциала профессионала).

В рамках одного из подходов изучается творческая деятельность в организации, она направлена на создание (но необязательно на реализацию) нового способа деятельности, нового решения.

В теории личностных черт инновативность рассматривается как устойчивое качество, характеризующее реакцию людей на новое и неизвестное. Наиболее известный пример инновативности как личностной черты предлагает пятифакторная модель личности, в которой один из факторов называется «открытость опыту» [8]. Он рассматривается как любознательность и познавательная мотивация, готовность действовать в соответствии с новыми идеями и изменившимися условия-

ми, желание пробовать новое. Однако необходимо отметить, что общая позитивная или негативная личностная установка в отношении нового влияет на поведение конкретного человека в конкретной ситуации лишь опосредованно и далеко не всегда будет проявляться в инновационной деятельности на предприятии.

Кроме того, некоторые концепции содержат в себе предположение, что на творческую деятельность оказывает прямое влияние когнитивный стиль. Наиболее известный подход к пониманию и измерению когнитивных стилей, релевантных инновационному поведению, разработан М. Кертоном в его теории Адаптации – Новаторства [11]. Она базируется на том, что стили творческого мышления, решения задач и принятия решений у разных людей отличаются. В то время как одни люди склонны адаптироваться к изменениям, другие сами привносят эти изменения, т. е. вводят новшества.

Другой подход к выделению когнитивных стилей, связанных с новаторством, реализован М. Базадуром [7]. По его мнению, люди подразделяются на группы «генераторов», «концептуализаторов», «оптимизаторов» и «внедренцев». Такая классификация предполагает существование 4 различных стилей решения задач. Решение конкретной творческой проблемы требует различных приемов, однако большинство людей отдает явное предпочтение лишь одному стилю. «Генераторы» придумывают новые идеи и решения; «оптимизаторы» стремятся улучшить существующее положение дел в организации; «концептуализаторы» развивают и распространяют новые идеи, а «внедренцы» применяют новые решения на практике и становятся активными пользователями новинок. Такой подход более полно охватывает проявления личности в процессе инновационной деятельности, однако М. Базадур рассматривает только стили решения задач, не учитывая другие характеристики, связанные с мотивацией, отношением к работе, практическим опытом и т. д.

Точка зрения на инновационный потенциал личности и профессионала часто опирается на выделение интереса человека ко всему новому, способность понимать несовершенство существующего положения дел, мыслить и действовать нешаблонно. Однако несмотря на то, что люди могут делиться своими идеями с коллегами, эти идеи могут считаться иннова-

цией только в том случае, если они будут успешно применены на уровне подразделения или организации [6,13]. Инновация связана с применением нововведений и, таким образом, в большей степени направлена на достижение конечного результата и получения выгоды, положительного эффекта. Например, С. Маджаро [12] определяет новаторство как «практическое применение идей для достижения управленческих целей». Внедрение новшества требует не только понимания ценности и полезности нового, но и способности убеждать, умения продвигать идеи. Теории и концептуальные модели исследования предпринимательских качеств, направленных на внедрение инноваций, выявили следующие характеристики успешных предпринимателей: потребность в достижении; потребность в автономии; локус контроля; умеренная склонность к риску.

Иными словами, внедрение нововведения (или инновационная деятельность) в организации не происходит мгновенно и не ограничивается лишь возникновением новой идеи, а представляет собой развернутый по времени процесс.

Таким образом, в описанных исследованиях акцентируется либо творческая деятельность профессионала в организации, либо деятельность по воплощению в жизнь новых креативных идей. Поэтому для формирования более полного представления об инновационном потенциале профессионала его необходимо рассматривать как сложное образование, включающее в себя компоненты, связанные как с творческим процессом создания нового решения, так и с его реализацией и внедрением.

Примером может служить модель Де Йонга [9], которая включает 4 компонента инновационной деятельности: исследование возможностей, генерация идей, продвижение идей, практическое применение.

Инновационный процесс начинается с обнаружения несоответствия между реальными и идеальными характеристиками продукта или процесса. На этой стадии происходит *исследование возможностей*, которое включает в себя поиск способов усовершенствования существующих на данный момент в организации процессов. Для успешного исследования возможностей необходимы люди, обладающие способностью пересмотреть текущие процессы и продукты и представить их под новым углом зрения, с необычной стороны.

Второе необходимое условие инновации – *оригинальная творческая идея*. Такая идея может быть направлена на создание новых продуктов, услуг или процессов, освоения новых рынков, улучшения текущих рабочих процессов, иными словами, новых решений обнаруженных проблем.

Однако не всегда хорошие идеи находят себе применение, более того, часто они встречают сопротивление, поскольку требуют изменения привычных способов деятельности, поэтому такую идею необходимо «продать». Внутри организации необходимы люди, которые будут прилагать усилия на *продвижение творческих идей*, «проталкивание» инициатив. Профессионалы, задействованные на данной стадии, должны обладать качествами, позволяющими им успешно искать поддержку, формировать коалиции и команды, вести переговоры, убеждать, влиять на других людей. Таким образом, преобразование идей в практические решения также требует значительных усилий со стороны сотрудников организации.

На этапе *применения* профессионал должен обладать способностями к разработке новых продуктов и производственных процессов, их тестирование и модификации. Необходимо отметить, что эти действия можно считать частью инновационной деятельности при условии, что они совершаются по собственной инициативе субъекта (не по требованию или прямой должностной обязанности) и устойчивы, т. е. преодолеваются барьеры на пути совершения изменений.

Результаты анализа исследований проблемы инновационного потенциала профессионала и организации позволяют предложить модель инновационного потенциала профессионала (ИПП), включающую совокупность конституциональных, личностных свойств и компетенций. Необходимо также отметить, что реализация ИПП зависит от особенностей инновационного потенциала организации, в которой осуществляют свою деятельность конкретные профессионалы-носители своего инновационного потенциала.

В предыдущей публикации [1] были предложены модель ИПП, рассматривающая его на нескольких уровнях, каждый из которых включает несколько характеристик, а также методики, направленные на диагностику каждой из этих характеристик. Процесс эмпирической проверки модели существенным образом усложняется в связи с тем, что многие методи-

ки являются зарубежными и не адаптированы. Дальнейшие исследования концептуальной модели показали, что ее содержание и структура оказались сложными для практической реализации. Поэтому в целях обеспечения более эффективной операционализации эта модель она была уточнена и упрощена при сохранении ее общей концепции [1].

Новый вариант теоретической модели ИПП, разработанной под руководством Н.А. Батурина, включает в себя несколько компонентов.

Общая жизненная активность

Характеризует интенсивность и объем взаимодействия человека со средой – физической и социальной. Этот параметр является неспецифическим именно для инновационной деятельности, он описывает особенности человека, определяющие его инициативность, энергичность, разнообразие интересов и активности.

Стремление к изменениям

Учитывает мотивационную составляющую модели ИПП. Данный параметр характеризует уровень любознательности человека, насколько он стремится узнавать новое, насколько у него развита потребность в переменах. Также данный параметр характеризует направленность на мотивацию достижения.

Интеллектуальная неординарность

Интеллектуальная неординарность характеризует способность к творческому мышлению и то, насколько человек готов вовлекаться в интеллектуальную деятельность. Этот параметр позволяет определить, присутствуют ли у человека комбинаторные способности, оригинальность мышления.

Социальная независимость

Характеризует взаимодействие профессионала с другими людьми в команде и с ру-

ководителями. Данный компонент учитывает, насколько человек проявляет автономию в поведении на работе, насколько критичен к мнению руководителей и других сотрудников, может ли он пойти на риск и отстаивать свою точку зрения перед другими. Этот компонент изучает особенности поведения непосредственно в рабочих условиях.

Деловая ответственность

Характеризует отношение к работе. Она включает такие качества, как добросовестность в работе, организованность, приверженность правилам, принятым в организации. Определенный уровень деловой ответственности способствует высокому инновационному потенциалу профессионала, поскольку ответственность в подходе к работе необходима. Однако чрезмерный уровень выраженности деловой ответственности, наоборот, снижает ИПП, поскольку мешает мыслить нестандартно и отходить от принятых стереотипов, проявлять самостоятельность, что является необходимым условием успешности инновационной деятельности.

Инновационная компетентность

Характеризует профессиональный опыт, сформированный в результате выполнения инновационных проектов, навыки и умения, полученные в процессе выполнения производственной деятельности. Он включает в себя репертуар инновационных действий, управление изменениями, толерантность к творческим личностям.

В табл. 1 приводится уровневая характеристика модели инновационного потенциала профессионала, в которой указаны свойства, определяющие инноватора.

Поскольку инновационная деятельность является протяженной во времени и включает несколько этапов реализации – от возникно-

Таблица 1

Уровневая структура инновационного потенциала профессионала (ИПП)

Характеристики ИПП		Полюса характеристик	
		Полюс инновационного потенциала	Полюс отсутствия инновационного потенциала
1 уровень (конституциональный)	1	Общая жизненная активность	Общая жизненная пассивность
	2	Стремление к изменениям	Избегание изменений
2 уровень (личностный)	3	Интеллектуальная неординарность	Интеллектуальная ординарность (простота)
	4	Социальная независимость	Социальная зависимость
3 уровень (социальный)	5	Деловая свобода	Деловая ответственность
	6	Инновационная компетентность	Инновационная некомпетентность

Характеристики ИПП, актуализируемые на разных этапах инновационного процесса у разных типов инновационной личности

Характеристика ИПП	Этапы инновационного процесса		
	Разработка	Внедрение	Реализация
Жизненная активность	Средняя	Высокая	Высокая
Стремление к изменениям	Высокая	Средняя	Средняя
Интеллектуальная неординарность	Высокая	Средняя	Средняя
Деловая ответственность	Средняя	Высокая	Средняя
Социальная независимость	Высокая	Средняя	Высокая
Инновационная компетентность	Средняя	Высокая	Средняя
	«Инициатор»	«Внедренец»	«Реализатор»
	Тип инновационной личности инноватора		

вения идеи до воплощения ее в жизнь и продвижения на рынок, ИПП на разных этапах инновационного процесса требует от исполнителей наличия специфического набора психологических качеств. Успешность внедрения новых идей обеспечивается участием различных профессионалов с определенным набором компонентов ИПП, которые будут наиболее эффективно проявлять себя на определенной стадии инновационного процесса. В табл. 2 представлено предполагаемое распределение уровней выраженности характеристик модели ИПП у разных типов инновационной личности, актуализируемых на разных этапах инновационного процесса.

На основе предложенной модели был составлен многофакторный опросник инновационного потенциала профессионала (МОИПП). Его структура представлена шестью шкалами, при этом каждая шкала направлена на диагностику одного из компонентов модели: «Общая жизненная активность», «Стремление к изменениям», «Интеллектуальная неординарность», «Деловая ответственность», «Социальная независимость», «Инновационная компетентность». В связи с тем, что опросник МОИПП предполагается использовать при оценке персонала, в него включена шкала социальной желательности. В опросник входит 140 утверждений, на каждое из которых испытуемый выбирает один из пяти вариантов ответов: «полностью согласен», «согласен», «ни то, ни другое», «не согласен», «полностью не согласен».

Программа эмпирической проверки опросника включает несколько психометрических исследований.

Во-первых, это исследование надежности: проверка на внутреннюю согласованность и ретестовую надежность. На данном этапе пла-

нируется провести первичное исследование на выборке молодых профессионалов и установить внутреннюю согласованность при помощи коэффициента альфа Кронбаха, что позволит выявить и отобрать утверждения, соответствующие нормам по внутренней согласованности. Ретестовую надежность планируется проверить повторным проведением опросника на той же выборке через 2 месяца после первой сессии.

Во-вторых, требуется изучение валидности методики. Конструктивную валидность планируется проверить исследованием корреляционной связи между шкалами МОИПП и опросником B5sPlus (пятифакторная модель личности), компактным интеллектуальным тестом КИТ СПЧ и другими методиками. Это позволит определить номологическую сеть конструкта ИПП.

Критериальную валидность планируется проверить при помощи внешней экспертной оценки. Для получения оценок экспертов требуется разработка анкеты, процедуры оценивания, затем предполагается математическая обработка этих оценок и расчет показателей корреляции экспертных оценок с показателями шкал МОИПП.

Таким образом, проведенный анализ отечественных и зарубежных источников позволил сформировать модель инновационного потенциала профессионала, учитывающий различные аспекты инновационной деятельности, и создать на ее основе многофакторный опросник инновационного потенциала профессионала.

Литература

1. Батурина, Н.А. Многоуровневая модель инновационного потенциала профессионала и подходы к ее операционализации / Н.А. Бату-

рин, А.С. Науменко, Т.Д. Ким // Вестник ЮУрГУ. Серия «Психология». – 2010. – Вып. 8. – № 4 (180). – С. 48–58.

2. Власенко Ю.А. Психологический анализ инновационного потенциала личности: дис. ... канд. психол. наук / Ю.С. Власенко. – Таврический национальный ун-т им. В.И. Вернадского. – Симферополь, 2003.

3. Морозов, Ю.П. Инновационный менеджмент / Ю. П. Морозов. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2003. – 471 с.

4. Рейтер, В. Инновации и наука – обновление науки / В. Рейтер // Инновации. – 1999. – № 9–10.

5. Санто, Б. Сила инновационного саморазвития / Б. Санто // Инновации. – 2004. – № 2.

6. Amabile, T.M. Creativity in context / T.M. Amabile. – Boulder, CO: Westview, 1996. – 149 p.

7. Basadur, M.S. Identifying individual differences in creative problem solving style / M.S. Basadur, G.B. Graen, M. Wakabayash // Journal of Creative Behavior. – 1990. – Vol. 24, No. 2. – P. 111–131.

8. Costa, P.T. Revised NEO Personality Inventory (NEO PI-R) and NEO Five Factor Inven-

tory. Professional Manual / P.T. Costa, R.R. McCrae. – Odessa, Fl.: Psychological Assessment Resources, 1992. – 254 p.

9. De Jong, J.P.J. Individual innovation: The connection between leadership and employees' innovative work behaviour, Phd Thesis. / J.P.J. De Jong. – Zoetermeer: EIM, 2007. – 224 p.

10. Hagen, E.E. On the theory of social change / E.E. Hagen. – Homewood, Illinois: Dorsey Press, 1962. – 445 p.

11. Kirton, M.J. Adaptors and innovators: A description and measure. / M.J. Kirton // Journal of Applied Psychology. – 1976. – № 61. – P. 622–629.

12. Majaro, S. Managing Ideas for Profit: The Creative Gap / S. Majaro. – McGraw-Hill, 1992. – 320 p.

13. Mumford, M.D. Creativity syndrome: Integration, application, and innovation / M.D. Mumford, S.B. Gustafson // Psychological Bulletin. – 1988. – № 10. – P. 27–43.

14. West, M.A. Innovation at work // M.A. West, J.L. Farr. Innovation and creativity at work: Psychological and Organizational Strategies, Chichester: John Wiley, 1990. – P. 3–13.

Поступила в редакцию 23 октября 2010 г.

Ким Татьяна Дмитриевна. Аспирант кафедры «Психологическая диагностика и консультирование», Южно-Уральский государственный университет, г. Челябинск: tanainakim@gmail.com.

Tatiana D. Kim. Postgraduate student of the department «Psychological testing and counseling», South Ural State University: tanainakim@gmail.com.

Первухина Елена Сергеевна. Заведующая Лабораторией психодиагностики, Южно-Уральский государственный университет, г. Челябинск: Elena_pervuchina@mail.ru.

Elena S. Pervuchina. The head of the laboratory of Psychological testing, South Ural State University: Elena_pervuchina@mail.ru.

НАДЕЖНОСТЬ ДЕЙСТВИЙ СПАСАТЕЛЯ В ЧРЕЗВЫЧАЙНЫХ СИТУАЦИЯХ: РЕГУЛЯТОРНЫЕ И ЛИЧНОСТНЫЕ ПРЕДПОСЫЛКИ*

Н.Г. Кондратюк, В.И. Моросанова

Представлены результаты исследования надежности действий специалиста МЧС с позиции дифференциального подхода к проблеме осознанной саморегуляции произвольной активности человека. Рассматривается понятие «надежность» как субъектное (регуляторно-личностное) свойство человека. Анализируется вклад личностных и регуляторных ресурсов профессионала в обеспечение надежности их действий в различных по степени напряженности ситуациях.

Ключевые слова: надежность деятельности, надежность действий, личностные диспозиции, осознанная саморегуляция, надежность саморегуляции, чрезвычайные ситуации.

Проблема надежности и компетентности профессиональных действий спасателя актуальна сегодня как для самих специалистов МЧС с точки зрения профессионального отбора, профессиональной подготовки и профессионального мастерства, так и для граждан, для которых спасатели зачастую являются единственной надеждой на спасение их жизни, здоровья, имущества.

Безусловно, что, говоря об изучении надежности действий профессионала, в первую очередь подразумевается обращение к современному пониманию теории надежности деятельности, разработанной в отечественных психологических исследованиях.

Несмотря на то, что приоритет разработки теории надежности принадлежит техническим наукам, уже к 60 годам XX столетия надежность деятельности становится предметом изучения инженерной психологии. В настоящее время проблема надежности деятельности человека изучается в различных областях психологии и смежных дисциплинах. Как правило, акцент в этих исследованиях делается на оценке влияния технических, профессиональных, физиологических и психологических факторов. Сложившееся традиционное понимание надежности деятельности (как ее безошибочности) и психологической надежности (как устойчивости психической активности под воздействием экстремальных факторов) особенно актуально при изучении различных форм деятельности человека в ситуа-

циях успешности его адаптации к сложным условиям среды.

В наших исследованиях развивается регуляторный подход к исследованию проблемы надежности. Следует отметить, что, несмотря на большой интерес исследователей к этой проблеме, регуляторные основы надежности деятельности остаются наименее изученными, что лишний раз подчеркивает необходимость и актуальность их дальнейшего исследования. Впервые проблема устойчивости саморегуляции как основы психической надежности была поставлена в контексте исследования надежности спортивной деятельности [2, 3]. В практике подготовки и отбора спортсменов в сборные команды большое значение имеет оценка индивидуальной психической надежности, т.е. способности спортсмена к сохранению (или улучшению) эффективной психической деятельности в экстремальных соревновательных условиях. Уже в восьмидесятые годы прошлого века удалось доказать, что основой психической надежности является устойчивость психической регуляции, которая определяется как способность к сохранению качеств регуляции деятельности в напряженных, психологически трудных условиях соревновательной борьбы. Важно не только то, какое состояние развивается у спортсмена в предстартовый период, но и то, способен ли он регулировать свою деятельность с учетом развивающихся состояний. Тем более, что развитие стресса на одном из

* Работа выполнена при поддержке РФФИ, грант № 08-06-00175а.

функциональных уровней организма не всегда влияет на результативность деятельности, поскольку может быть скомпенсировано или даже быть необходимым для успешной ее регуляции [2].

Для исследования устойчивости осознанного саморегулирования спортсмена-стрелка при разной степени его психической напряженности были разработаны методики диагностики индивидуальной надежности саморегуляции деятельности [3, 6]. В течение восьми лет эти методики успешно применялись для отбора в сборные команды по пулевой стрельбе.

Проведенные исследования позволяли предполагать, что в индивидуальном разнообразии способов самоорганизации активности в конкретных ситуациях можно выделить общие стилевые особенности, связанные с индивидуальным своеобразием целостной системы саморегуляции конкретной личности и характеризующие индивидуальный стиль саморегуляции произвольной активности человека.

Надежность как стилевое регуляторно-личностное свойство изучалась первоначально применительно к проблеме устойчивости осознанного саморегулирования в учебной деятельности студентов. В результате были разработаны представления о надежном стиле саморегуляции учебной деятельности, который характеризуется высоким развитием качества надежности и специфичными профилями индивидуальных особенностей саморегуляции [5].

В настоящее время надежность рассматривается нами как субъектное (регуляторно-личностное) свойство человека, характеризующее его способность сохранять качество и эффективность индивидуальной саморегуляции в психологически напряженных условиях жизни. Она является психологическим ресурсом формирования профессиональной надежности и проявляется при усложнении условий жизнедеятельности в устойчивости системы регуляторных процессов, в число которых входит: планирование целей, моделирование значимых условий их достижения, программирование, оценивание и корректирование действий и их результатов.

Проблема личностных особенностей как предпосылок продуктивных аспектов деятельности человека изучается нами в контексте исследования индивидуальных стилей саморегуляции в учебной и профессиональной

деятельности. Показано, что выраженность экстраверсии и нейротизма прямо не определяет эффективность учебной и профессиональной деятельности [2, 4, 10]. Влияние основных личностных измерений по Г. Айзенку на продуктивные аспекты деятельности опосредуется развитием саморегуляции, которая компенсирует типичные индивидуальные особенности, характерные для этих измерений и препятствующие достижению поставленных целей. Возникает вопрос: распространяется ли эта закономерность на проявления надежности действий в профессиональных ситуациях с различным уровнем напряженности?

Актуальность исследования проблемы надежности действий человека в профессиональных ситуациях связана в первую очередь с экстремальными профессиями (пилоты, сотрудники МВД, пожарные, спасатели и т.д.). За последние 10 лет резко возросло количество работ, посвященных разностороннему изучению психологических детерминант деятельности спасателей. Востребованность исследований в этой области определяется ролью спасателей в социальной жизни нашего общества, для которого природные, техногенные, политические, экономические катастрофы стали реальностью.

Современное общество достаточно остро обозначило актуальность проблемы надежности в плане психологического обеспечения безошибочности деятельности, как ее традиционно трактуют в психологии труда и инженерной психологии. Но не менее остро стоит вопрос и об исследовании надежности как регуляторно-личностной (субъектной) характеристики человека, обеспечивающей устойчивость осознанной саморегуляции жизнедеятельности и психического здоровья человека в психологически нестабильных напряженных условиях нашего времени.

В исследованиях, проведенных совместно с А.Б. Леоновой и А.А. Качиной [7], изучены регуляторные предпосылки высокой надежности профессиональной деятельности спасателей в ситуации развития острого и хронического стресса. Проведены эмпирические исследования, в ходе которых выявлено системообразующее влияние темпераментально-характерологических и регуляторных особенностей субъекта труда на выраженность различных стрессовых проявлений [8]. Акцент в этих исследованиях сделан на анализ психологических ресурсов профессионала, обеспечивающих как устойчивость человека к стрес-

су, так и сохранность его психической активности в условиях развития неблагоприятных функциональных состояний.

Целью настоящей публикации является представление результатов исследования регуляторных и личностных особенностей спасателей как предпосылок обеспечения надежности их профессиональной деятельности (с точки зрения безошибочности и эффективности выполняемых действий).

Нами выдвинуто предположение о том, что существуют стилевые регуляторные особенности, как психический ресурс надежности действий спасателя в штатных и нештатных ситуациях. Влияние личностных особенностей опосредуются развитием осознанной саморегуляции в целом, и в частности, теми ее индивидуальными особенностями, которые являются профессионально важными для данного вида деятельности.

Организация и методы исследования

Проведено эмпирическое исследование, в котором приняли участие 76 спасателей из г. Москвы и г. Архангельска в возрасте от 25 до 50 лет, в том числе 15 женщин, 61 мужчина. Стаж работы в должности спасателя составлял от 1 года до 11 лет (в среднем – 4 года 10 месяцев).

Одной из главных методических трудностей в исследовании была проблема подбора метода оценки надежности и успешности профессиональных действий каждого испытуемого. Установлено, что класс спасательной квалификации (квалификационная категория) не является показателем надежности деятельности специалиста, свидетельством чего является выявленное в нашем исследовании отсутствие значимых связей между профессиональной категорией и набором исследованных индивидуальных характеристик (например, стаж работы, возраст, пол, личностные качества, характеристики стресса в профессиональной и личностной сфере и т. д. – всего около 150 показателей).

Поэтому нами была разработана анкета для оценки степени надежности профессиональных действий спасателей (с точки зрения безошибочности и эффективности выполняемой ими работы). Анкета позволяет получить оценки работы спасателей отдельно в штатной

и нештатной ситуации. Нештатная ситуация понимается как «чрезвычайная», предполагающая наличие опасности, жертв, представляющая угрозу здоровью и жизни человека. Штатной ситуацией для спасателей является их деятельность в отряде и деятельность, не относящаяся к категории «чрезвычайной». Оценки работы спасателей отдельно в штатной и нештатной ситуации выносились по четырем критериям¹: безошибочность действий; устойчивость навыков работы с техникой и оборудованием; взаимодействия в работе микроколлектива (в составе одной смены спасателей); дисциплинированность². На основании оценок по этим критериям высчитываются два интегративных показателя: надежность действий спасателя в штатной и в нештатной ситуации.

При сборе экспертных оценок использовался подход, при котором испытуемые должны были оценить по заданным критериям всех членов группы, за исключением себя. Исследование проводилось внутри рабочих коллективов, численностью в среднем по 25 человек, оценки выносились по пятибалльной шкале. Сбор данных проводился при работе отдельно с каждым спасателем. Каждому испытуемому предлагалось оценить безошибочность и эффективность действий коллег по предложенным критериям, не принимая во внимание их личностные особенности.

При обследовании спасателей использовались методики, предназначенные для диагностики:

– регуляторных особенностей субъекта (авторская модифицированная версия опросника Моросановой «Стиль саморегуляции поведения (ССПМ)» с новой шкалой «надежность саморегуляции»);

– базовых характеристик личности: экстраверсии, нейротизма, психотизма (опросник «Личностный профиль по Айзенку», в адаптации «Когито-центр», 1998) [1].

Статистическая обработка данных включала расчет показателей описательной статистики по всему массиву данных, проведение процедуры корреляционного анализа по R-Спирмену с дальнейшим построением корреляционных плеяд, сравнение средних по критерию U-Манна-Уитни для двух независимых выборок, множественный регрессионный анализ.

¹ Критерии были выделены на основе профессиографического анализа деятельности спасателей.

² В оригинальной версии экспертной анкеты формулировки критериев даны в понятной для спасателей форме соответствующей их профессиональной лексике.

Результаты исследования

Темпераментально-характерологические особенности личности и специфика регуляторного профиля у спасателей

С помощью «Личностного модифицированного профиля по Айзенку» выполнено дифференцирование испытуемых по уровню развитости экстраверсии, нейротизма, психотизма. Уровень выраженности этих свойств рассчитывался на основании данных по стандартизированной российской выборке: среднее ± 1 стандартное отклонение (табл. 1) [1].

Установлено, что у 83 % спасателей наблюдается высокий и средний уровень экстраверсии и лишь у 17 % – низкий. Особенностью группы испытуемых является низкая и умеренная выраженность нейротизма и психотизма.

Результаты анализа показателей уровня развития и индивидуальных профилей осознанной саморегуляции у спасателей представлены в табл. 2.

Анализ данных, представленных в таблице, наглядно показывает, что общий уровень саморегуляции развит в обследованной группе на среднем и высоком уровне у 96 % и только у 4 % спасателей – на низком уровне. Эти данные свидетельствуют о высоком регуляторном ресурсе исследованной группы спасателей по отношению к поведению в профессиональных ситуациях.

При этом наиболее развитым регуляторным процессом оказалось «моделирование

значимых условий» (98 % испытуемых). Модель значимых условий в психической регуляции деятельности содержит информацию о комплексе условий, необходимых и значимых для оперативного определения и построения адекватных программ деятельности, для достижения целей деятельности. Высокое развитие моделирования как стилевой особенности, является типичным именно для экстравертов по сравнению с интровертами, а также для стабильных по сравнению с нейротиками [4].

Несмотря на малочисленность групп, проводилось сравнение выраженности показателя «моделирование» у спасателей с низким развитием экстраверсии (интровертированных – 17 %) и отдельно у спасателей с высоким нейротизмом (4 %). В проведенных ранее исследованиях [4] доказано, что экстраверсия и нейротизм оказывают независимое воздействие на значения испытуемых по показателям «моделирование» и «планирование». Одна из переменных может доминировать при формировании регуляторного профиля. Полученные в исследовании данные показывают, что у большинства спасателей с низким уровнем развития экстраверсии преобладает высокий уровень развития моделирования.

В группе спасателей, отличающихся высоким уровнем нейротизма, в равной степени наблюдается как высокое развитие показателя моделирования, так и низкое. Полученные результаты позволяют предположить, что развитие моделирования выступает компенса-

Таблица 1
Уровень развитости экстраверсии, нейротизма, психотизма у спасателей

Показатели	Процент испытуемых		
	низкий уровень	средний уровень	высокий уровень
Экстраверсия (E)	17	75	8
Нейротизм (N)	29	67	4
Психотизм (P)	22	70	8

Таблица 2
Уровень развитости процессов саморегуляции и регуляторно-личностных свойств у спасателей

Шкалы	Процент испытуемых		
	низкий уровень	средний уровень	высокий уровень
Планирование (Пл)	23	31	46
Программирование (Пр)	7	47	46
Моделирование (М)	2	33	65
Оценка результатов (ОР)	8	46	46
Самостоятельность (С)	43	42	15
Гибкость (Г)	4	41	55
Надежность (Н)	2	42	56
Общий уровень (ОУ)	4	44	52

торным механизмом для спасателей с высоким развитием интроверсии и нейротизма, позволяющим им справляться с профессиональными обязанностями, и является для спасателя важной предпосылкой к эффективной деятельности в неизвестной, напряженной, быстро меняющейся обстановке в чрезвычайных ситуациях.

Показатель «планирование целей» слабо выражен у представителей исследуемой выборки спасателей. Объяснение этой достаточно отчетливой проявляющейся тенденции [7] заложено в особенностях деятельности спасателя, исключая отсроченное планирование профессиональных задач как в силу быстро меняющихся обстоятельств в чрезвычайных ситуациях, так и «военизированного» характера их службы, регламентированного инструкциями и начальством. Следует также обратить внимание на тот факт, что только 4 % спасателей имеют высокий показатель нейротизма. Типичной стилевой особенностью для людей с низкими показателями по нейротизму является относительно низкое развитие показателя «планирование целей», который и в наименьшей степени поддается коррекции, даже при высокой степени развития индивидуальной саморегуляции [4].

Безусловно, данные об особенностях регуляторного профиля у спасателей с разной выраженностью личностных диспозиций являются предварительными и требуют дальнейшего и более глубокого анализа.

Показатели регуляторной гибкости и регуляторной надежности развиты преимущественно на высоком и среднем уровне. В контексте исследования наибольший интерес представляет показатель регуляторной надежности, который выражает индивидуальную устойчивость в напряженных условиях процессов выдвижения и постановки целей, функционирования алгоритмов действий, процессов учета значимых условий деятельности, критериев оценивания и коррекции результатов деятельности. Испытуемые с высокими показателями по шкале «надежность» сохраняют способность к регуляции собственной деятельности и поведения в психологически сложных условиях также хорошо, как и в условиях, не предъявляющих повышенных требований к регуляции и мобилизации внутренних психологических ресурсов.

Была выдвинута гипотеза о достоверности различий в показателях надежности спасателей и испытуемых контрольной группы, в

которую вошли 112 представителей массовых профессий. В контрольной группе 36 % испытуемых обладают низким уровнем регуляторной надежности, 45 % – средней и только 19 % респондентов – высокой. Полученные данные о более высокой регуляторной надежности спасателей дают основания выдвинуть предположение, что регуляторная надежность для спасателя – профессионально важное качество.

«Самостоятельность» является наименее развитым регуляторным свойством: высокий уровень отмечается только у 15 % испытуемых. Во многом это объясняется тем, что деятельность спасателей жестко регламентирована и выполняется в большинстве случаев согласно приказам и инструкциям. Важно отметить, что высокий уровень развития самостоятельности говорит о высокой автономности, ориентации на себя и развитие собственных способностей, тогда как одним из критериев эффективности и надежности деятельности спасателя является преобладание командной работы.

На основании полученных данных можно выделить ряд показателей, наиболее развитых у спасателей: экстраверсия, стабильность, моделирование значимых условий, регуляторная гибкость и надежность. В качестве предварительного заключения можно предположить, что развитие данных регуляторных и личностных особенностей будет определять надежность профессиональной деятельности спасателей.

Взаимосвязь регуляторных и личностных особенностей спасателей с надежностью профессиональных действий

Для решения эмпирических задач в исследовании использовался метод экспертной анкеты, применявшейся в анализе надежности действий спасателей. Экспертные оценки надежности действий спасателя в штатных и нештатных ситуациях были выражены в количественном виде. На основании экспертных оценок испытуемых объединяли в группы по признаку надежности действий в штатной и нештатной ситуации, используя иерархический кластерный анализ методом связи между группами (Between Groups Linkage, [9]). Анализ по каждому признаку проводился отдельно. По признаку «надежность действий в нештатных ситуациях» было выделено три кластера (рис. 1). По признаку «надежность действий в штатных ситуациях» было выделено четыре кластера, соответствующих четырем

уровням экспертной оценки деятельности спасателя (рис. 2).

На диаграммах представлены данные о том, что большинство спасателей получили высокую оценку надежности действий в нештатных ситуациях в отличие от оценки надежности действий респондентов в штатных ситуациях. В нештатных ситуациях незначительная доля выборки спасателей (3 %) имеет очень низкий балл. Оценки надежности действий спасателей в штатных ситуациях приближены к нормальному распределению данных, в то время как кривая оценок в нештатных ситуациях достаточно очевидно сдвинута вправо.

Характеристика экспериментальной выборки свидетельствует о том, что спасатели демонстрируют высокую надежность действий в нештатных ситуациях.

Корреляционный анализ (по R-Спирмену) позволил выявить и описать значимые взаимосвязи между стилевыми особенностями саморегуляции (по шкалам ССПМ, в том числе новой шкалой «надежность саморегуляции»), личностными особенностями и экспертными оценками профессиональной надежности действий спасателя (табл. 3).

Общий уровень саморегуляции оказался положительно связан с показателями, в той или иной степени характеризующими про-

фессиональную деятельность спасателя: дисциплинированность, надежность взаимодействия. Полученные данные свидетельствуют, что высокая степень развития способности к управлению собственной активностью обеспечивает эффективность поведения и деятельности профессионала в ситуациях с высокой степенью психической напряженности, т. е. предъявляющей особые требования к регуляции, развитию у профессионала регуляторных навыков. Вполне закономерным оказалось отсутствие значимых взаимосвязей с показателями «устойчивость навыков работы с техникой и оборудованием в штатных и нештатных ситуациях», которые могут интерпретироваться как профессиональное мастерство или компетентность. Высокий уровень саморегуляции сам по себе не может гарантировать профессиональную компетентность специалиста.

Корреляционный анализ позволил установить наличие значимых положительных связей между показателями «моделирование значимых условий», «программирование действий» и «оценивание результатов» с оценками профессиональной надежности действий спасателей. Ранее нами были получены и описаны результаты, показавшие, что развитие этих регуляторных процессов является для спасателей важной составляющей психологи-

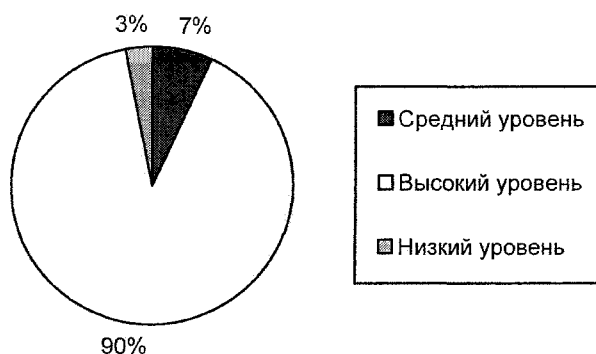

Рис. 1. Экспертная оценка надежности действий спасателя в нештатных ситуациях

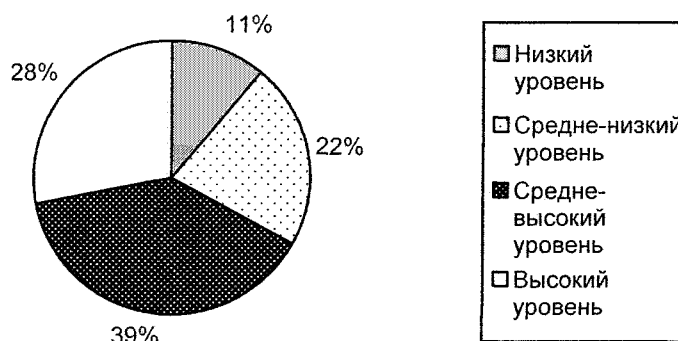

Рис. 2. Экспертная оценка надежности действий спасателя в штатных ситуациях

Таблица 3

Коэффициенты ранговой корреляции (R-Spearman) между показателями саморегуляции, личностными особенностями и экспертными оценками надежности действий спасателей

Показатели	Пр	М	Ор	С	Н	ОУ	Е	Н	Р
Безошибочность действий в штатной ситуации			0,249*						
Безошибочность действий в нештатной ситуации		0,251*						-0,231*	-0,233*
Устойчивость навыков работы с техникой и оборудованием в штс				-0,284*					
Устойчивость навыков работы с техникой и оборудованием в штс				-0,257*					
Дисциплинированность в штс									
Дисциплинированность в штс	0,365**	0,360**			0,311**	0,306**	0,244*	-0,233*	
Надежность взаимодействия в работе микроколлектива в штс									
Надежность взаимодействия в работе микроколлектива в штс	0,347**	0,327**			0,312**	0,254*		-0,281*	

Примечание. Уровень значимости коэффициентов корреляции: * $p \leq 0,05$; ** $p \leq 0,01$.

ческого ресурса, благодаря которому даже при развитии стресса не происходит разрушения деятельности [7].

Показатель «планирование целей» не обнаружил значимых взаимосвязей ни с одним из показателей экспертной анкеты. Эти результаты сопоставимы с данными, полученными при изучении взаимосвязи индивидуальных особенностей саморегуляции с проявлениями стресса [7], в которых показатель «планирование целей» не имеет значимых корреляций ни с одним из симптомов стрессовой этиологии.

Показатель «надежность саморегуляции» положительно связан с показателем «дисциплинированность в нештатных ситуациях» и показателем «надежность взаимодействия в работе микроколлектива в нештатных ситуациях». Интерпретируя полученный результат, следует обратиться к самому определению надежности системы осознанной саморегуляции, которая выступает как способность субъекта к сохранению качеств саморегуляции психической активности и практической деятельности в напряженных, психологически трудных условиях [2]. У спасателей с низкой надежностью саморегуляции может наблюдаться распад деятельности (когнитивной,

поведенческой), который трактуется как не дисциплинированность и невыполнение своих должностных обязанностей.

Показатель «гибкость» не имеет значимых взаимосвязей с показателями оценки надежности профессиональных действий. Объяснение данного факта, возможно, заключается в том, что спасатели, получившие как высокие, так и низкие оценки по показателям надежности действий в штатных и нештатных ситуациях, обладают одинаково высоким уровнем гибкости.

Показатель «самостоятельность» отрицательно связан с показателями «устойчивость навыков работы с техникой и оборудованием в штатной и нештатной ситуации». Работа спасателя с техникой и оборудованием, как правило, требует командной слаженности и не может быть реализована усилиями одного человека. Вполне вероятно, что высокая самостоятельность, превращающаяся в автономность, может препятствовать выполнению этого вида деятельности.

Все три параметра, относящиеся к личностными особенностями спасателей – экстраверсия, нейротизм и психотизм – связаны с показателями, характеризующими действия спасателя в нештатных ситуациях.

Таким образом, полученные данные свидетельствуют, что как личностные, так и регуляторные особенности имеют значимые взаимосвязи с показателями оценок действий спасателей в нештатных и штатных ситуациях. Обращает на себя внимание тот факт, что основные установленные взаимосвязи касаются деятельности спасателя именно в нештатных ситуациях.

Вполне закономерно представляется не-

обходимость изучения структуры взаимосвязей регуляторных и личностных особенностей с интегрированными показателями надежности действий спасателя в штатных и нештатных ситуациях. Результаты корреляционного анализа представлены в виде следующих корреляционных плеяд (рис. 3, 4).

Представленные схемы наглядно демонстрируют различия в структуре взаимосвязей между показателями регуляции и личностны-

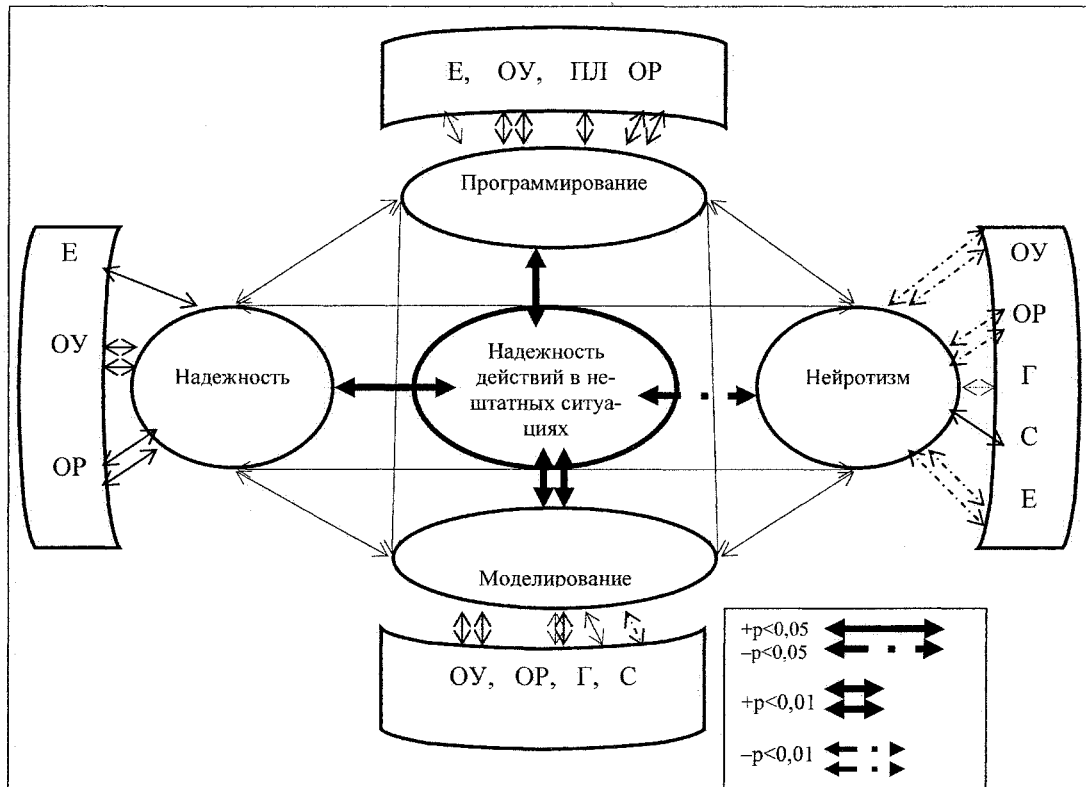

Рис. 3. Схема корреляционных взаимосвязей регуляторных и личностных особенностей с оценкой надежности действий спасателя в нештатных ситуациях

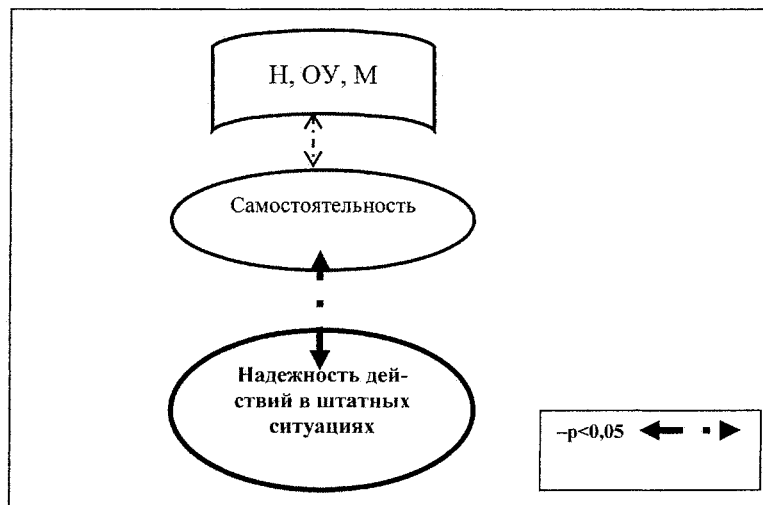

Рис. 4. Схема корреляционных взаимосвязей регуляторных и личностных особенностей с оценкой надежности действий спасателя в штатных ситуациях

ми особенностями в различных по степени напряженности ситуациях.

Так, оценка надежности действий спасателей в нештатных ситуациях обусловлена взаимодействием четырех показателей: программирование действий, моделирование значимых условий, надежность, нейротизм.

Анализ корреляционных плеяд показал, что прямо или косвенно все регуляторные процессы и регуляторно-личностные свойства, включая общий уровень саморегуляции, обеспечивают надежность профессиональных действий спасателя в нештатной ситуации. То же самое можно говорить об экстраверсии и нейротизме, которые, безусловно, будут влиять на надежность действий в ситуациях, требующих повышенной мобилизации психологических ресурсов профессионала.

Надежность действий спасателей в штатных ситуациях обусловлена показателем «самостоятельность» с обратным знаком. Мы уже отмечали, что возможное объяснение этого факта связано с автономностью и ориентацией на себя.

По результатам анализа были выделены группы с высокой и низкой надежностью действий в штатной и нештатной ситуациях. Сопоставление выделенных групп проводилось при помощи U-теста по методу Манна и Уитни для двух независимых выборок (табл. 4).

В группах спасателей с высокой и низкой надежностью действий в нештатных ситуациях были обнаружены значимые различия по показателям: «моделирование значимых условий», «программирование действий», «ре-

гуляторная надежность», «нейротизм», «самостоятельность», «общий уровень саморегуляции».

В группах спасателей с высокой и низкой надежностью действий в штатных ситуациях различия были выделены только по показателю «самостоятельность» (Z-критерий Манна-Уитни $-2,06$, при $p=0,39$). Спасателям с высокой надежностью действий в штатной ситуации (среднее по группе $-3,85$) свойственно более низкое развитие регуляторной самостоятельности, в то время как спасателям, получившим низкие экспертные оценки надежности действий в штатных ситуациях (среднее по группе $-5,04$), свойственен более высокий уровень развития самостоятельности. Вероятно, спасатели с низкой надежностью действий в штатных ситуациях проявляют большую автономность в организации своей деятельности, в овладении необходимыми навыками, умениями, повышении своей физической подготовки. С этой точки зрения они также больше ориентированы на себя и реализацию собственных способностей.

Качественный анализ деятельности спасателей и описанные выше результаты исследования достаточно ярко демонстрируют, что наибольшее значение для спасателя как профессионала имеет высокая надежность его действий в нештатных ситуациях. На последнем этапе с помощью множественного регрессионного анализа были определены свойства, оказывающие влияние на надежность действий спасателя в нештатных ситуациях.

В результирующей модели для предска-

Таблица 4
Характеристика регуляторных и личностных особенностей спасателей с высокой и низкой надежностью их профессиональных действий в нештатных ситуациях

Показатели	Группа с высокой надежностью (27 человек) (среднее)	Группа с низкой надежностью (21 человек) (среднее)	Z-критерий Манна-Уитни
Планирование	6,59	5,71	-1,14
Моделирование	7,62	6,42	-2,89**
Программирование	7,66	6,57	-2,72**
Оценивание результатов	5,76	6,25	-0,89
Гибкость	7,66	7,28	-0,93
Самостоятельность	3,62	4,66	-1,97*
Надежность	7,22	6,42	-1,91*
Общий уровень	38,03	35,33	-2,21*
Экстраверсия	24,75	23,66	-0,65
Нейротизм	5,23	9,76	-2,49**
Психотизм	15,71	17,79	-1,17

Примечание. Уровень значимости критерия сравнения U: * $p \leq 0,05$; ** $p \leq 0,01$.

зания надежности действий спасателя в нештатных ситуациях была выделена одна переменная «моделирование значимых условий» (β -коэффициент равен 0,498; ст. ошибка равна 0,182; $p=0,008$). Наличие этого предиктора подтверждается описанными выше результатами. Во-первых, моделирование значимых условий для достижения цели оказалось наиболее развитым регуляторным процессом. Во-вторых, показатель «моделирование» значимо связан с оценкой надежности действий спасателя в штатных и нештатных ситуациях по наибольшему числу критериев. В-третьих, по этому показателю выявлены наибольшие значимые различия в крайних группах по уровню надежности действий спасателей в нештатных ситуациях. И, в-четвертых, высокий уровень развития моделирования значимых условий свойственен спасателям с разным уровнем развития экстраверсии и нейротизма.

Заключение

Интерпретация полученных результатов дает основания утверждать, что спасателей как профессиональную группу отличает высокая надежность действий в психологически сложных условиях. Для них характерен высокий уровень регуляторной надежности, которая определяется как способность субъекта к сохранению качеств осознанной саморегуляции достижения цели в различных по напряженности ситуациях.

Стилевые особенности саморегуляции спасателей с высоким уровнем надежности поведения в нештатных ситуациях состоят в высоком развитии процессов моделирования значимых условий достижения целей и программирования действий, что можно рассматривать как регуляторные предпосылки их психической надежности. В то же время наибольший вклад в обеспечение надежности действий в напряженных ситуациях вносит высокое развитие моделирования значимых условий, что подтверждается результатами регрессионного анализа.

К регуляторным предпосылкам надежности действий спасателей относится и субъектное свойство «надежность», что во многом обеспечивается высокой степенью осознанной саморегуляции. Регуляторная самостоятельность при высокой степени развития может оказывать обратное воздействие на надежность действий в нештатных ситуациях, пре-

вращаясь в автономность, что препятствует эффективному моделированию значимых условий.

Надежность действий непосредственно не связана с развитостью экстраверсии-интроверсии. Можно утверждать, что высокой надежностью действий могут обладать как экстраверты, так и интроверты при условии развития профессионально важных стилевых предпосылок: способности к моделированию значимых условий, регуляторной надежности и общего уровня саморегуляции.

В отличие от экстраверсии нейротизм непосредственно связан с надежностью действий, причем высокий уровень нейротизма отрицательно влияет в первую очередь на надежность действий в нештатных ситуациях. По-видимому, в ситуациях повышенной напряженности средствами осознанной саморегуляции можно компенсировать слабые стороны интроверсии путем развития способности к моделированию значимых условий. Но даже высокий уровень развития саморегуляции не всегда компенсирует типичное для нейротиков недостаточное развитие моделирования как стилевой характеристики субъекта.

Таким образом, развитие осознанной саморегуляции произвольной активности выступает значимым ресурсом надежности действий профессионала в чрезвычайных ситуациях. Влияние личностных диспозиций на надежность действий спасателя опосредуется развитием саморегуляции в целом, и, в частности, развитием процесса моделирования значимых условий. Это и позволяет компенсировать те темпераментально-характерологические особенности профессионалов, которые могут снижать надежность их действий.

Исследование показало, что экстремальные ситуации провоцируют проявление темпераментальных диспозиций в большей степени, чем ситуации, не отличающиеся повышенной напряженностью. И если слабые стороны интроверсии могут быть скомпенсированы средствами осознанной саморегуляции, то возможность компенсации высокого нейротизма неоднозначна, что может приводить к снижению надежности действий спасателя в напряженных условиях деятельности.

Литература

1. Айзенк, Г. *Личностный профиль по Айзенку. Руководство к сокращенному варианту* / Г. Айзенк, Г. Вильсон, К.Джесксон. – М.: Изд. «Когито-центр», 1999. – 50 с.

2. Моросанова, В.И. Индивидуальный стиль саморегуляции: феномен, структура и функции индивидуальных стилей саморегуляции человека / В.И. Моросанова. – М.: Наука, 2001. – 192 с.

3. Моросанова, В.И. О методах диагностики надежности психического саморегулирования деятельности / В.И. Моросанова // Психический контроль в системе подготовки спортсменов высокой квалификации. – М., 1984.

4. Моросанова, В.И. Регуляторные аспекты экстраверсии и нейротизма: новый взгляд / В.И. Моросанова., Е.М. Коноз // Вопросы психология. – 2001. – № 2. – С. 59-73.

5. Моросанова, В.И. Диагностика индивидуально-стилевых особенностей саморегуляции в учебной деятельности студентов / В.И. Моросанова, Р.Р. Сагиев // Вопросы психологии. – 1994. – № 5. – С. 134-140.

6. Моросанова, В.И. Метод выявления субъективного критерия успешности действий / В.И. Моросанова, В.И. Степанский // Вопросы психологии. – 1982. – № 3. – С. 129-133.

7. Моросанова, В.И. Особенности осознанного саморегулирования при развитии острого и хронического стресса у спасателей /

В.И. Моросанова, А.Б. Леонова, Н.Г. Кондратюк, А.А. Качина // Актуальные проблемы психологии труда, инженерной психологии и эргономики / под ред. В.А. Бодрова и А.Л. Журавлева. – М.: Изд. «Институт психологии РАН», 2009. – Вып. 1. – С. 279-297.

8. Моросанова, В.И. Роль личностных и регуляторных особенностей в ситуации развития стресса у педагогов / В.И. Моросанова, Н.Г. Кондратюк // Личностный ресурс субъекта труда в изменяющейся России: материалы II Международной научно-практической конференции (11-14 ноября 2009 г.). Ч. II: Симпозиум «Субъект и личность в психологии саморегуляции» / Северо-Кавказский гуманитарно-технический университет. – Кисловодск: Ставрополь: М., 2009. – С. 226-233.

9. Наследов, А.Д. Математические методы психологического исследования. Анализ и интерпретация данных: учебное пособие / А.Д. Наследов. – 3-е изд., стереотип. – СПб.: Речь, 2007. – 392 с.

10. Личностные и когнитивные аспекты саморегуляции деятельности человека / под ред. В.И. Моросановой. – М.: Психологический институт РАО, 2006. – 320 с. – (Фундаментальные исследования в психологии).

Поступила в редакцию 11 октября 2010 г.

Кондратюк Наиля Гумеровна. Научный сотрудник лаборатории саморегуляции, Российская академия образования «Психологический институт»: n.kondratyuk@gmail.com.

Nailya G. Kondratyuk. Research assistant of the Laboratory of Self-Regulation, Psychological institute of Russian academy of education: n.kondratyuk@gmail.com.

Моросанова Варвара Ильинична. Доктор психологических наук, профессор, заведующая лабораторией саморегуляции, Российская академия образования «Психологический институт»: morosanova@mail.ru.

Varvara I. Morosanova. Professor, head of the Laboratory of Self-Regulation, Psychological institute of Russian academy of education: morosanova@mail.ru.

ИСТОРИЯ ПСИХОДИАГНОСТИКИ В РОССИИ (1969–1991 гг.)*

А.В. Пичугова

На основе проведенного историографического анализа обоснована актуальность исследования истории психодиагностики в России периода 1969–1991 гг. Представлены результаты библиографического поиска работ по отечественной психодиагностике (1969–1991 гг.). На основе количественного и качественного библиографического тематического анализа выделены и описаны этапы развития психодиагностики за этот период, проведен анализ направлений развития психодиагностики внутри каждого этапа. Приводятся результаты поиска и анализа психодиагностических методик за период 1969–1991 гг.

Ключевые слова: историографический анализ, библиографический тематический анализ, история психодиагностики в России, психодиагностические методики.

Актуальность исследования. В современной психологии наблюдается актуализация внимания и интереса к истории психологии. Это подтверждается результатами наукометрического анализа развития российской психологии в 80–90-е годы XX в. [12]. Исследование книг по психологии, вышедших в данный период показывает, что история психологии по числу изданий относится к числу приоритетных, интенсивно развивающихся направлений психологии и занимает 5-е ранговое место. Особенно интенсивно разрабатываются проблемы научного наследия ученых и истории развития различных направлений психологии. По мнению В.А. Кольцовой, «столь высокое внимание к проблемам истории психологии, с одной стороны, является эффектом переломного момента в развитии психологии (а таким моментом с уверенностью можно назвать конец 1980 – начало 90-х годов), с другой – обусловлено стремлением заполнить «белый пятно» в психологической науке [12, с. 280].

Исследование истории психодиагностики является одним из самых малоизученных и проблемных областей, по сравнению с историческими исследованиями других направлений психологии. Прежде всего, это связано с тем, что политические события в России первой половины XX века оказали наибольшее влияние на психодиагностику и затормозили ее развитие (и, как следствие, развитие всей отечественной психологии) вплоть до 1970-х гг.

Предпосылками возникновения психодиагностики в России стало развитие экспери-

ментальной психологии в конце XIX века. Первые собственно психодиагностические работы появились в первое десятилетие XX века исходя из запросов практики и связаны с именами А.Н. Бернштейна, А.П. Нечаева, Г.И. Россолимо, Ф.Е. Рыбакова и др. В 20–30-е гг. XX века психодиагностика получила еще большее распространение в России. Этому способствовала буржуазно-демократическая революция в России 1917 г. и развитие психотехники в нашей стране. Однако несомолкающая на протяжении всех первых десятилетий критика метода тестов (по самым разным причинам) привела к Постановлению ЦК ВКП(б) «О педологических извращениях в системе Наркомпросов» (4 июля 1936 г.), которое фактически приостановило теоретические и практические разработки в области психодиагностики более чем на 30 лет. Необходимо отметить, что исследования в других областях психологии также осуществлялись без соответствующего инструментария и отличались, в силу сложившихся обстоятельств, описательным характером. Даже «оттепель» в военные 1941–1945 годы не способствовала улучшению ситуации, а идеологическая кампания И.В. Сталина по борьбе с космополитизмом, начавшаяся с 1947 г., еще больше усугубила ее. Так, решения, принятые на сессии АН СССР и АМН СССР, посвященной проблемам физиологического учения И.П. Павлова, привели к тому, что право на существование получила дифференциальная психофизиология, давшая начало психофи-

* Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ, грант 10-06-90720.

зиологическим исследованиям и разработке соответствующих методик экспериментального характера. Только после смерти И.В. Сталина отмечается интерес к тематике психодиагностических исследований, что было связано с общим идеологическим потеплением. Предпосылки для возрождения психодиагностики возникли в тех областях, в рамках которых психодиагностика активно развивалась до 1936 г. – педагогика и психология труда. Благодаря развитию нового направления – программированного обучения, начинают создаваться тесты достижений, осуществляются психодиагностические исследования по психологии труда. Однако официальное разрешение на тесты (и, следовательно, на развитие психодиагностики) было получено в 1969 г. В марте 1969 г. на Центральном совете Общества психологов СССР психодиагностика была признана одной из наименее развитых областей психологического знания, крайне нуждавшейся во внимании со стороны исследователей. Большинство психологов решение ЦС ОП СССР было воспринято как долгожданное официальное «разрешение на тесты» [4, с. 89–90].

Таким образом, выбор нижней границы исследуемого периода был обоснован решением Центрального совета Общества психологов СССР о фактически официальном разрешении развития психодиагностики. Верхняя граница (1991 г.) связана с датой распада СССР и изменившейся политической, социально-экономической ситуацией в России и новых государствах, сформировавшихся на постсоветском пространстве. После 1991 г. начинается новый этап в развитии психодиагностики, который является предметом отдельного исследования.

Актуальность исследования периода 1969–1991 гг. в истории психодиагностики России обосновывает выбор метода *историографического анализа*. В данном случае используется более узкое и специфическое понимание историографии как «истории изучения историко-психологического знания», которое «предполагает ограничение историографического исследования собственно историко-психологическими трудами» [12, с. 257]. Получение сведений о том, как в отечественной психологии представлена история психодиагностики в России, осуществлялось на основании поиска и анализа работ, прямо посвященных или косвенно затрагивающих данную тематику. Поиск осуществлялся по

изданиям в области истории психологии, психодиагностики (учебные пособия, учебники, монографии), а также в наиболее информативных (с точки зрения темы исследования) публикациях в периодических журналах: «Вопросы психологии» (1955–2009 гг.), «Психологический журнал» (1980–2009 гг.), «Вестник МГУ. Серия 14. Психология» (1977–2009 гг.), «Вестник СПбГУ. Серия 12. Психология, социология, педагогика» (1996–2009 гг.), «История и методология науки» (2006–2009 гг.), «Психологическая диагностика» (2003–2009 гг.). Далее представлены обобщающие сведения констатирующего характера.

Во-первых, в отечественной психологии отсутствуют работы, в которых история психодиагностики в России выступала бы в качестве самостоятельного предмета исследования. В некоторых работах [2, 4, 9, 10, 16, 17, 19–21 и др.] она излагается как часть всеобщей истории психодиагностики, вследствие чего ее описание носит слишком общий, обзорный характер. В других работах [3, 11, 13–15, 18, 22 и др.] изложение истории психодиагностики в России имеет ярко выраженный фрагментарный вид, определяемый целью основного исследования авторов.

Во-вторых, отечественная история психодиагностики изложена неравномерно: публикации по вопросам истории психодиагностики в России по-разному представлены в отечественной психологии, а в отечественной психологии по-разному представлены различные периоды истории психодиагностики в России. Были выделены данные, отражающие количество работ, в которых соответствующий период рассматривается (рис. 1), и общий объем информации по каждому из периодов (рис. 2).

Результаты проведенного анализа позволяют отметить несколько важных моментов.

1. В отечественной психологии представлены 4 периода истории психодиагностики в России: конец XIX в., 1910–1920 гг., 1920–1930 гг. и 1960–2000 гг.

2. Наибольшее внимание в описании истории психодиагностики уделяется периодам конца XIX в. и 1920–1930 гг. Эти периоды рассматриваются в большинстве изученных источников. Почти половина найденной информации (42 % публикаций) относится к периоду 1920–1930 гг. и 25 % – к периоду конца XIX в.

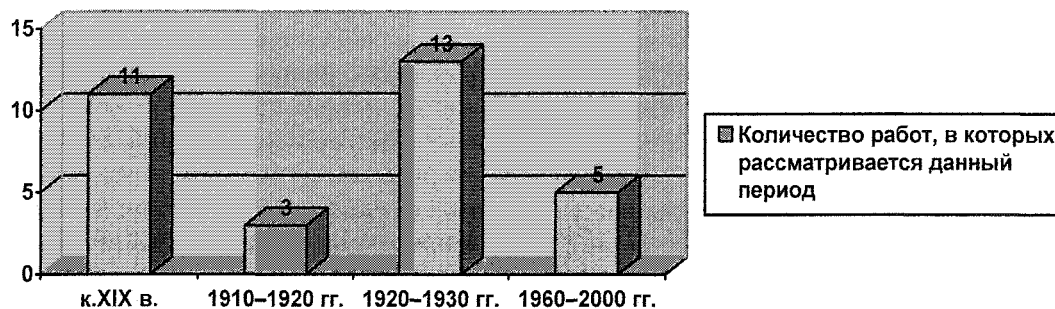

Рис. 1. Представленность разных периодов истории психодиагностики в отечественной психологии (по количеству работ)

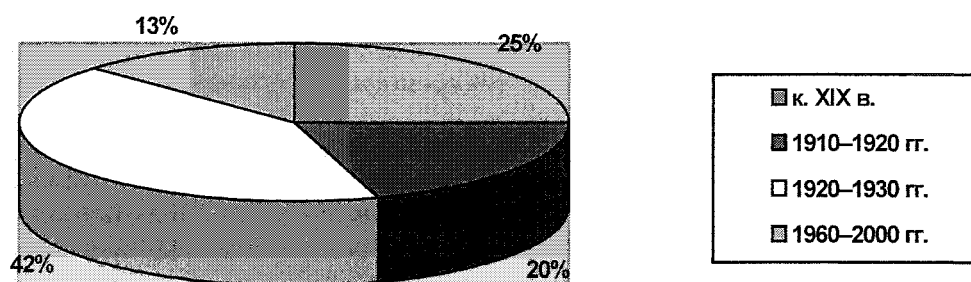

Рис. 2. Представленность разных периодов истории психодиагностики в отечественной психологии (по объему информации)

Истории развития психодиагностики в эти временные интервалы посвящены статьи в периодических изданиях и отдельные главы в монографиях. Необходимо отметить, что первый период (конец XIX в.) не является собственно историей психодиагностики, он относится к ее предыстории и представлен в основном в работах по отечественной истории психологии. Интерес ко второму периоду объясним в связи с многочисленными проблемами в разработке и применении тестов в рамках педологии и психотехники, сопровождающимися в эти годы критикой тестов, приведшей в итоге к выходу упомянутого выше Постановления ЦК ВКП(б) 1936 г. и полному запрету тестов. Этот период стал поворотным пунктом в истории всей российской психодиагностики (и, как следствие, психологии) и во многом определил ее судьбу на все последующие десятилетия.

3. Периоды 1910–1920 гг. и 1960–2000 гг. отечественной истории психодиагностики наименее представлены в психологической библиографии. Причем несмотря на то, что период 1910–1920 гг. рассматривается в значительно меньшем количестве работ, по объему информации он представлен более подробно, чем период 1960–2000 гг.

Период 1960–2000 гг. наименее представлен в отечественной психологии (13% от общего объема найденной информации) и описан преимущественно в учебной литературе в виде обзоров по основным направлениям и достижениям в истории психодиагностики этих лет. В связи с таким малым количеством информации не удалось выделить данные о содержании исследований в области психодиагностики в России (например, 1960–1970 гг., 1970–1991 гг., 1991–2000 гг.). Такие этапы выделяются, но никакой подробной информации о них в исследованных источниках не приводится.

Период 1969–1991 гг. в истории отечественной психодиагностики

В качестве метода исследования истории психодиагностики в России в 1969–1991 гг. были использованы процедуры библиографического тематического анализа, включающие как качественное, так и количественное изучение информационных материалов по проблемам истории психодиагностики. Единицами анализа выступали научные публикации по отечественной психодиагностике – книги и статьи, изданные в период с 1969 г. по 1991 г. Источником получения информации о книжных изданиях являлись каталоги книг библио-

тек им. Ленина и Психологического института РАО, библиографические списки в книгах и статьях по психодиагностике, интернет-сайты по психодиагностике. Источником получения информации о статьях по психодиагностике являлись перечисленные выше периодические журналы по психологии.

Конкретные задачи исследования: выявление количественных характеристик книжных изданий и статей с целью установления динамики развития психодиагностических исследований в 1969–1991 гг., выделение направлений исследований в области психодиагностики в рассматриваемый период.

Количественные результаты библиографического тематического анализа отражены на рис. 3.

Таким образом, установлено, что за период 1969–1979 гг. было найдено 36 работ по психодиагностической тематике (из них 14 статей), которые издавались равномерно на протяжении десятилетия. В то же время за период 1980–1991 гг. было издано 177 работ по психодиагностической тематике (из них 100 статей), что почти в 5 раз больше, чем в предыдущий равнозначный период. Такой разрыв можно объяснить интенсивным развитием психодиагностики именно с 1980 гг., тогда как период 1969–1979 гг. можно считать периодом возрождения данной области.

Качественный библиографический тематический анализ позволил выделить несколько важных положений о развитии психодиагностики в периоды возрождения (1969–1979 гг.) и интенсивного развития (1980–1991 гг.).

Период возрождения психодиагностики (1969–1979 гг.)

1. В этот период создаются первые (после Постановления 1936 г.) отечественные тесты

и адаптации зарубежных методик. Наибольшее число работ посвящено адаптациям методик Векслера и ММРП. Проводятся исследования с помощью разработанных и адаптированных психодиагностических методик, публикуются результаты их применения на практике и возможности использования.

2. Происходит развитие методологических основ психодиагностики. Появляются первые публикации методологического характера, в которых авторы обращаются к определению, основным понятиям, общим вопросам психодиагностики.

3. Появляются наработки в области психометрики и статистики в психодиагностике (в том числе Ю.З. Гильбух [6, 7] в двух статьях обращается к проблемам валидности и надежности психологических тестов), выходят две монографии (в том числе одна переводная), посвященные статистическим методам в психологии [8, 23], Ю.Л. Ханин публикует стандартный алгоритм адаптации зарубежных опросных методов [24].

4. Из отдельных направлений в психодиагностике, развитие которых относительно четко определяется (по количеству публикации), следует выделить диагностику умственного развития детей школьного возраста, что, видимо, было обусловлено запросами практики. Разработка методик по определению уровня умственного развития учащихся в процессе обучения осуществлялась в двух направлениях:

– изучение общей способности к обучению – «обучаемости». В качестве показателей обучаемости использовались ускоренное продвижение при усвоении учебного материала, возможность делать самостоятельные обобщения и выводы (Л.В. Занков, В.В. Давыдов), степень овладения внутренним планом дейст-

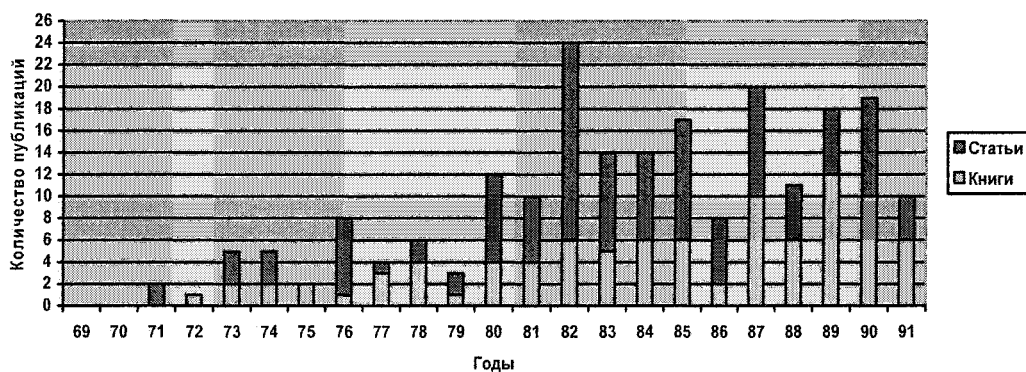

Рис. 3. Количественные результаты библиографического тематического анализа публикаций по психодиагностике (1969–1991 гг.)

вия (Я.А. Пономарев), быстрота, легкость и свертываемость операций при переходе от практических к умственным действиям (П.Я. Гальперин, Н.Ф. Талызина и др.). Для каждого из выделенных показателей разрабатывались экспериментальные методики, позволяющие диагностировать уровень усвоения учащимися знаний, умений и навыков;

– определение уровня умственного развития учащихся, связанное с анализом структуры отдельных специальных способностей, характеризующих различные стороны умственной деятельности школьников: особенности их восприятия, памяти, мышления.

Результаты библиографического анализа позволяют сделать вывод о развитии исследований характера, диагностики психических состояний, диагностики психического развития, диагностики личности и интеллекта как направлений психодиагностики. В рамках каждого направления описываются соответствующие психодиагностические методы исследования (диагностическое интервью, беседа, анкетные методы, оценочные шкалы, проективные тесты, аппаратные методы). При описании метода тестов преимущественно рассматриваются зарубежные методики (тесты Бине, Векслера, Равена, Амтхауэра, Мейли, ММРІ, Айзенка, Кэттелла, Леонгарда-Шмишека и др.)

В рамках клинической психологии и психодиагностики происходит разработка «качественных тестов» в патопсихологии (С.Я. Рубинштейн, 1970) и нестандартизированных «проб» в нейропсихологии (А.Р. Лурия, 1973). В 1979 г. выходит монография Бурлачука Л.Ф. «Исследование личности в клинической психологии (на основе метода Роршаха)» [5].

Период интенсивного развития психодиагностики (1980–1991 гг.).

1. Продолжается интенсивная разработка отечественных и адаптация зарубежных методик. Появляются новые адаптации методики ММРІ, адаптации личностного теста ЕРІ и опросника Кэттелла, а также модификации методик Т. Лири и М. Люшера и др.

2. Продолжается тенденция прошлого периода в развитии общей психодиагностики, однако, в отличие от периода 1969–1979 гг., в котором в основном рассматривались определение психодиагностики и ее основные понятия, большинство статей и монографий в период 1980–1991 гг. носит проблемный харак-

тер и посвящено основным путям развития современной психодиагностики, ее проблемам и методам.

В период интенсивного развития психодиагностики издаются первые учебники и учебные пособия по психодиагностике как учебной дисциплине. Знаковым событием становится выпуск и перевод монографии А. Анастаси «Психологическое тестирование» [1]. В 1980-е гг. выпускается (преимущественно издательством МГУ) целая серия психодиагностических практикумов, что также связано с началом преподавания психодиагностики как научной и учебной дисциплины в вузах.

3. В области психометрики и статистики в 1980-е гг. также можно отметить позитивные тенденции. Помимо работ, посвященных оценке валидности и надежности отдельных методик, статистическим методам, появляются публикации по вопросам конструирования тестов, о применении факторного, дискриминантного, кластерного анализа и непараметрической статистики в психологических исследованиях.

4. Среди отдельных направлений развития психодиагностики в период 1980–1991 гг. на основе проведенного библиографического анализа выделяются следующие:

а) продолжение разработки направлений, начатых в прошлые периоды (диагностика уровня умственного развития школьников, психических состояний, психического развития, интеллекта и личности), а также новых направлений. В психолого-педагогической диагностике, помимо создания методик диагностики умственного развития, возникают новые направления, например, исследование психологической готовности детей к школе, выявление нарушений развития учащихся, диагностика способностей и личностных качеств в целях профконсультации. В психодиагностике личности с 1980-х гг. начинаются исследования в области экспериментальной психосемантики. Появляются работы теоретического характера по тестам интеллекта в психологии, начинает развиваться критериально-ориентированное тестирование;

б) в качестве нового направления выделяется диагностика межличностных отношений, связанная, прежде всего, с исследованием отношений в трудовых коллективах. Актуальность данной работы была продиктована преимущественно народнохозяйственными задачами, поставленными перед советской наукой

XXVI съездом КПСС. В «Основных направлениях экономического и социального развития СССР на 1981–1985 годы и на период до 1990 года» психологический климат коллектива рассматривается в ряду важнейших условий труда и быта, требующих дальнейшего совершенствования;

в) развивается направление профессионального отбора как области психодиагностики, вводится психодиагностика инженерных кадров и кадрового резерва на замещение руководящих должностей. Начинают разрабатываться психодиагностические критерии отбора руководящих кадров, проводятся исследования личностных особенностей руководителей, их индивидуально-психологических и деловых качеств;

г) основным объектом исследования профессиональной психодиагностики в данный период стали летные экипажи и спортивные команды, проводились исследования их психологической совместимости, уровня сплоченности, профессионального отбора и др., что было обусловлено государственным заказом;

д) в рамках клинической психологии продолжается разработка новых методик исследования личности и интеллекта, создаются экспериментальные автоматизированные системы для медико-психологических обследований. В специальной психологии проводятся исследования в области аномального развития детей.

5. С середины 1980-х гг. в психодиагностике начинается внедрение компьютерных методов, что было обусловлено тенденциями развития современного общества. Компьютеризация психодиагностических исследований привела к созданию компьютеризированных комплексов для психодиагностического обследования в различных областях (в школе, на предприятии, в медицине). Публикации 1984–1990 гг. посвящены описанию подобных программ, опыту их применения, а также проблемам, связанным с использованием компьютерной диагностики.

6. Именно в период интенсивного развития психодиагностики начинают развиваться (помимо метода тестов) проективные и графические методы, ассоциативный эксперимент, метод экспертных оценок и техника репертуарных решеток как метод психологического исследования.

Отечественные психодиагностические методики (1969–1991 гг.). За период 1969–1991 гг. было найдено 57 психодиагностиче-

ских тестов и методик. В период 1969–1979 гг. было издано 7 тестов и методик, тогда как за период 1980–1991 гг. – 50 тестов и методик, что обусловлено интенсивным развитием психодиагностики именно с 1980-х гг. Психодиагностические методики и тесты создавались, как правило, для исследования взрослых людей.

Был проведен качественный анализ найденных психодиагностических методик и тестов по категориям:

- цель исследования (предназначение методики);
- возраст исследуемых (на какую категорию людей она рассчитана);
- тип методики;
- психометрические характеристики методики.

По результатам анализа было установлено, что 63 % найденных тестов и методик содержат в себе доступную информацию о психометрических характеристиках.

Преимущественно в исследуемый период создавались опросники и шкалы (39 % выборки методик), методики экспериментального характера с использованием специально разработанной аппаратуры (26 %), тесты способностей и достижений (16 %).

Отечественные тесты и методики в период 1969–1991 гг. были направлены на психодиагностику интеллекта, специальных способностей, достижений (23 %), межличностных отношений (18 %), личностных особенностей (9 %) и психических состояний (9 %).

Таким образом, результаты поиска и анализа отечественных психодиагностических тестов и методик за период 1969–1991 гг. согласуются и подтверждают результаты проведенного библиографического анализа.

Литература

1. Анастази, А. Психологическое тестирование: пер. с англ. / А. Анастази; под ред. К.М. Гуревича, В.И. Лубовского. – М.: Педагогика, 1982. – Кн. 1, 2.
2. Аванесов, В.С. Тесты в социологическом исследовании / В.С. Аванесов. – М., 1982. – 199 с.
3. Будилова, Е.Е. Начало экспериментальной психологии / Е.Е. Будилова // Психологический журнал. – 1985. – №4. – С. 3–11.
4. Бурлачук, Л.Ф. Психодиагностика: учебник для вузов / Л.Ф. Бурлачук. – СПб.: Питер, 2006. – 351 с.

5. Бурлачук, Л.Ф. Исследование личности в клинической психологии (на основе метода Роршаха) / Л.Ф. Бурлачук. – Киев: Вища школа, 1979. – 175 с.
6. Гильбух, Ю.З. Актуальные проблемы валидации психологических тестов / Ю.З. Гильбух // Вопросы психологии. – 1978. – № 5.
7. Гильбух, Ю.З. Надежность психологических тестов и пути ее повышения / Ю.З. Гильбух // Вопросы психологии. – 1979. – № 3.
8. Гласс, Дж. Статистические методы в педагогике и психологии / Дж. Гласс, Дж. Стенли. – М.: Прогресс, 1976. – 496 с.
9. Ждан, А.Н. История психологии. От Античности до наших дней: учебник для вузов / А.Н. Ждан. – М.: Академический проект, 2004. – 576 с.
10. Кадневский, В.М. Генезис тестирования в истории отечественного образования: монография / В.М. Кадневский. – Омск: Изд-во ОмГУ, 2007. – 336 с.
11. Кожухова, О.А. Психотехнические тесты профпригодности / О.А. Кожухова // Вестник МГУ. Серия 14. Психология. – 1986. – № 2. – С. 57–70.
12. Кольцова, В.А. История психологии: Проблемы методологии / В.А. Кольцова. – М.: Изд. «Институт психологии РАН», 2008. – 510 с.
13. Курек, Н.С. История ликвидации педологии и психотехники в СССР / Н.С. Курек. – СПб.: Алтейя, 2004. – 330 с.
14. Ломов, Б.Ф. Начало развития экспериментальной психологии в России / Б.Ф. Ломов // Психологический журнал. – 1986. – № 3. – С. 18–25.
15. Милерян, Е.А. Развитие психодиагностики профпригодности в СССР / Е.А. Милерян // Психологический журнал. – 1983. – № 3. – С. 73–86.
16. Общая психодиагностика / под ред. А.А. Бодалева, В.В. Столина. – СПб.: Речь, 2000. – 438 с.
17. Основы психодиагностики / под ред. А.Г. Шмелева. – М.; Ростов-на-Дону: Феникс, 1996. – 544 с.
18. Петровский, А.А. Непрочитанные страницы истории 30-х гг. / А.А. Петровский // Психологический журнал. – 1988. – № 4. – С. 125–138.
19. Петровский, А.В. История и теория психологии / А.В. Петровский, А.Г. Ярошевский. – Ростов-на-Дону: Изд-во Феникс, 1996. – 416 с.
20. Психологическая диагностика: учебник для вузов / под ред. М.К. Акимовой, К.М. Гуревича. – СПб.: Питер, 2003. – 652 с.
21. Психологическая наука в России XX столетия: проблема теории и истории / под ред. А.В. Брушлинского. – М.: Изд-во «Ин-т психологии РАН», 1997 – 574 с.
22. Соколов, М.В. Критика метода тестов на русских съездах по педагогической психологии / М.В. Соколов. – Вопросы психологии. – 1956. – № 6. – С. 16–28.
23. Суходольский, Г.В. Основы математической статистики для психологов / Г.В. Суходольский. – М., 1972. – 345 с.
24. Ханин, Ю.Л. Стандартный алгоритм адаптации зарубежных опросных методов / Ю.Л. Ханин // Психологические проблемы предсоревновательной подготовки квалифицированных спортсменов. – Л.: ЛНИИФК, 1977. – С. 129–135.

Поступила в редакцию 10 октября 2010 г.

Пичугова Анна Витальевна. Психолог кафедры психодиагностики и консультирования факультета психологии, Южно-Уральский государственный университет, г. Челябинск: kamani@mail.ru.

Anna V. Pichugova. Psychologist of the Chair Psychological diagnostics and Counseling of South Ural State University: kamani@mail.ru.

Социальная и организационная психология

УДК 658.312.6+331.108.26
ББК Ю941.1+Ю959.18

ФОРМИРОВАНИЕ УПРАВЛЕНЧЕСКОГО СОСТАВА ОРГАНИЗАЦИИ: ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ ПРОЦЕССА ОТБОРА, ОБУЧЕНИЯ И ПРАКТИЧЕСКОЙ ПОДГОТОВКИ ГРУППЫ КАДРОВОГО РЕЗЕРВА

Д.Е. Мякушкин

Рассматриваются вопросы отбора, обучения и развития кандидатов на руководящие должности, проходящих подготовку в группе резерва руководителей на современных промышленных предприятиях. Представлена последовательность действий в процессе обучения и развития персонала при формировании резерва среднего звена руководящего состава организации, изложены основные принципы, методы, рекомендации и этапы процесса подготовки, освещены некоторые организационные и социально-психологические аспекты работы специалистов служб управления персоналом с кандидатами группы резерва.

Ключевые слова: формирование управленческого состава, комплексная оценка персонала, кадровый резерв, обучение и развитие, практическая подготовка кадрового резерва руководителей.

Кадровый резерв – группа сотрудников организации, обладающих способностями к управленческой деятельности, сформированная в результате отбора и прошедшая дальнейшую систематическую целевую подготовку [1, 9, 12]. При формировании структуры процесса подготовки кандидатов на руководящие должности необходимо учитывать требование комплексности кадровых процессов, т. е. взаимосвязанного сочетания в единой кадровой технологии системы процессов отбора, обучения, развития, практической подготовки и индивидуальной работы кандидатов с психологами в формате персонального коучинга. Основу предлагаемого процесса составляет теоретическая подготовка целенаправленно отобранных по ряду критериев кандидатов на руководящие должности, которая поддерживается и развивается их практической деятельностью в проекте «Обучение Действием», а полученный опыт руководства подчинёнными обсуждается, осмысливается и накапливается в процессе индивидуальной работы с психологом.

Программа подготовки молодых руководителей в группе резерва – сложный комплексный процесс, который невозможно осуществить без соответствующих подходов, методов и технологий. На сегодняшний день на практике применяется несколько моделей под-

готовки руководящих кадров. Однако в публикациях, посвященных исследованию этого вопроса [1, 4, 5, 9], процесс подготовки резерва управленческих кадров рассматривается по содержанию как система передачи знаний, необходимых для эффективной управленческой деятельности. В соответствии с таким подходом к организации системы подготовки резерва кадровые службы предприятий формируют расширенные обучающие программы и разрабатывают графики стажировок для будущих руководителей, пополняя их багаж знаний в различных областях управленческой деятельности. В то же время практически не уделяется внимание вопросу социально-психологической подготовки кандидатов. Кроме того, индивидуальная работа психолога с членами группы резерва практически не осуществляется, а результаты стажировок и участия в проектной деятельности не выступают предметом групповых обсуждений с глубокой рефлексией и осмыслением приобретенного управленческого опыта. Для многих специалистов, прошедших обучение в группе резерва, серьезной проблемой становится сам факт изменения их статуса в организации и необходимость выстраивать иное по качеству взаимодействие с бывшими коллегами по работе. Поэтому еще до вступления в должность необходимо вклю-

чать кандидатов в новую для них систему производственных отношений, формируя готовность взять на себя новую роль и новый уровень ответственности.

Организация работы по формированию будущего управленческого состава организации должна опираться на некоторые рекомендации.

1. Формирование группы резерва должно осуществляться не только на основе мнений руководителей о конкретных сотрудниках, но и на заключениях группы экспертов.

2. Включение сотрудников организации в группу резерва должно основываться на результатах комплексной оценки, фокусирующейся, в первую очередь, на выявлении управленческого потенциала кандидатов и прогнозировании эффективности их деятельности в новой должности. Использование для принятия решения о составе группы резерва только результатов деловой оценки или аттестации представляется явно недостаточным основанием для итоговых заключений о перспективности кандидата.

3. Программа подготовки группы резерва должна включать в себя не только программы обучения, но и, в первую очередь, программы развития, способствующие формированию кандидатами собственной управленческой идентификации.

4. Реализация функции подготовки управленческих кадров не должна передаваться под контроль руководителей тех подразделений, в которых имеется потребность в подготовке управленческих кадров. Опыт показывает, что в этом случае в группу резерва часто включаются работники, отсутствие которых на рабочем месте (например, для прохождения стажировок или обучения с отрывом от производства) будет в наименьшей степени сказываться на результатах текущей деятельности всего подразделения. Вместе с тем, некоторые действующие руководители склонны включать в резерв не перспективных подчиненных с развитыми управленческими способностями, а хороших исполнителей и доверенных лиц, которые не способны составить им конкуренцию в будущем.

5. Недостаточно обоснованной на сегодняшний день представляется практика проведения подготовки резервистов на конкретную должность в самой организации: в результате снижается уровень конкуренции в среде кандидатов и сужаются перспективы карьерного роста для подавляющего большинства сотрудников. Подготовка резерва должна осуществляться в соответствии с пла-

нируемым для кандидата местом в уровне управленческой иерархии, а управление процессами подготовки резерва должно проводиться службой управления персоналом.

Организация и проведение процесса формирования и подготовки группы резерва содержит ряд этапов.

Этап 1. Анализ потребности в руководящих кадрах. Ответ на вопрос о потребности и количестве подготовленных к выполнению управленческой деятельности сотрудников в первую очередь связан с пониманием того, как изменится организация в будущем и какие должности необходимо будет заместить кадровым резервом [1, 10]. Результатом такого анализа должен стать подробный план замещения руководящих должностей, который и ляжет в основу планирования численности группы резерва.

Этап 2. Разработка требований к кандидатам в группу резерва. Основной деятельностью на втором этапе управления процессами подготовки резерва является определение требований к будущим руководителям. Характеристики эффективных руководителей зависят от целого ряда факторов и со временем меняются. Поэтому в каждой организации должен быть сформирован уникальный «кадровый портрет» идеального руководителя, который наиболее соответствует целям и задачам этого предприятия. Сегодня большая часть стоимости организации приходится на человеческий ресурс, и для формирования такого ресурса руководителю необходимо работать с каждым подчинённым ему сотрудником. При этом необходимо создать группу, живущую по согласованным законам; формировать знания у подчинённых, сохранять эти знания и преумножать их [1, 7]. Поэтому современный руководитель (и как следствие, кандидат в руководители) должен соответствовать определенным требованиям и обладать достаточным уровнем развития следующих управленческих компетентностей.

1. *Организационная компетентность*, базирующаяся на готовности и способности кандидата создавать необходимые условия для эффективной работы и отдельных сотрудников, и коллектива в целом.

2. *Эмоциональная компетентность*, понимаемая как способность кандидата создать и сплотить коллектив, авторитетность и влияние, способность повести за собой и выступить в роли наставника.

3. *Интеллектуальная компетентность*, понимаемая как способность кандидата

управлять творчеством и создавать условия для нахождения подчиненными лучших вариантов решений задачи.

4. *Коммуникативная компетентность*, понимаемая как способность кандидата вести переговоры, устанавливать конструктивные отношения с руководителями, коллегами и подчиненными, способность поддерживать деловые контакты.

Для каждой компетентности формируются наборы критериев на основе анализа требований к деятельности руководителя на разных уровнях управленческой иерархии. Результатом этой работы должен стать перечень компетентностей руководителей, их поведенческих проявлений и критериев их оценки [2, 5]. В качестве примера в табл. 1 представлена одна из моделей компетентностей и критериев их оценки для кандидатов в группу резерва руководителей.

Этап 3. Формирование группы резерва руководителей. Для формирования группы резерва руководителей требуется провести комплексную оценку кандидатов и утвердить персональный состав группы резерва для дальнейшего обучения и развития. Однако при решении этой задачи возникают существенные сложности. Деловая оценка персонала, опирающаяся в большей степени на количественные методы, проводится на основе применения набора инструментов, выявляющих соответствие кандидатов занимаемой или замещаемой должности. В то же время экспертная оценка, осуществляемая

специально подготовленными экспертами-наблюдателями, основывается на традициях качественных методов исследования. Оба подхода различаются принципиально. В одном из них работник рассматривается как элемент организации, и оценка персонала здесь трактуется как определение соответствия действий исполнителя стандарту работника этой организации. Другой подход рассматривает человека вне его связей с организацией, и оценка персонала здесь включает в себя определение степени выраженности некоторых качеств, формирующих в итоге вывод о потенциале работника организации. Совмещение обоих подходов в рамках одной оценочной технологии само по себе создает некоторые сложности, но тем не менее позитивные аспекты совместного применения количественных и качественных методов оценивания в комплексной технологии Assessment Center позволяют придать получаемым результатам высокий уровень прогностичности. Участвующие в оценке персонала работники организации проходят комплексное испытание путем работы с системой различных упражнений и техник, которые требуют проявления значимых для эффективности деятельности профессионально важных качеств. Применяемые в процессе оценки персонала количественные и качественные методы оценки позволяют собрать необходимую информацию о сотрудниках, зафиксировать поведенческие проявления необходимых управленческих качеств в моделируемых ситуациях и уточнить сложившиеся в

Компетентности и критерии оценки

Таблица 1

Компетентности	Критерии
Организационная компетентность	Руководство группой, способность принимать решения, способность устанавливать приоритеты, предусмотрительность, способность делегировать задания
Эмоциональная компетентность	Влиятельность (авторитетность), способность организовать взаимодействие в группе, эффективность взаимодействия с людьми, способность к командной работе, способность контролировать эмоции
Интеллектуальная компетентность	Способность к проблематизации, синтетические способности, нестандартность мышления, способность работать с большим объемом информации, способность систематизировать информацию
Коммуникативная компетентность	Способность убеждать, способность формулировать мысли, логичность и последовательность изложения материала, способность к аргументации, способность отстаивать свою точку зрения

ходе оценки представления об индивидуальных особенностях кандидатов на должности руководителей. В дальнейшем результаты оценивания персонала, полученные с помощью количественных и качественных методов, сводятся в одно целое, и формируется итоговое заключение по каждому кандидату. Таким образом накапливается необходимая кадровая информация, позволяющая принять решение о персональном составе группы резерва руководителей.

Этап 4. Организация и проведение подготовки группы резерва руководителей. Программа обучения и развития группы резерва направлена на формирование и развитие управленческих знаний, умений и навыков, необходимых для эффективной управленческой деятельности. При этом общей тенденцией на является преимущественное использование методов активного обучения и развитие у претендентов на замещение управленческих должностей навыков группового и организационно-личностного взаимодействия. Такой подход в работе с группой резерва позволяет за короткое время передавать слушателям большой объем знаний, обеспечивает высокий уровень усвоения учебного материала, позволяет закрепить полученные знания на практике, способствует формированию необходимого уровня сплоченности и способности работать в команде [7, 9]. Само содержание учебных программ должно соотноситься с целями организации, а освоение их должно приводить в результате к изменениям не только индивидуального поведения работников, но и к формированию предпосылок возникновения новых моделей группового поведения. К сожалению, среди руководителей учебных центров и отделов по обучению и развитию персонала существует мнение о том, что содержание обучения (особенно руководителей технологического уровня – мастеров, старших мастеров, начальников смен) напрямую должно быть связано с конкретным набором функций и действий, предписанных работнику их должностными обязанностями. Распространено мнение о том, что новые знания не будут востребованы, а необходимые изменения вряд ли возможны при высокой степени инерции, характерной для организаций с преобладанием бюрократической организационной культуры. Конечно, некоторая часть передаваемой слушателями информации неизбежно должна касаться уже освоенного работниками инструментария и актуализировать уже имеющийся опыт. В то

же время содержание учебных программ должно не только дублировать уже имеющиеся у слушателей знания, но быть направленным на их расширение, изменяя границы осознания и формируя основу междисциплинарных знаний. Это напрямую связано с возникновением новых моделей поведения в уже освоенном пространстве деятельности. Очевидно, что преодолеть недостатки в работе организации только за счет обучения персонала невозможно. Однако содержание обучения персонала и качество его проведения во многом определяют формирование *интеллектуального капитала* организации как совокупности моделей, позволяющих создавать и реализовывать новые способы деятельности сотрудников. Проведение комплексных программ обучения и развития способствует развитию новых социальных связей во взаимоотношениях между людьми, в том числе в группах, влияющих на качество совместной деятельности, определяя тем самым новый уровень развития *социального капитала* организации. Новый уровень и качество трудовых отношений, при поддержании их руководством, способствуют возникновению и закреплению готовности сотрудников следовать новым этическим, поведенческим и деловым стандартам в профессиональной деятельности, определяя тем самым степень развития *морального капитала* организации. Критерием эффективности процесса формирования и подготовки управленческого персонала состава является качество *человеческого капитала организации*, понимаемого как совокупность интеллектуального, морального и социального капиталов, и определяющего в конечном итоге степень готовности организации к изменениям [10]. Программа обучения и развития группы кадрового резерва управленческого персонала должна быть комплексной и включать подготовку кандидатов по нескольким программам.

1. *Программа общей подготовки.* Целью программы является овладение необходимыми теоретическими знаниями в области управления организацией и подразделением.

2. *Программа управленческой подготовки.* Целью ее является раскрытие и освоение кандидатами концептуальных и методологических основ работы с персоналом организации. В процессе обучения у слушателей формируются необходимые для эффективной управленческой деятельности инструментальные умения и навыки, которые в дальнейшем закрепляются в

процессе проведения деловых и организационно-управленческих игр.

3. *Программа социально-психологической подготовки.* Цель: развитие личностных качеств, значимых для эффективной управленческой деятельности. В процессе занятий происходит формирование управленческой идентификации кандидатов на управленческие должности, формируются представления кандидатов об их личностных ресурсах, закрепляются навыки, необходимых для эффективной управленческой деятельности, приобретается конструктивный опыт организационно-личностного взаимодействия в группе.

4. *Программа специализированной подготовки.* Целью программы является приобретение кандидатами необходимых знаний умений и навыков в соответствии со спецификой деятельности предприятия. В качестве преподавателей выступают, как правило, ведущие специалисты и руководители различного уровня этого же предприятия.

5. *Практическая подготовка* будущих руководителей путем их участия в технологии «Обучение действием» [8]. Эта технология представляет собой новый формат работы с группой резерва в описываемом процессе подготовки управленческих кадров. Участниками процесса являются работники организации, включенные в состав группы резерва руководителей и выступающие в роли руководителей проектных групп. В качестве членов проектных групп привлекаются молодые специалисты предприятия, а также студенты, обучающиеся менеджменту или специальностям по профилю деятельности организации. При этом выполняемая «резервистами» и членами их групп проектная деятельность связана с решением реальных задач и направлена на внедрение полученных результатов в практику работы этой организации. Качество работы «резервистов» как руководителей проектных групп и получаемые в ходе проекта результаты позволяют развить и оценить уровень их реальной готовности к новой для себя роли и к новым задачам. Участие в работе проектных групп позволяет выявить реальный уровень развитости лидерских качеств, организаторских способностей, ответственности за себя и за свою группу, демонстрирует способность достигать результатов даже при неблагоприятных условиях или в ситуации неопределенности. Кроме того, участие в работе проектных групп студентов позволяет оценить их перспективы в качестве потенциальных работников этой организации в будущем.

Особенности предлагаемого процесса подготовки резерва руководящих кадров организации по технологии «Обучение действием» проявляются в том, что руководство проектными группами будущими руководителями позволяет им освоить навыки установления деловых отношений на разных уровнях управленческой иерархии, приобретать новые навыки постановки и решения задач, организации работы группы и управления групповой деятельностью, поддержания интереса к работе у каждого участника группы и т.д. Привлечение к процессу студентов в качестве членов рабочих групп дает будущим руководителям возможность получить серьезный навык управления группой людей, не имеющих опыта и навыков производственной деятельности и освоить новые для себя роли организатора и наставника. В ходе реализации проектов «резервисты» знакомятся со спецификой работы различных подразделений организации, учатся рассматривать организацию как комплексное образование, добиваются конкретных результатов и внедряют их в практику деятельности организации. Критическими точками оценивания персонала в проекте являются промежуточные отчетные «сессии» – периодические семинары, проводимые в соответствии с определенной технологией для группового обсуждения промежуточных результатов и совместного планирования конкретных действий. Для руководителей проектных групп организуются регулярные встречи с психологами-консультантами. При этом выполняемая проектная деятельность направлена исключительно на внедрение результатов выполнения в проектных группах реальных задач в практику работы организации. В табл. 2 представлены примеры основных этапов работы в проекте и общее содержание этапов.

6. *Защита проектов.* В ходе проведения программы практической подготовки участники группы резерва определяют направления деятельности подразделений или организации в целом, требующие оптимизации и корректировки, разрабатывают проект и защищают его всем составом проектной группы публично и в присутствии руководителей организации.

Представленные программы обучения и развития кандидатов в группе резерва взаимосвязаны. Сама программа является комплексной и направлена на достижение единой цели: сформировать группу кандидатов на руководящие должности, обладающих необходимыми теоретическими знаниями в области управления персоналом и способными применять эти

Этапы практической подготовки кандидатов на должность руководителя

№ п/п	Этап	Содержание этапа
1	Подготовительный	<ul style="list-style-type: none"> • Утверждение состава руководителей проектных групп – членов группы кадрового резерва. • Определение, в том числе посредством проведения оценочных процедур персонального состава проектных групп из числа молодых специалистов или студентов соответствующих специальностей. • Формирование списка задач (проблем) для дальнейшей их разработки и решения (внедрения). • Создание проектных групп. Проведение процедуры командообразования
2	Информационный	<ul style="list-style-type: none"> • Проведение совещания с руководством организации в расширенном составе для ознакомления действующих руководителей с технологией «Обучение Действием» и их возможностями участия в проекте в разных ролях. • Обучение руководителей проектных групп основам организации проектной деятельности и руководству группами
3	Проектный	<ul style="list-style-type: none"> • Работа в группах над проектами. • Обучение членов проектных групп способам презентации полученных результатов. • Отчетные «сессии» (с периодичностью 1–2 раза в месяц) для обсуждения промежуточных результатов и особенностей реализации проектов (по специальной методике под руководством консультантов), а также для планирования задач и действий на следующий «межсессионный» период. • Индивидуальная работа консультантов с руководителями проектных групп
4	Завершающий	<ul style="list-style-type: none"> • Проведение заключительной (отчетной) «сессии», на которой участники проекта в присутствии руководителей организации представляют полученные результаты
5	Итоговый	<ul style="list-style-type: none"> • Подведение итогов работы и обсуждение эффективности деятельности конкретных участников проекта. Принятие кадровых решений

знания в практической управленческой деятельности на разных уровнях системы управления. В процессе реализации программы предусматривается проведение периодических оценочных процедур для определения уровня выраженности значимых для управленческой деятельности параметров личности и их динамики в процессе обучения и развития.

Этап 5. Завершающим этапом работы с группой резерва управленческих кадров организации является включение прошедших подготовку сотрудников в состав группы действующего резерва этой организации и проведение в дальнейшем конкурсов для назначения на вышестоящую должность.

Без проведения системной социально-психологической подготовки группы резерва, содержащей в себе целый ряд составляющих, вряд ли можно ожидать быстрого и в максимальной степени эффективного включения молодых руководителей из числа прошедших такую подготовку в новый для них вид деятельности.

Одно из социально-психологических направлений работы с группой резерва – разработка и проведение под руководством опытного психолога программы взаимосвязанных между собой тренингов, имеющих целью выработку у кандидатов социальных умений и навыков, необходимых для эффективной управленческой деятельности, а также получение опыта организационно-личностного взаимодействия в группе. Деловые, организационно-управленческие и ролевые игры в процессе подготовки группы резерва – уникальный механизм формирования и передачи социального опыта, непосредственно влияющий на повышение эффективности обучения за счет активного включения слушателей в процесс не только получения, но и использования знаний. Сама игровая деятельность предполагает активное взаимодействие между участниками, а фокусирование заданий на реальных для данной организации ситуациях и рефлексия участников проектных групп на итогах каждого этапа игры позволяет привне-

сти новый опыт и модели поведения в практику работы будущих руководителей.

Управление подчиненными предполагает знание психологии работников, принадлежащих к разным национальным, этническим и религиозным общностям, каждая из них имеет свои традиции, свой набор ценностей и стереотипов поведения. Толерантность к представителям разных социальных общностей должна стать одной из составляющих профессиональной компетентности менеджера, поэтому в процессе обучения должны моделироваться не только производственные и управленческие, но и социальные аспекты профессиональной деятельности руководителя, составной частью которой является кросс-культурный контекст подготовки [2, с. 41].

Еще одна область формирования социально-психологической и управленческой компетентности будущих руководителей – интериоризация результатов проектной деятельности по программе «Обучение Действием», проводимая под руководством психолога в группах участников проектной деятельности с обсуждением полученного опыта и динамики собственных состояний в процессе освоения ими новых для себя управленческих функций. Постоянный обмен опытом и интеллектуальная переработка возникающих в ходе работы группы над задачами проблемных ситуаций, несомненно, является полезной процедурой, позволяющей расширить представления участников о специфике управленческой деятельности, а также о своей роли и личностных ресурсах в процессе ее освоения и реализации.

Сочетание в рамках одной комплексной технологии подготовки традиционных подходов к обучению как системы передачи знаний, практической подготовки будущих руководителей и социально-психологической программы подготовки как системы развития навыков позволяет в максимальной степени эффективно осуществлять процесс развития управленческого потенциала кандидатов на руководящие должности.

Литература

1. Базаров, Т.Ю. *Управление персоналом* / Т.Ю. Базаров. – М.: АКАДЕМИА, 2003. – 218 с.
2. Базаров, Т.Ю. *Методы оценки управленческого персонала государственных и коммерческих структур* / Т.Ю. Базаров, Х.А. Беков, Е.А. Аксенова. – М.: ИПК ГС, 1995. – 46 с.
3. Ильин, И.П. *Аксиомы религиозного опыта* / И.П. Ильин. – М.: Изд-во АСТ, 2004. – С. 52.
4. Кротова, Н.В. *Управление персоналом* / Н.В. Кротова, Е.В. Клеппер. – М.: Финпресс, 2004. – 287 с.
5. Маслов, Е.В. *Стратегическое управление персоналом в условиях эффективной организационной культуры* / Е.В. Маслов. – М.: Ин-т практической психологии; Новосибирск: НПО «МОДЭК», 1998. – 112 с.
6. *Методы эффективного обучения взрослых: учебно-методическое пособие.* – Москва; Берлин, Transform, 1998. – 124 с.
7. Намятова, И.М. *Организация обучения на промышленном предприятии* / И.М. Намятова // *Современные технологии в системе обучения руководителей и специалистов.* – Магнитогорск: Институт МВШБ, 2004. – С. 77–79.
8. Павлуцкий, А. *«Обучение действием»: новый подход к корпоративному обучению и развитию персонала* / А. Павлуцкий, О. Алексина // *Управление персоналом.* – 2001. – № 5. – С. 2–24.
9. *Управление персоналом организации: учебник* / под ред. А.Я. Кибанова. – М.: ИНФРА-М, 1999. – 512 с.
10. *Управление персоналом: учебник* / под ред. Т.Ю. Базарова, Б.Л. Еремина. – М.: ЮНИТИ, 1998. – 423 с.
11. Хруцкой, В.Е. *Оценка персонала: современные системы и технологии* / В.Е. Хруцкой, Р.А. Толмачев. – М.: Финансы и статистика, 2004. – 173 с.
12. Шекиня, Е.В. *Управление персоналом современной организации* / Е.В. Шекиня. – М.: Бизнес-школа «Интел-Синтез», 1996. – 343 с.

Поступила в редакцию 25 октября 2010 г.

Мякушкин Дмитрий Евгеньевич. Доцент кафедры социальной психологии факультета психологии, Южно-Уральский государственный университет, г. Челябинск. Тел.: 8(351)267-99-41.

Dmitry E. Myakushkin. Docent of department of social psychology of South Ural State University. Tel.: 8 (351) 267-99-41.

Психология развития, акмеология

УДК 159.964+159.923.2
ББК Ю956+Ю984.92

ХАРАКТЕРИСТИКИ Я-РЕАЛЬНОГО И Я-ИДЕАЛЬНОГО В СТРУКТУРЕ Я-КОНЦЕПЦИИ МАТЕРИ КАК СУБЪЕКТА ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ В ДИАДЕ «МАТЬ–ДИТЯ» ПРИ РАННИХ ОТКЛОНЕНИЯХ В РАЗВИТИИ РЕБЕНКА

И.М. Карташова

Рассматриваются структура Я-концепции матери (реальное Я и идеальное Я); ее согласованность (конгруэнтность); представлен анализ экспериментальных результатов изучения Я-концепции у матерей с характерными моделями интерперсонального поведения.

Ключевые слова: составляющие Я-концепции, реальное Я, идеальное Я, конгруэнтность, психолого-педагогическое сопровождение.

В настоящее время увеличивается количество новорожденных детей с отклонениями в развитии, проявляющимися уже в раннем возрасте. Статистические данные [11] свидетельствуют, что в Российской Федерации в 2003 г. физиологически незрелыми родились 80 % детей, в том числе около 70 % – с перинатальной энцефалопатией (ПЭП). Аналогичные данные по Оренбургской области показывают, что за 2002–2008 гг. в регионе среди родившихся около 60,8 % детей имели диагноз с ПЭП, а 21,2 % детей рождались с врожденными аномалиями [5]. В связи с этим актуальным становится реализация ранней комплексной помощи семьям, воспитывающим детей с отклонениями в развитии [9, 11 и др.], одной из задач которой является предупреждение или компенсация последствий ПЭП. При этом считается, что оптимальным условием развития ребенка раннего возраста является благоприятное эмоциональное взаимодействие с матерью [9]. Одним из важнейших факторов эмоционального благополучия ребенка является формирование Я-концепции матери и ее проявления при взаимодействии в диаде «мать–дитя» [14]. В контексте особенностей такого диадного взаимодействия наиболее адекватной представляется понимание структуры Я-концепции, предложенное Л.И. Собчик [12]: реальное Я (представление о себе в настоящем времени, или каким Я являюсь на самом деле); идеальное Я (каким Я хотел бы и/или должен стать). Расхождение между идеальным Я и реальным Я является основой для формирования самооценки, и, как следствие, одним из важных источников

развития личности. Существенные противоречия между реальным Я и идеальным Я могут стать источником внутриличностных конфликтов и негативных переживаний человека. Соответствие идеального Я реальному Я еще со времен К. Роджерса определяют как конгруэнтность – переживание человеком собственных чувств, открытости себе [1]. Применительно к представленной в настоящей статье тематике следует отметить, что внутренняя согласованность личности матери, ее спонтанное поведение в диаде «мать–дитя» способствуют формированию безопасной привязанности у ребенка [10].

Личностный рост женщины, формирование ее Я-концепции во многом обуславливается периодом рождения детей и воздействием формирующихся детско-родительских отношений [1, 16]. При этом совершенно естественным является факт, что различные угрозы здоровью ребенка, включая выявленные у него нарушения психологического развития, находят свое отражение нарушения в эмоционально-личностной сфере матери. Так, для матерей, дети которых имеют подтвержденный диагноз перинатальной энцефалопатии, характерны проявления эмоциональной лабильности, прежде всего, тревога за состояние здоровья малыша, его и свое будущее, связанная с высоковероятностным прогнозом развития грубых нарушений в последующие возрастные периоды. В то же время отмечаются и проявления внешнего спокойствия в случаях, когда мать считает задержку развития психических или физических функций при ПЭП временным явлением. Эмоциональное состояние матери может усугубляться в связи с

ощущением своей некомпетентности в вопросах воспитания ребенка с ранними отклонениями в развитии, отсутствием полной информации о возможностях коррекции и адаптации имеющихся нарушений, в том числе средствами психолого-педагогического сопровождения диадных взаимодействий в системе «мать–дитя» [8, 9, 11, 13]. Очевидно, что именно период впервые вынесенного ребенку диагноза перинатальной энцефалопатии и принятия этого диагноза матерью является критическим для взаимодействия в диаде «мать–дитя». При этом осложняется эмоциональное состояние матери; дестабилизируется ее Я-концепция, что ведет к возникновению внутриличностных конфликтов и нарушению формирования симбиотической связи [9, 13]. В контексте психологического содержания Я-концепции в этом случае можно предполагать, что соотнесение своего образа Я с реальными обстоятельствами жизни позволит матери изменять свое поведение, активно и осознанно участвовать в процессах формирования личности и воспитания такого ребенка. Поэтому важным условием личностного роста матери является освоение ею новых приемов и методов воспитания ребенка с ранними отклонениями в развитии, и, как следствие, более успешное взаимодействие в диаде «мать–дитя».

В связи с вышеизложенным было выполнено исследование, методологической основой которого являлись теория привязанности [2, 16 и др.] психологические и психотерапевтические представления о взаимодействии в диаде «мать–дитя» [3, 4, 9, 14 и др.]; концепция психолого-педагогического сопровождения и основы системной ранней комплексной помощи детям с отклонениями в развитии [6, 11, 15 и др.).

Исследование проводилось на базе отделения неврологии для детей 1-го года жизни му-

ниципальной детской городской больницы №1. В исследовании 94 пары (диады) из числа матерей, находящихся в стационаре вместе с детьми. Возраст матерей – от 18 до 47 лет, детей – от 1,5 до 14 месяцев. В структуре выборки детей диагноз «перинатальная энцефалопатия» был вынесен в периоды новорожденности (до 1 месяца) – 39,4 % детей; I половина младенчества (до 6 месяцев включительно) – 48,9 % детей; II половина младенчества (до 12 месяцев включительно) – 13,8 %.

Для изучения структуры Я-концепции матерей, имеющих детей с перинатальной энцефалопатией, применялся «Опросник интерперсонального диагноза» (Т. Лири, 1957). Исследование проводилось по классической схеме – самооценка выраженности типов интерперсонального взаимодействия исходя из позиций Я-реального и Я-идеального. Статистическая обработка полученных первичных статистик выборки и оценка достоверности полученных различий по критерию Манна–Уитни (U) проводилась с помощью статистического пакета «Statistica for Windows 6.0».

В соответствии с изложенными в методике «Опросник интерперсонального диагноза» принципами общей интерпретации результатов исследования моделей интерперсонального поведения структура выборки матерей, имеющих детей с ПЭП, представлена тремя группами: «высоко-экстремальные» (В-Э) – 42,5 % численности выборки; «адаптивные» (А) – 33 %; «низко-адаптивные» (Н-А) – 24,5 %. Результаты выраженности различных типов интерперсональных отношений представлены в таблице.

Сравнение результатов по выраженности составляющих Я-концепции (реальному Я и идеальному Я) позволяет выявить особенности внутриличностной конгруэнтности Я-

Результаты самооценки выраженности различных типов интерперсональных отношений в позициях «Я-реальное» и «Я-идеальное» у матерей, имеющих детей с ПЭП (по данным «Опросника интерперсонального диагноза», Т. Лири)

Октанты		Баллы по октантам					
		В-Э		А		Н-А	
		Р	И	Р	И	Р	И
I	Властный – лидирующий	7,8	9,7	5,2	6,6	3,6	2,8
II	Независимый – доминирующий	4,9	6,2	4,2	4,9	2,6	2,5
III	Прямолинейный – агрессивный	6,6	5,1	5,0	3,6	2,7	1,4
IV	Недоверчивый – скептический	5,7	2,5	5,8	1,5	3,0	0,3
V	Покорно – застенчивый	6,9	5,0	6,0	3,0	3,4	0,8
VI	Зависимый – послушный	6,6	5,3	4,4	2,5	2,4	0,7
VII	Сотрудничающий – конвенциональный	9,4	9,3	5,8	6,2	4,4	1,1
VIII	Ответственный – великодушный	10,8	10,4	4,8	6,3	4,0	1,4

Примечание: высокие показатели (М) – 9–12; средние – 5–8; низкие – 0–4. Р – реальное Я; И – идеальное Я. Цветовые обозначения: белый – внутриличностная конгруэнтность; серый – мотивационная ригидность, темно-серый – внутриличностная неконгруэнтность.

концепции матери. У матерей отмечаются проявления и внутриличностной конгруэнтности как источника развития личности [12], и мотивационной ригидности как проявлений сложности изменения привычных способов удовлетворения потребности при изменяющихся условиях жизни [1], и внутриличностной неконгруэнтности как индикатора существенных противоречий, способных породить внутриличностные конфликты, негативные переживания [12].

Установлено, что для «высоко-экстремальных» матерей более характерна конгруэнтность (доминирование высоких показателей VII, VIII октанты), проявляющаяся в активности по отношению к другим, неадекватностью в стремлении брать на себя ответственность за них и удовлетворять их требования, самому быть положительными и поддерживать положительные отношения. Эти характеристики присущи эмоционально-лабильной личности с чертами демонстративности и смешанным типом реагирования, а высокие баллы по этим октантам могут свидетельствовать о наличии истероидной акцентуации и психосоматического варианта дезадаптации испытуемых [12, с. 65–66]. Внутриличностная конгруэнтность характеризуется преобладанием высоких результатов по II, III, V и VI октантам. Для таких испытуемых характерно стремление развить свою независимость, веру в себя, снизить жесткость и резкость по отношению к другим, быть эмоционально стабильными, продолжить принимать помощь и советы по мере необходимости и с учетом ситуации. В то же время испытуемые этой группы считают себя уверенными, с желанием быть доминирующими, авторитарными лидерами, что указывает на наличие в структуре их Я-концепции некоторой внутриличностной неконгруэнтности (высокие значения по I октанту).

У испытуемых «Адаптивной» группы внутриличностная конгруэнтность проявляется в тенденции раскрытия ресурсов, связанных с расширением круга сотрудничества, дружеских отношений, удовлетворения собственных потребностей. Они считают себя готовыми и желающими помочь окружающим, проявлять ласку, заботу, сотрудничество, уверены в себе, стремятся к независимости с ориентацией на себя, хотят быть более ответственными и великодушными. У входящих в эту группу матерей наблюдаются проявления мотивационной ригидности в виде недовольства собственным умеренным доминированием, проявляющимся эмоциональной сдержанностью; они критичны и реалистичны в суждениях; целеустремленны. Вместе с тем,

таким женщинам сложно эмоционально сдерживаться или адекватно реагировать. Одним из возможных объяснений этому может являться неопределенность прогнозов развития ребенка в младенчестве, вызывающая у таких матерей затяжное состояние страха и чувство надвигающейся опасности [8, с. 20].

Для матерей, входящих в группу «Низко-адаптивных», характерны низкие баллы результатов исследования, что свидетельствует об их неоткровенности. Вместе с тем, для матерей этой группы характерны проявления внутриличностной конгруэнтности, проявляющиеся изолированными показателями только по II октанту (низкая независимость с ориентацией на себя). Мотивационная ригидность проявляется в значениях по октантам I (уверенность в себе), III (целеустремленность), VII (готовность к сотрудничеству), VIII (помогать окружающим, проявлять ласку и заботу); VI (потребность в помощи и советах); V (эмоциональная сдержанность), IV (реалистичность и критичность в суждениях). В целом, для испытуемых этой группы характерны закрытость, ригидность внешнего и внутреннего поведения, проявляются фиксированные модели поведения на фоне отсутствии желания или знания что-либо изменять в данный период жизни.

Считаем нужным отметить, что в сопоставляемых группах показатели по большинству шкал, отражающих реальное Я и идеальное Я (властный – лидирующий; независимый – доминирующий; прямолинейный – агрессивный; зависимый – послушный; сотрудничающий – конвенциальный), достоверно ($p < 0,001$; $p < 0,05$) различаются по своей выраженности. По трем шкалам отмечается отсутствие статистически значимых различий: по образу реального Я (по IV и V октантам между показателями испытуемых в группах «Высоко-экстремальные» и «Адаптивные»; по VIII октанту – «Низко-адаптивные» и «Адаптивные»); по образу идеального Я (по IV октанту – между показателями в группах «Адаптивные» и «Низко-адаптивные»). Полученные данные свидетельствуют об общих тенденциях испытуемых: в группах «Высоко-экстремальные» и «Адаптивные» матери обладают реалистичной базой суждений и эмоциональной сдержанностью; в группах «Адаптивные» и «Низко-адаптивные» они ответственны и готовы помогать окружающим; во всех трех группах выявлено стремление испытуемых быть более доверчивыми и покорными.

Таким образом, сопоставление Я-реального и Я-идеального матерей, воспитывающих детей с ранними отклонениями в раз-

витии, позволяет выявить характер внутриличностной конгруэнтности и обосновать модель субъектного взаимодействия в диаде «мать–дитя». Выявленные особенности Я-концепции матерей позволяют определить приоритетные задачи коррекционного воздействия на поведение при взаимодействии в диаде «мать и дитя» для группы «Высоко-экстремальные» – регуляция эмоционального равновесия; развитие склонности к сотрудничеству и уверенности в себе; для группы «Адаптивные» – активизация мотивации обращения за консультативной помощью по предупреждению психосоциальных проблем, связанных с воспитанием и развитием ребенка; для группы «Низко-адаптивные» – развитие уверенности в себе, настойчивости и решительности в достижении целей, развитие умения выражать эмоции. Общей задачей коррекции поведения матерей для всех групп является развитие реального восприятия трудной жизненной ситуации, связанной с принятием диагноза ребенка и его особенностей в развитии.

Литература

1. Большой психологический словарь / сост. и общ. ред. Б. Мещеряков, В. Зинченко. – СПб.: ПРАЙМ-ЕВРОЗНАК, 2004. – 672 с.
2. Боулби, Дж. Создание и разрушение эмоциональной привязанности / Дж. Боулби; пер. с англ. В.А. Старовойтова. – М.: Академический Проект, 2008. – 238 с.
3. Винникот, Д.В. Маленькие дети и их матери / Д.В. Винникот; пер. с англ. Н.М. Падалко. – М.: Независимая фирма «Класс». 1998. – 80 с.
4. Выготский, В.С. Вопросы детской психологии / В.С. Выготский. – СПб.: СОЮЗ, 1997. – 224 с.
5. Информационно-аналитический сборник о состоянии здоровья населения и деятельности муниципальных ЛПУ г. Оренбурга в 2007 г. – Оренбург. 2008. – 276 с.
6. Казакова, Е.И. Система комплексного сопровождения ребенка: от концепции к практике / Е.И. Казакова // Психолого-педагогическое медико-социальное сопровождение развития ребенка. – СПб., 2001. – Ч. 1. – С. 9–14.
7. Крайг, Г. Психология развития / Г. Крайг. – СПб.: Питер, 2001. – 992 с.
8. Краузе, М.П. Дети с нарушениями развития: психологическая помощь родителям: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений / М.П. Краузе; пер. с нем. К.А. Назаретян (науч. ред. рус. текста Н.М. Назарова). – М.: Издательский центр «Академия», 2006. – 208 с.
9. Мухамедрахимов, Р.Ж. Мать и младенец: психологическое взаимодействие / Р.Ж. Мухамедрахимов. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 2001. – 288 с.
10. Прихожан, А.М. Психология сиротства / А.М. Прихожан, Н.Н. Толстых. – 2-е изд. – СПб.: Питер, 2005. – 400 с.
11. Ранняя психолого-медико-педагогическая помощь детям с особыми потребностями и их семьям: материалы конф. / сост. Ю.А. Разенкова, Е.Б. Айвазян. – М.: Полиграф сервис, 2003. – 480 с.
12. Собчик, Л.Н. Диагностика индивидуально-типологических свойств межличностных отношений / Л.Н. Собчик. – Практическое руководство СПб.: Речь, 2003. – 96 с.
13. Ткачева, В.В. Психологическое изучение семей, воспитывающих детей с отклонениями в развитии / В.В. Ткачева. – М.: УМК «Психология»: Московский психолого-социальный институт, 2004. – 192 с.
14. Филиппова, Г.Г. Психология материнства и ранний онтогенез: учебное пособие / Г.Г. Филиппова. – М.: Жизнь и мысль, 1999. – 192 с.
15. Шипицына, Л.М. Комплексное сопровождение детей дошкольного возраста / Л.М. Шипицына, А.А. Хилько; под науч. ред. проф. Л.М. Шипицыной. – СПб.: Речь, 2005. – 240 с.
16. Эйнсворт, М. Объектные отношения, зависимость и привязанность: теоретический обзор проблемы взаимосвязи мать-младенец / М. Эйнсворт // Психология привязанности: тексты / сост. и пер. с англ. М.Л. Мельниковой; под ред. С.Ф. Сироткина. – Издательский дом «ERGO», 2005. – С. 37–128.

Поступила в редакцию 14 октября 2010 г.

Карташова Ирина Михайловна, старший преподаватель кафедры специальной психологии, Оренбургский государственный педагогический университет, г. Оренбург. Факс: (3532) 77-24-52. ira.kartaschowa@yandex.ru.

Kartashova Irina Mihajlovna, the senior teacher of chair of special of the Orenburg state pedagogical university. Fax: (3532) 77-24-52. ira.kartaschowa@yandex.ru.

Клиническая (медицинская) психология

УДК 159.922.1+616.8
ББК Ю937.3

ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ДИАГНОСТИКА НЕВРОТИЧЕСКИХ ЧЕРТ ЛИЧНОСТИ У ЖЕНЩИН РЕПРОДУКТИВНОГО ВОЗРАСТА, СТРАДАЮЩИХ ОЖИРЕНИЕМ

Л.И. Вассерман, Л.В. Святенко

Проведено исследование структуры невротических черт личности и других психосоциальных характеристик у женщин, страдающих ожирением. У испытуемых, по сравнению с нормой, выявлена большая степень выраженности и качественная специфика структуры невротических черт личности и потенциально дезадаптивных характеристик.

Ключевые слова: ожирение, невротические черты личности, адаптивность.

В настоящее время в экономически развитых странах, в том числе и в России, каждый третий житель имеет массу тела, превосходящую максимально допустимую. В группе лиц старше 40 лет ожирение различной степени тяжести выявляется уже у 40–60 % численности популяции. Причем число людей с избыточным весом увеличивается в среднем на 10 % ежегодно, что, несомненно, является значимой проблемой для здравоохранения [5].

Считается, что тенденция увеличения численности лиц, страдающих ожирением, обусловлена не только доступностью энергетически богатой пищи и снижением физической активности населения в связи с техническим прогрессом, но и возрастанием удельного веса поведенческих расстройств и девиаций в современных условиях [5].

Избыточный вес является, как правило, и причиной, и следствием психической дезадаптации. Регулярное обращение к еде в состоянии дискомфорта приобретает у индивида характер психологической зависимости и *социально приемлемого вида аддиктивного поведения*, неопасного для окружающих.

Большинство пациентов с зависимым пищевым поведением составляют лица с пограничными нервно-психическими расстройствами, при этом женщины подвержены ожирению чаще, чем мужчины [4, 6].

Известно, что у большинства женщин внешность в иерархии ценностей занимает одно из ведущих мест. Она является наиболее значимым феноменом в поддержании высокой и устойчивой самооценки. Женщины в

большей степени, чем мужчины ориентируются на мнение окружающих, нуждаются в одобрении и эмоциональной поддержке, а неудовлетворенность своим внешним видом нередко может приводить к эмоциональному дискомфорту и развитию психогении. Эту ситуацию у женщин усугубляет перспектива снижения их профессионального статуса и уровня потребностей в самоактуализации, что также служит дополнительным стрессогенным фактором, соотнесенными со спецификой пищевого поведения. Указанные факторы как правило, являют собой риск психической дезадаптации, особенно у женщин репродуктивного возраста с избыточным весом [1, 5].

Взаимосвязь между неудовлетворенностью собой (своим телом) и психогенными расстройствами здоровья женщин – установленный факт, однако причинно-следственные связи в структуре его изучены еще недостаточно, особенно в части изучения роли индивидуально-личностных и психосоциальных факторов нарушения психической адаптации полных людей, в том числе и в части оценки роли невротических черт личности [2].

С этой целью был проведен анализ структуры и прогностического значения наличия невротических черт личности в совокупности с другими психосоциальными характеристиками у пациенток, страдающих ожирением.

Было обследовано 116 женщин в различных поликлиниках города Санкт-Петербурга, страдающих ожирением: алиментарным без клинических признаков коморбидных соматических или психических расстройств (гр. 1),

ожирением, осложненным преимущественно гипертонической болезнью (гр. 2), ожирением, осложненным преимущественно гинекологическими заболеваниями (гр.3).

Все пациенты были обследованы клинически, клинико-психологически, а также экспериментально-психологически. Большинство пациентов имели предварительные обращения к врачам общего профиля (терапевтам, кардиологам, гастроэнтерологам, эндокринологам) с жалобами на неудовлетворительное соматическое состояние.

Для диагностики невротических черт личности у пациенток с ожирением был использован опросник «Невротические черты личности» (НЧЛ) [3].

Невротические черты личности – это условное понятие, основанное на клиническом опыте и данных экспериментальных исследований, показывающих, что у больных с невротическими расстройствами чаще более выраженными оказались некоторые черты личности, которые либо типологически обусловлены, либо онтосоциогенетически «вызревают» и могут считаться преморбидными; при стрессогенных факторах эти личностные черты являются носителями риска психической дезадаптации.

В связи с тем, что материал настоящей работы представлял собой однородную выборку женщин репродуктивного возраста, а таких нормативных данных в методическом пособии [3] представлено не было (нормативных данных отдельно для женщин репродуктивного возраста), нормативная база исследования была сформирована отдельно (группа здоровых женщин репродуктивного возраста). При интерпретации полученных данных предпочтение отдавалось статистически достоверным различиям между исследуемыми группами женщин с ожирением (группа 1,2 и 3) и контрольной группой женщин (здоровых).

В результате исследования были выявлены определенные закономерности, которые характерны для всех исследуемых групп женщин с ожирением: во-первых, большая степень выраженности невротических черт личности по сравнению со здоровыми женщинами, а во-вторых, определенная структура невротических черт личности, которая представлена такими личностными свойствами, как «неуверенность в себе», «познавательная и социальная пассивность», «аффективная неустойчивость», «ипохондричность» и «социальная неадаптивность». Вероятно, выше-

указанные особенности пациенток явились тем преморбидным фоном, который, в известной мере, мог способствовать инициации ожирения и препятствовать своевременной коррекции массы тела. Вместе с тем можно предположить, что именно наличие ожирения послужило усилению вышеуказанных характеристик пациенток, поскольку избыточный вес и соответствующие ему внешние телесные изменения при малопродуктивных формах преодоления дистресса могли способствовать появлению тревожных опасений и переживаний, связанных с потерей здоровья, необходимостью создать семью (при ее отсутствии) или сохранением семьи, снижением поведенческой активности и т. д. Существенная выраженность вышеуказанных характеристик у пациенток всех трех исследуемых групп также может являться одним из факторов, способствующих нарушениям психической адаптации женщин, например по типу соматоформных расстройств с формированием невротоподобной симптоматики. Так, для пациенток характерны по сравнению со здоровыми более высокие средние показатели по шкале «неуверенность в себе» (31,43±2,098 – Гр.1, 40,59±1,961 – Гр.2, 37,03±1,871 – Гр.3, 16,55±2,540 – норма; $p<0.001$). Данное обстоятельство свидетельствует о том, что для женщин с ожирением в большей степени, чем для женщин без лишнего веса, характерны тревожность, неуверенность, склонность к самоанализу, неудовлетворенность собой, пониженная самооценка (что подтверждают исследования и других авторов [4, 6], что может быть связано с низкой самооценкой и неудовлетворительным самоотношением.

Более высокие средние показатели по шкале «познавательная и социальная пассивность» у пациенток исследуемых групп по сравнению со здоровыми (65,26±2,375 – Гр.1, 63,85±2,66 – Гр.2, 60,65±1,969 – Гр.3, 51,10±1,752 – норма; $p<0.01$) отражают феномен повышенной утомляемости снижение общей психической активности и инициативности, а также отсутствие заинтересованности в социальных контактах, что, по-видимому, связано с малоподвижным образом жизни.

Средние шкальные оценки по шкале «аффективная неустойчивость» у исследуемых пациенток по сравнению со здоровыми (21,34±1,323 – Гр.1, 20,91±1,082 – Гр.2, 21,58±1,150 – Гр.3, 12,90±1,989 – норма; $p<0,01$) свидетельствуют о большей выраженности у них таких особенностей, как раздра-

жительность, вспыльчивость, агрессивность, повышенная чувствительность со склонностью накапливать отрицательные переживания. Устойчивой особенностью женщин с избыточным весом многие авторы считают ауто- и гетероагрессивные черты. Враждебность к миру дополняется враждебностью к самой себе.

В целом, пациентки по сравнению с женщинами без лишнего веса менее толерантны к стрессу в силу имеющихся у них личностных особенностей (сензитивность, недостаточная пластичность эмоций), что, по всей видимости, способствует как возникновению заболевания, так и его дальнейшему развитию. Переоценка как этиологический компонент накопления избыточного веса является для таких пациенток одним из главных способов поддержания психологического равновесия, особенно в условиях хронического стресса или перманентных состояний кризиса [4].

Повышенные средние показатели по шкале «ипохондричность» у пациенток всех трех исследуемых групп по сравнению со здоровыми ($28,26 \pm 1,135$ – Гр.1, $33,94 \pm 1,230$ – Гр.2, $29,92 \pm 0,981$ – Гр.3, $24,25 \pm 1,407$ – норма; $p < 0,05$) отражает их большую сосредоточенность на состоянии своего здоровья, сверхценное отношение к даже незначительным проявлениям недомогания, повышенный контроль над поведением и образом жизни с целью избежать ситуаций, потенциально связанных с риском заболевания (переохлаждение, перенапряжение и др.), поиск информации о различных заболеваниях и соблюдение всех предписаний по их предупреждению. Несмотря на такое, казалось бы, внимательное отношение к своему здоровью, с одной стороны, с другой – пациентки испытывают дискомфорт при необходимости изменения привычных жизненных стереотипов и отличаются негибкостью поведения в целом. Существующие у них представления о вредности или опасности для организма недостатка каких-либо полезных веществ в случае диетических и режимных ограничений, тревожные опасения, связанные с возможным развитием желудочно-кишечной патологии (что подтверждалось с большей частотой встречаемости при клинико-психологическом исследовании), таким образом, очень трудно поддаются психотерапевтической коррекции.

Снижение критичности в отношении правильности своих суждений и представлений относительно здоровья, внешнего вида, образа

жизни и т.д., а также принятия окружающими своего поведения у исследуемых групп пациенток в отличие от здоровых женщин отражено в средних шкальных оценках по шкале «социальная неадаптивность» ($7,80 \pm 1,343$ – Гр.1, $9,71 \pm 1,074$ – Гр.2, $8,45 \pm 1,270$ – Гр.3, $1,40 \pm 1,155$ – норма; $p < 0,01$). Пациентки несмотря на упомянутые выше психологические девиации склонны недооценивать имеющиеся у них проблемы с лишним весом. Снижение уровня социальной приспособляемости проявляется у пациенток в недостаточной способности к пониманию нюансов межличностных отношений. Так, зачастую пациентки склонны не замечать настойчивых просьб супругов похудеть: сравнение себя с другими женщинами не вызывает отчетливых и радикальных стремлений изменить ситуацию даже несмотря на медицинские рекомендации и предписания врачей, ограничивающие прием пищи.

Следует отметить, что у всех трех исследуемых групп женщин наряду с большей выраженностью в структуре личности вышеуказанных потенциально дезадаптивных характеристик по сравнению с женщинами без лишнего веса, присутствуют и отдельные черты, способствующие их успешной адаптации, например, пациентки достоверно не отличаются от здоровых женщин по средним показателями шкал «интровертированная направленность личности» и «невротический сверхконтроль». Иными словами, методика НЧЛ позволяет выявить и оценить так называемые личностные ресурсы для преодоления кризисной ситуации. Последнее обстоятельство следует подчеркнуть, так как это «позитивная» мишень для проведения когнитивно-поведенческой психотерапии в общем комплексе психологической коррекции женщин репродуктивного возраста с излишней массой тела.

Литература

1. Вассерман, Л.И. *Совладание со стрессом: теория и психодиагностика: учебно-методическое пособие* / Л.И. Вассерман, В.А. Абабков, Е.А. Трифонова; под науч. ред. проф. Л.И. Вассермана. – СПб.: Речь, 2010. – 192 с.
2. Вассерман, Л.И. *О системном подходе к оценке психической адаптации* / Л.И. Вассерман, М.А. Беребин, Н.И. Косенков // *Обозрение психиатрии и медицинской психологии им. В.М. Бехтерева*. – 1994. – №3. – С. 16–25.

3. Психологическая диагностика невротических черт личности: методические рекомендации / Л.И. Вассерман, Б.В. Иовлев, О.Ю. Щелкова, К.Р. Червинская. – СПб., 2003. – 31 с.

4. Вознесенская, Т.Г. Невротические аспекты церебрального ожирения / Т.Г. Вознесенская // Журн. невропатол. и психиатрии им. С.С. Корсакова. – 1989. – Т. 89, № 11. – С. 33–37.

5. Ожирение / под ред. Н.А. Белякова, В.И. Мазурова. – СПб.: Изд. дом СПб МАПО, 2003. – 520 с.

6. Приленский, Б.Ю. Пограничные нервно-психические нарушения у пациентов с зависимым пищевым поведением (клинико-реабилитационный аспект) / Б.Ю. Приленский, А.В. Приленская. – Тюмень, 2009. – 22 с.

Поступила в редакцию 9 октября 2010 г.

Вассерман Людвиг Иосифович. Доктор медицинских наук, кафедра медицинской психологии и психофизиологии факультета психологии СПбГУ, профессор, лаборатория клинической психологии и психодиагностики Санкт-Петербургского научно-исследовательского психоневрологического института им. В.М. Бехтерева, руководитель лаборатории: psy-lab@inbox.ru.

Ludwig I. Wasserman. PsyD, professor of the Chair of Medical psychology and psychophysiology, Faculty of psychology, The St.-Petersburg University, head of the Laboratory of Clinical psychology and psychodiagnostic, St.-Petersburg V.M. Bekhterev psychoneurological research institute: psy-lab@inbox.ru.

Святенко Людмила Владимировна. Аспирант лаборатории клинической психологии НИПНИ им. В.М. Бехтерева: psy-lab@inbox.ru.

Ludmila V. Svyatenko. Postgraduate student of the Laboratory of Clinical psychology and psychodiagnostic, St.-Petersburg V. M. Bekhterev psychoneurological research institute: psy-lab@inbox.ru.

Научные работы студентов, магистров и аспирантов

УДК 616-052+159.923.4
ББК Ю948+Р621.4

ОСОБЕННОСТИ ЛИЧНОСТИ БОЛЬНЫХ ХРОНИЧЕСКИМ МИЕЛОЛЕЙКОЗОМ

П.А. Баженова, О.Ю. Щелкова

Рассматриваются психологические характеристики больных хроническим миелолейкозом в рамках их возможного влияния на низкую комплаентность пациентов при лечении заболевания. В статье освещены результаты исследования конституционально-динамических, индивидуально-типологических характеристик больных, а также их доминирующих эмоциональных состояний.

Ключевые слова: хронический миелолейкоз, комплаенс, лечебный процесс, темперамент, индивидуально-типологические особенности, доминирующие состояния.

Введение

Хронический миелолейкоз (ХМЛ) – первый описанный лейкоз в истории медицины, кроме этого, это первый лейкоз, при котором обнаружена специфическая генетическая аномалия [7]. ХМЛ вызывается появлением «Ph-хромосомы» (Филадельфийской хромосомы) – нарушением в клетках костного мозга, приводящим к образованию избыточного количества лейкоцитов [1]. Это хроническое онкогематологическое заболевание, которое до недавнего времени было неизлечимо. Все изменилось с появлением нового препарата, который уничтожает опухолевые клетки на молекулярном уровне. Выживаемость составила 90 % [3, 8, 9]. Но главным условием лечения этим препаратом является необходимость принимать его регулярно, на протяжении всей жизни придерживаться точной схемы приема и соблюдать все предписания врача, иначе несоблюдение рекомендаций может привести к неблагоприятным последствиям. При выполнении этого условия терапии врачи столкнулись со следующей проблемой: если в течение первого года лечения пациенты, находясь под постоянным мониторингом, соблюдают лекарственный режим, то после того как картина анализов крови нормализуется, большинство пациентов начинают пропускать дозы препарата. Такие перерывы могут спровоцировать не только рецидив заболевания, но и ремиссии уже будет значительно трудней добиться, так как у большинства пациентов к этому времени развивается резистентность к препарату. Для решения этой проблемы впер-

вые были проведены школы для больных ХМЛ в 2006 году, которые устраивались на регулярной основе, и на сегодняшний день больные ХМЛ получают подробную информацию о своем заболевании [6].

Кроме того, врачами-гематологами был отмечен ряд психологических черт, которые могут, в свою очередь, объяснить низкую комплаентность пациентов. Среди них: пассивность; зависимость; склонность строить далеко идущие планы и преувеличивать свои способности, при этом на деле пациенты ничего не делают для улучшения и преобразования своего качества жизни; рассеянность и вялость, апатия, хотя на словах пациенты настаивают на том, что у них «все хорошо» и многие другие черты. При этом врачи отрицают возможность развития таких особенностей на фоне заболевания, утверждают, что многие черты являются преморбидными, так как они прослеживаются у большинства пациентов вне зависимости от стадии и длительности ХМЛ. Это послужило основанием выбора темы настоящего исследования, целью которого является: **изучить психологические особенности личности, потенциально значимые для формирования «терапевтического поведения» больных ХМЛ.**

Задачи: изучить конституционально-динамические особенности психической деятельности (структуру темперамента) лиц, страдающих ХМЛ и индивидуально-типологические особенности личности больных ХМЛ; выявить доминирующие эмоциональные состояния больных ХМЛ.

Методы исследования: использовался комплекс психодиагностических методов – «Опросник структуры темперамента» (ОСТ) [4]; «Индивидуально-типологический опросник» (ИТО) [5]; «Методика определения доминирующего состояния» (ДС) [2].

Материалом исследования послужили данные психологического исследования 25 больных ХМЛ, среди них 12 мужчин и 13 женщин: средний возраст изученных больных составил 48 и 64 года соответственно. Исследование проводилось в Федеральном центре сердца, крови и эндокринологии им. В.А. Алмазова, а также на базе Санкт-Петербургского государственного медицинского университета им. И.П. Павлова.

Результаты исследования были получены путем математико-статистического сопоставления показателей психодиагностических методик, полученных на группе больных ХМЛ, и нормативных данных, полученных авторами методик на здоровом населении.

При анализе результатов исследования структуры темперамента больных ХМЛ выявлено, что по всем шкалам методики ОСТ значения шкальных оценок изученных больных ХМЛ оказались в диапазоне средних значений. Это отражает умеренную выраженность изученных восьми свойств темперамента и их сбалансированную структуру. В то же время показатели всех восьми шкал методики ОСТ в группе больных оказались ниже соответствующих показателей в нормативной выборке, что указывает на некоторую сглаженность проявлений темперамента в группе больных ХМЛ по сравнению со здоровыми. Получены статистически значимые различия ($p < 0,01$) по параметру «температура психомоторных реакций», что отражает замедление скорости двигательных операций при осуществлении предметной деятельности больными ХМЛ по сравнению с нормой.

Помимо шкальных оценок методики ОСТ были вычислены основные «индексы темперамента человека» [4], результаты представлены в таблице.

Из таблицы видно, что по своим темпе-

раментным характеристикам лица, страдающие ХМЛ, приближаются в среднем к низко-эмоционально-пассивному типу (близок к типу флегматика в классической терминологии). Это соответствует клиническим наблюдениям низкого комплайенса (пассивного отношения к лечению или отказа от лечения) у данной категории больных.

При анализе результатов исследования индивидуально-типологических особенностей с помощью методики ИТО показано, что акцентуированными чертами личности больных ХМЛ являются: спонтанность (повышенная самооценка и стремление к лидерству), ригидность (непластичность, неспособность менять линию поведения в соответствии с изменением реальной жизненной ситуации), сензитивность, а также тревожность. Подобное сочетание акцентуированных черт личности является дисгармоничным и обуславливает затруднения социальной и психологической адаптации, в том числе адаптации личности к болезни, и нарушения комплайенса.

При анализе результатов исследования доминирующего состояния получены статистически значимые различия между больными ХМЛ и нормативной группой по параметрам: «Активное-пассивное отношение к жизненной ситуации» ($p < 0,001$), «Спокойствие-тревога» ($p < 0,05$), «Удовлетворенность-неудовлетворенность жизнью» ($p < 0,01$). Полученные результаты свидетельствуют о том, что больным ХМЛ присуще существенно более пассивное отношение к жизненной ситуации, чем здоровым, в оценке многих жизненных ситуаций преобладает пессимистическая позиция, неверие в возможность успешного преодоления препятствий. Больным ХМЛ по сравнению со здоровыми также свойственна меньшая тревожность, беспокоейство и большая уверенность в себе. Показатель шкалы «Удовлетворенность жизнью» у больных ХМЛ также оказался статистически значимо выше, чем в норме. Полученный результат отражает стремление пациентов показать собственную успешность, удовлетворенность

Индексы темперамента

Индексы темперамента человека (Русалов В.М., 1992)	Больные ХМЛ (n = 25)	Здоровые (n = 891)	Достоверн. различий
Индекс общей эмоциональности (ИОЭ = ЭМ + СЭМ)	11,26±6,07	12,42	–
Индекс предметной активности (ИПА = ЭР + П + Т)	16,57±7,82	21,50	$p < 0,01$
Индекс социальной активности (ИСА = СЭР + СП + СТ)	17,65±6,5	21,05	$p < 0,05$
Индекс общей активности (ИОА = ИПА + ИСА)	34,65±12,33	42,55	$p < 0,01$

самореализацией, способность брать на себя ответственность, делать свой выбор, преодолевать трудности в его реализации. Следует отметить, что предъявляемый больными стереотип поведения не находит подтверждения в результатах клинико-психологического наблюдения за больными и отчетами врачей о поведении больных в лечебном процессе.

Выводы

1. По своим темпераментным характеристикам лица, страдающие ХМЛ, приближаются в среднем к низкоэмоционально-пассивному типу. Наиболее отличной от здоровых лиц динамической характеристикой психической деятельности больных является замедление темпа психомоторных реакций.

2. В структуре личности больных ХМЛ выявляется дисгармоничное сочетание акцентуированных черт спонтанности, ригидности, сензитивности и тревожности.

3. В структуре эмоционального состояния больных ХМЛ выявляется также дисгармоничное сочетание пассивного отношения к жизни, удовлетворенность ею, а также пониженный уровень тревожности, обеспокоенности актуальной жизненной ситуацией.

4. Полученные данные могут быть использованы при психологическом сопровождении лечебного процесса, в частности в работе «школ пациентов», а также при планировании психокоррекционной и социо-реабилитационной работы с больными, страдающими хроническими онкогематологическими заболеваниями.

Литература

1. Зарицкий, А.Ю. Хронический миелолейкоз / А.Ю. Зарицкий // Клиническая онкогематология. Фундаментальные исследования и клиническая практика. – 2008. – № 1. – С. 93–95.
2. Куликов, Л.В. Руководство к методи-

кам диагностики психических состояний, настроений и сферы чувств и психологической устойчивости личности. Описание методик, инструкций по применению / Л.В. Куликов. – СПб.: СПГУ, 2003. – 80 с.

3. Лория, С.С. Эффективность и безопасность терапии иматинибмезилатом (Гливеком) больных хроническим миелолейкозом в фазе акселерации / С.С. Лория, Е.С. Курова, С.В. Сёмочкин // Вопросы гематологии, онкологии и иммунопатологии в педиатрии. – 2002. – № 1 – С. 66–71.

4. Русалов, В.М. Опросник структуры темперамента / В.М. Русалов. – М.: Институт психологии РАН, 2007. – 36 с.

5. Собчик, Л.Н. Диагностика индивидуально-типологических свойств и межличностных отношений / Л.Н. Собчик. – СПб.: Изд. «Речь», 2003. – 95 с.

6. Российский регистр больных хроническим миелолейкозом / А.Г. Туркина, О.Ю. Виноградова, Н.Д. Хорошко, А.И. Воробьев // Гематология и трансфузиология. – 2007. – № 2 – С. 7–11.

7. Туркина, А.Г. Ингибитор сигнальных путей STI 571 (Signal Transductor Inhibitor) – новое направление в лечении хронического миелолейкоза / А.Г. Туркина // Современная онкология. – 2001. – Т. 3, № 2. – С. 46–48.

8. Baccarani, M. Evolving concepts in the management of chronic myeloid leukemia. Recommendations from an expert panel on behalf of the European leukemiaNet / M. Baccarani, G. Saglio, J. Goldman // Blood. – 2006. – 108. – P. 1809–1820.

9. Hochhaus, A. IRIS 6-year follow-up: sustained survival and dealing annual rate of transformation in patients with newly diagnosed chronic myeloid leukemia in chronic phase (CML-CP) treated with Imatinib / A. Hochhaus, B. Druker, R. Larson // Blood. – 2007. – 110. – abstr. 25.

Поступила в редакцию 6 сентября 2010 г.

Баженова Полина Александровна. Аспирантка кафедры медицинской психологии и психофизиологии, Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург: polina_bazhenova@list.ru.

Polina A. Bazhenova. Post-graduate of Department of Clinical Psychology and Psychophysiology, St. Petersburg State University: polina_bazhenova@list.ru.

Щелкова Ольга Юрьевна. Кандидат психологических наук, доцент кафедры медицинской психологии и психофизиологии, Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург: I-AM-THE-GOD@yandex.ru.

Olga Yu. Shchelkova. Ph. D., Assistant Professor, Department of Clinical Psychology and Psychophysiology, St. Petersburg State University: I-AM-THE-GOD@yandex.ru.

Рецензии

ОТ РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ

В сентябре 2010 года на факультете психологии Южно-Уральского государственного университета прошла презентация первого в России «Ежегодника профессиональных рецензий психодиагностических методик». Идея выпуска «Ежегодника» была предложена деканом факультета психологии ЮУрГУ Н.А. Батуриным полтора года назад на форуме сайта НТ «Гуманитарные технологии». У Ежегодника есть прообраз – американское издание «Ежегодник ментальных измерений» (*Mental Measurements Yearbook*, ММУ, www.unl.edu/buros), первый том которого вышел еще в 1938 году в США. На сегодняшний день выпущено 17 томов этого «ежегодника». Автором идеи издания ММУ был Оскар К. Бьюрос, именем которого сейчас назван институт, создающий и выпускающий ММУ, а также другое, связанное с ним издание, – компендиум «Издаваемые тесты» – *Tests in print* (сейчас вышли уже восемь выпусков). За десятилетия своего существования ММУ создал традицию, по которой каждый пользователь тестов хорошо знает, где и как найти независимую и компетентную оценку-рецензию на интересующий их инструмент, а каждый тест-девелопер или издатель еще лучше знает, что самый надежный путь к коммерческому успеху их продукта – через репутацию в ММУ.

Аналогичное издание на русском языке было задумано с тем, чтобы стать и форумом для разра-

ботчиков, и каталогом для пользователей, и общим ориентиром качества русскоязычной психометрической продукции. Работа над выпуском отечественного «Ежегодника» постепенно превратилась в общероссийский проект. В рецензировании методик принимали участие 40 высококвалифицированных специалистов – членов Коллегии рецензентов, из которых 20 докторов психологических наук, 20 – кандидаты наук, все без исключения опытные и квалифицированные специалисты в области психодиагностики. В целом они представляют почти полную географию России: от Санкт-Петербурга до Омска, всего из 14 городов России. Многие из них являются сотрудниками ведущих психологических организаций России: ИП РАН, ПИ РАО, МГУ, ВШЭ, СПбГУ, ЮУрГУ, ОмГУ, ППГУ и др. Кроме того, среди рецензентов и членов редколлегии есть и наши соотечественники, живущие в различных странах мира (Австралии, Англии, Германии), что, по нашему мнению, добавляет стереометричность в критический «взгляд» на отечественную психодиагностику.

Редакционная коллегия «Ежегодника» и редакционная коллегия серии «Психология» Вестника ЮУрГУ приняли решение о публикации наиболее интересных рецензий, включенных в первый выпуск «Ежегодника». Вниманию читателей предлагается первая из таких рецензий.

РЕЦЕНЗИЯ НА МЕТОДИКУ «ШКАЛА СУБЪЕКТИВНОГО ПЕРЕЖИВАНИЯ ОДИНОЧЕСТВА» (автор С.В. Духновский)

А.Г. Виноградов

Описание теста

Характеристика концепта и конструкта методики. В разделе руководства «Одиночество: определение понятий» автор сравнивает несколько определений феномена одиночества, данные различными авторами (В.Л. Леви, С.Л. Вербицкой, Г.М. Тихоновым и др.). Общим для всех этих определений является указание на неудовлетворенность интенсивностью и характером взаимоотношений с другими людьми, сопровождающуюся тягостными переживаниями. Согласно автору, шкала субъективного переживания одиночества (СПО) базируется на представлении о том, что одиночество является следствием дисгармонии межличностных отношений, индикаторами которых выступают их напряженность, конфликтность, агрессивность, а также степень близости–отдаленности между субъектами. Автор указывает, что типичными эмоциональными состояниями одиноких людей являются «отчаянье, тоска, нетерпение, ощущение собственной непривлекательности, беспомощность, подавленность, внутренняя опустошенность, скука, утрата надежд, изоляция, жалость к себе, скованность, раздражительность, незащищенность, покинутость, меланхолия, отчужденность» [1, с. 6]. В целом состав вопросов шкалы хорошо отображает перечисленные переживания, поэтому можно говорить о достаточно полной операционализации измеряемого конструкта. Тем не менее в шкале имеются пункты (например, № 6 и № 9), слабо связанные по содержанию с основным конструктом.

Обращает на себя внимание, что и название шкалы, и родовые понятия во всех определениях (переживание, ощущение, состояние) указывают на психические феномены динамического характера, однако формулировка ряда ее пунктов и частично интерпретация свидетельствуют о направленности на измерение достаточно стабильных во времени характеристик, которые относятся скорее к чертам личности, нежели к транзиторным состояниям.

Следует также отметить, что уже в определении основного конструкта содержится указание на его возможную многомерность, поскольку степень отдаленности субъектов отношений (например, вследствие объективных обстоятельств), вызывающая тягостные эмоциональные переживания, может и не сопровождаться повышением конфликтности и напряженности отношений.

Если сравнить состав вопросов СПО с пунктами шкалы одиночества Калифорнийского университета [4], включающим приблизительно такое же количество вопросов (20), можно заметить значительное смысловое пересечение, хотя пункты последнего несколько более разнообразны и конкретны, а также в меньшей мере акцентируют отрицательные переживания.

Подробное описание шкал с указанием количества заданий в каждой шкале. Методика состоит из единственной шкалы, измеряющей степень выраженности переживания одиночества. Она включает в себя 17 вопросов с одинаковым форматом ответа: 1 – полностью не согласен, 2 – согласен в малой степени, 3 – согласен почти наполовину, 4 – согласен наполовину, 5 – согласен более чем наполовину, 6 – согласен почти полностью, 7 – согласен полностью. Такая дробная шкала, с одной стороны, является преимуществом методики, поскольку позволяет получать дифференцированные оценки измеряемого качества. С другой стороны, чрезмерная детализация может не соответствовать способности испытуемых проводить настолько тонкие различия в степени согласия, что будет приводить к завышению согласованности ответов вследствие действия установочных факторов.

13 вопросов шкалы имеют прямой ключ и только четыре вопроса – обратный. Такая композиция может приводить к смещениям оценок под влиянием установки на согласие. Впрочем, анализ корреляции обратных пунктов с суммарным баллом не свидетельствует о выраженности данного феномена.

В качестве стандартной шкалы использу-

ется шкала стенов (десять целочисленных баллов, стенов от 1 до 3 соответствуют низкой степени выраженности переживания одиночества, стенов от 8 до 10 – высокой).

Анализ руководства к тесту. Методика сопровождается подробным руководством на 18 страницах, совмещающим в себе как техническое руководство, так и руководство пользователя. В руководстве приведена информация об измеряемом конструкте, краткое описание процедуры создания шкалы, данные о валидности (конструктивной и критериальной) и надежности (согласованности пунктов, устойчивости к перетестированию), нормативные данные и указания по интерпретации. Следует отметить, что инструкции проводящему тестирование краткие и достаточно понятные опытному пользователю, однако начинающий психодиагност может столкнуться с определенными трудностями.

В руководстве без детализации указано, что шкала СПО может использоваться в практических и исследовательских целях, однако не содержится информации об ограничениях (по возрасту, уровню образования испытуемых, клиническому применению, квалификации пользователя и т. п.).

Требования к квалификации психодиагност. Методику могут использовать как психологи-исследователи, так и консультанты. Учитывая чувствительный характер получаемых данных (переживание одиночества вследствие дисгармоничных отношений), обратную связь по результатам тестирования должны предоставлять специалисты, имеющие высшее психологическое образование и опыт консультирования.

Особенности процедуры проведения (администрирования). Руководство не включает подробных инструкций по проведению тестирования, инструкция испытуемому очень короткая и не содержит важных пояснений (например, о цели исследования, периоде времени, который следует иметь в виду, отвечая на вопросы и т.п.)

Инструкции по обработке результатов и таблицы перевода в шкальные оценки. Процедура подсчета суммарного балла описана кратко и понятно для опытного пользователя. Однако ключи имеют определенный минус: каждый из пунктов шкалы вносит вклад в суммарный балл, который равен как минимум единице. В результате минимальный балл по шкале не может принимать значение, меньшее количества вопросов (т. е. 17). Во всех

психологических тестах наименьший возможный суммарный балл обычно имеет нулевое значение. Таблица перевода «сырых» баллов в стенов на с. 17 руководства указывает, что один стено присваивается, когда суммарный балл равен 12 и менее, а два стено – при суммарном балле от 13 до 20. Таким образом, выходит, что низкие значения по шкале практически невозможно получить. Данная ситуация является следствием того, что распределение баллов, по-видимому, сильно скошено влево (к сожалению, в руководстве нет гистограммы распределения или подробных данных о таких описательных статистиках, как медиана, минимум, максимум, скошенность и крутизна). Для коррекции скошенности распределения следовало бы проводить не линейную стандартизацию, а процентильную нормализацию.

Расчет нормативных показателей проводится для единственной общей выборки в 507 человек (граждане России, практически здоровые, добровольцы). Если судить по косвенным данным, выборка не включала лиц старшего возраста.

Инструкции по интерпретации результатов и обратной связи. Руководство включает краткую интерпретацию высокого, среднего и низкого значения по шкале, которая предназначена опытному психологу. В качестве обратной связи испытуемому или другим лицам она не годится, поскольку требует согласования с объективными обстоятельствами испытуемого, его потребностями и уровнем понимания. Примеры предоставления обратной связи в различных типичных и нетипичных ситуациях в руководстве не рассматриваются.

Интерпретация полученных баллов предполагает слишком расширенное толкование, часто отсылающее к устойчивым личностным чертам, для которых в руководстве не приведено убедительных эмпирических аргументов (например, вывод о выраженности организаторских свойств, адекватности управления поведением) (с. 15 руководства). К тому же не указывается, какая дополнительная информация может оказаться важной при интерпретации балла (пол, возраст, уровень образования, семейное положение, текущая ситуация, данные по другим методикам).

Разработка и психометрические характеристики методики

Принцип отбора заданий (пунктов, утверждений). Процедура построения шкалы состояла из нескольких этапов. На основании

анализа литературы сначала был создан список из 137 прилагательных, описывающих различные аспекты субъективного переживания чувства одиночества, на основании которых были сформулированы суждения. Затем на достаточно большой и разнородной по возрасту выборке в 330 испытуемых (167 женщин и 163 мужчины). Возраст испытуемых варьировал от 22 до 46 лет (следует отметить отсутствие в выборке пожилых людей). На основании описательных статистик – трудности задания и характера распределения – из этого массива было отобрано 43 суждения (в руководстве не указывается, какие именно параметры и их количественные значения были использованы для отбора).

Затем, на основании индекса трудности задания (средний балл по шкале 0,16 и не более 0,84) и корреляции с суммарным баллом (значение не уточняется) была сформирована окончательная шкала из 17 суждений. В окончательной шкале корреляции пунктов с суммарным баллом варьируют в пределах от 0,3 до 0,6).

Хотя в руководстве имеется упоминание об использовании однофакторного анализа для проверки гомогенности шкалы, однако ни детали проведенного анализа, ни его результаты или использованные критерии не сообщаются. Поэтому вопрос о ее одномерности и факторной структуре остается открытым.

Выборки и апробации (объем и состав). При разработке шкалы использовались данные следующих групп испытуемых на различных этапах.

- Создание шкалы: выборка 330 испытуемых (167 женщин и 163 мужчины). Возраст варьировал от 22 до 46 лет, уровень образования и другие демографические характеристики не указаны.

- Определение ретестовой надежности: выборка 73 испытуемых (42 женщины и 31 мужчина) путем повторного тестирования через 3 недели. Возраст, уровень образования и другие демографические характеристики не указаны.

- Проверка конструктивной валидности: выборка 177 человек (98 женщин и 79 мужчины), Возраст, уровень образования и другие демографические характеристики не указаны.

- Проверка критериальной валидности: 40 мужчин с диагнозом: последствия закрытой черепно-мозговой травмы, гипертензионный синдром. Группа здоровых испытуемых

состояла из 73 мужчин и 81 женщины. Возраст, уровень образования и другие демографические характеристики не указаны.

- Расчет нормативных показателей: выборка 507 человек, граждане России, практически здоровые, прошедшие обследование по собственной инициативе (243 мужчины средний возраст 33,4 лет и 264 женщины, средний возраст 31,7 лет), уровень образования и другие демографические характеристики не указаны

Надежность (виды, статистические процедуры, величины коэффициентов). В руководстве приведены данные о надежности–согласованности и устойчивости к перетестированию. Надежность–согласованность проверялась на выборке 330 человек в возрасте от 22 до 46 лет, из них 167 женщин, 163 мужчины. Альфа Кронбаха на этой выборке оказался равен 0,75. Метод Спирмена–Брауна расщеплением пополам дал значение, равное 0,80 (не уточняется, как именно набор заданий делился на две части: четные/нечетные или первая половина/вторая половина). К сожалению, данные о надежности–согласованности шкалы не приводятся для выборки стандартизации (обычно на этом этапе альфа дает менее оптимистичные значения). Основываясь на данных по согласованности, стандартная ошибка измерения для СПО равна 1 стеву.

Для надежности–стабильности в руководстве упоминается о том, что коэффициенты корреляции между баллами первого и второго тестирования с перерывом в 3 недели находятся в диапазоне 0,53–0,78. Однако реально приведено описание только одной выборки со значением корреляции 0,53.

В целом шкала имеет неплохие показатели надежности. Однако аналогичная шкала демонстрирует более высокие результаты: согласованность 0,86–0,94 и стабильность через год 0,73 [4]. Таким образом, надежность–стабильность в целом существенно ниже, чем для большинства подобных тестов и сильно отличается от согласованности, что дает основание говорить о том, что СПО измеряет скорее состояние, нежели устойчивые характеристики личности. Однако свой вклад в низкую стабильность могла внести и чрезмерно дифференцированная шкала ответов.

Валидность (виды, статистические процедуры, величины коэффициентов). Конструктивная валидность шкалы СПО устанавливалась путем соотнесения баллов, полученных по методике, с показателями ряда психологи-

ческих опросников. В руководстве упоминается несколько исследований, но приводится только совокупный объем выборки: 177 человек (98 женщин и 79 мужчин). Наибольшая теснота связи зафиксирована для шкал ПЧО (профиль чувств в отношениях; автор Л.В. Куликов), СОМО (субъективная оценка межличностных отношений; автор С.В. Духновский) и ШСБ (шкала субъективного благополучия; адаптированный М.В. Соколовой вариант опросника Ж. Перудэ-Баду). Так, для ПЧО получены следующие значения коэффициентов корреляции Пирсона ($p < 0,01$): Гедонистические чувства ($-0,63$), Астенические чувства ($0,45$), Меланхолические чувства ($0,38$), Сближающие чувства ($-0,57$), Удаляющие чувства ($0,49$).

Для шкал методики СОМО приводятся следующие корреляции с баллом по СПО: Напряженность отношений ($0,51$), Отчужденность отношений ($0,47$), Конфликтность отношений ($0,41$), Агрессивность в отношениях ($0,39$), Индекс дисгармоничности отношений ($0,54$). Все корреляции значимы ($p < 0,05$).

Корреляция СПО со шкалой субъективного неблагополучия достигла впечатляющей величины $0,62$ ($p < 0,05$). Объемы выборок для рассмотренных связей в руководстве не приведены, но величина значимости косвенно указывает на то, что количество испытуемых вряд ли было большим (при выборке 30 испытуемых корреляция $0,449$ и более значима на уровне $p < 0,01$). Поэтому такие тесные зависимости не должны вызывать удивления, поскольку в небольших выборках их можно наблюдать при наличии выбросов. Если же выборки были значительны по объему, теснота связи, приближающаяся к $0,7$ могла бы быть свидетельством недостаточной дискриминантной валидности СПО.

Корреляции шкалы СПО со шкалами двух других методик значительно меньше, но также ясно указывают на ее конструктивную валидность. Так, связи с показателями методики ДС-8 оказались такими: Тонус высокий – низкий ($0,37$), Спокойствие – тревога ($0,36$), Устойчивость – неустойчивость эмоционального тона ($0,37$), $p < 0,05$.

Шкальные оценки методики СПО имеют значимые корреляционные связи с показателями по шкалам 16-факторного личностного опросника Р. Кеттелла: Эмоциональная неустойчивость – эмоциональная устойчивость ($-0,29$), Озабоченность – беспечность ($-0,30$), Робость – социальная смелость ($-0,29$), Само-

уверенность – склонность к чувству вины ($0,29$), Зависимость от группы – Самодостаточность ($0,30$), Низкий – высокий самоконтроль поведения ($-0,26$), Расслабленность – напряженность ($0,33$), $p < 0,05$. Все указанные корреляции отражают ожидаемые зависимости, соответствуют результатам западных исследований для аналогичных тестов и свидетельствуют о конструктивной валидности СПО.

В руководстве также приведены данные исследования критериальной валидности СПО, определявшейся на основании сравнения контрастных групп. Клиническая группа состояла из 40 мужчин с диагнозом «последствия закрытой черепно-мозговой травмы, гипертензионный синдром», пациентов психоневрологического госпиталя для ветеранов войн. Группа здоровых испытуемых состояла из 73 мужчин и 81 женщины. При сравнении средних значений в двух группах критерий Стьюдента оказался равным $3,9$ (192 степеней свободы, $p < 0,001$). Показатель величины эффекта Коэна d для данного случая оказался равным $0,56$ (средний эффект). Не совсем понятно, почему именно это сравнение было выбрано для демонстрации критериальной валидности СПО и о чем именно свидетельствуют полученные данные, поскольку из приведенной информации не ясно, каким образом наличие черепно-мозговой травмы должно приводить к возрастанию исключительно чувства одиночества вследствие дисгармонии отношений. Кроме того, неясным остается также принцип отбора испытуемых в контрольную группу.

Гораздо более показательным для демонстрации критериальной валидности СПО было бы сравнение групп, отличающихся по возрасту, семейному положению или степени объективной социальной изоляции.

Нормы (разновидности и объем выборок стандартизации) и расчет нормативных показателей проводились для единственной общей выборки в 507 человек (граждане России, практически здоровые, прошедшие обследование по собственной инициативе). Таким образом, выборка не является случайной, включает только добровольцев, следовательно, возможность делать выводы о степени выраженности измеряемого свойства для испытуемых из иной генеральной совокупности весьма проблематична. Сравнение средних значений мужчин и женщин показало, что значимые различия по полу отсутствуют. К сожалению, не производилось сравнений

групп, различающихся по возрасту, семейному положению или иным важным параметрам, нормативные данные для таких групп также отсутствуют.

В руководстве указано, что нормативная выборка состояла из 243 мужчин (средний возраст 33,4 лет) и 264 женщин (средний возраст 31,7 лет). При отсутствии стандартных отклонений трудно судить, в каком диапазоне варьирует возраст испытуемых, однако, если судить по косвенным данным, в выборке отсутствовали лица старше 60 лет, что является существенным ограничением приведенных норм.

Заключение

Общая оценка качества теста (достоинства и ограничения). СПО представляет собой краткий и удобный в применении инструмент, обладающий достаточной внутренней согласованностью и конструктивной валидностью. Его ограничениями являются отсутствие репрезентативных нормативных данных, исключение из выборки стандартизации лиц старшего возраста, ошибки при построении таблицы перевода сырых баллов в стандартизованные показатели, а также недостаточно обоснованная интерпретация результатов, не предполагающая к тому же учет дополнительной информации об испытуемом.

Соответствие инструмента оцениваемым функциям и заявленным областям применения. В целом шкала соответствует цели получения диагностической информации о выраженности субъективного переживания одиночества. Ее можно с успехом использовать при проведении психологических исследований, индивидуальном консультировании и в клинической работе.

Рекомендации по развитию инструмента. Повышению качества и расширению области использования данного инструмента могли бы способствовать следующие шаги.

- Улучшение качества вопросов: устранение парафраз, введение равного количества

пунктов с прямым и обратным ключом для коррекции смещений, вызываемых установкой на согласие, изменение формата ответов; создание короткой формы шкалы, пригодной для включения в анкету при массовых опросах.

- Изучение факторной структуры шкалы, получение доказательств ее одномерности [4]; разработка дополнительных субшкал, предназначенных для фиксации эмоционального и социального одиночества, одиночества в близких отношениях и т. п. [3].

- Сбор данных для создания репрезентативных норм, получение норм представителей.

- Получение дополнительных свидетельств критериальной валидности шкалы.

- Совершенствование интерпретации результатов с учетом дополнительной социально-демографической информации об испытуемом, данных о его текущей ситуации и информации по другим тестам.

Литература

1. Духновский, С.В. Шкала субъективно-го переживания одиночества / С.В. Духновский. – Ярославль, НИЦ «Психодиагностика», 2007. – 18 с.
2. De Jong Gierveld, J. A 6-Item Scale for Overall, Emotional, and Social Loneliness / J. De Jong Gierveld, T. Van Tilburg // *Research on Aging*. – 2006. – Vol. 28, No. 5. – P. 582–598.
3. McWhirter, B.T. Factor analysis of the revised UCLA loneliness scale / B.T. McWhirter // *Current Psychology*. – 1990. – Vol. 9, No. 1. – P. 56–68.
4. Russell, D. The UCLA Loneliness Scale (Version 3): Reliability, validity, and factor structure / D. Russell // *Journal of Personality Assessment*. – 1996. – Vol. 66. – P. 20–40.
5. Schmidt, N. Measuring loneliness in different relationships / N. Schmidt & V. Serfaty // *Journal of Personality and Social Psychology*. – 1983. – Vol. 44. – P. 1038–1047.

Поступила в редакцию 7 октября 2010 г.

Александр Геннадиевич Виноградов. Кандидат психологических наук, доцент факультета социальных наук и социальных технологий Национального университета «Киево-Могилянская академия».

Alexandr G. Vinogradov. Candidate of psychological sciences, docent of Faculty of Social Sciences and Social Technologies, National University «Kyiv-Mohyla Academy».

Научная жизнь

УДК 616.89+159.9
ББК Ю953

II ВСЕРОССИЙСКАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «СОВРЕМЕННАЯ ПСИХОДИАГНОСТИКА В ПЕРИОД ИННОВАЦИЙ» (г. Челябинск, 8–10 сентября 2010 г.)

Л.Г. Матвеева, Е.С. Первухина

8–10 сентября 2010 г. в Челябинске прошла II Всероссийская научная конференция «Современная психодиагностика в период инноваций». В ее работе приняли участие 327 человек из многих регионов России, ближнего зарубежья (Молдовы, Украины, Казахстана), а также гости из Австралии, Великобритании. Работало 10 секций, проведены 2 открытые лекции и 1 мастер-класс. Секции посвящены различным аспектам психодиагностики и ее особенностям в различных отраслях профессиональной деятельности. Были отмечены изменения, произошедшие в психодиагностике за последние два года, а также пути дальнейшего выхода психодиагностике из кризиса.

Ключевые слова: конференция, психодиагностика, тест, информационные технологии, профессиональное сообщество, профессиональное взаимодействие, резолюция.

Что такое психодиагностика и тестирование? Что такое тест и диагностический метод? Стоит ли слепо следовать западным традициям тестологии или необходимо вспомнить традиции отечественной психодиагностики? Сколько у нас в стране психодиагностов и что с ними делать? Есть ли выход из кризиса психодиагностики и как его найти?

На эти и другие вопросы пытались найти ответы участники ставшей уже традиционной II Всероссийской научной конференции «Современная психодиагностика в период инноваций», организованной кафедрой «Психологическая диагностика и консультирование» факультета психологии Южно-Уральского государственного университета, состоявшейся в Челябинске 8–10 сентября 2010 г.

В ее работе приняли участие 327 человек из Москвы, Санкт-Петербурга, Екатеринбурга, Великих Лук, Кургана, Киева, Смоленска, Томска, Тюмени, Барнаула и Петропавловска-Камчатского. Активными участниками конференции стали психологи из ближнего зарубежья: Белоруссии, Молдавии, Казахстана и Украины. В подготовку и работу конференции подключились и зарубежные коллеги из Австралии и Великобритании.

Основной задачей II Всероссийской конференции «Современная психодиагностика в

период инноваций» стал анализ изменений, произошедших в отечественной психодиагностике за последние два года, и разработка стратегических направлений ее дальнейшего развития.

Предшествовал работе конференции выездной тематической семинар «Актуальные проблемы психодиагностики», состоявшийся 5–8 сентября 2010 г. на озере Тургояк Челябинской области. Участниками семинара стали ведущие ученые, специалисты в сфере психодиагностики: Батурин Н.А. (Челябинск), Бурлачук Л.Ф. (Киев), Галажинский Э.В. (Томск), Доценко Е.Л. (Тюмень), Малых С.Б. (Москва), Маничев С.А. (Санкт-Петербург), Шмелёв А.Г. (Москва), E. Aidman (Австралия), Bartram D. (Великобритания), Lindley P. (Великобритания).

В ходе семинара в рамках свободной дискуссии проводилось обсуждение базовой терминологии: «психологическая диагностика», «тест», «психологическая методика». Обсуждались проблемы тестологии, ее история, перспективы и основные мировые тренды. Проводилось обсуждение проекта постановления «О порядке использования и описания психологических измерительных конструктов в квалификационных работах» (курсовых, дипломных, магистерских диссертациях). Ак-

тивная дискуссия развернулась при обсуждении проекта «Профессионально-этические нормативы специалиста, связанного с выполнением психодиагностической деятельности», которым планируется докончить Этический кодекс РПО (2003). Участники семинара также обсудили острые проблемы рецензирования тестов и их сертификации, отметили, что не потеряла своей актуальности и проблема обучения и сертификации пользователей психодиагностических методик.

В рамках семинара происходил обмен опытом между зарубежными и отечественными психологами по всем обозначенным выше вопросам. В обсуждении вопросов взаимовыгодного сотрудничества между ЮУрГУ (Россия) и BPS (Великобритания) принял участие ректор ЮУрГУ А.Л. Шестаков. Он обсудил с ген. директором Национального института сертификации профессиональных психологов С.А. Маничевым вопрос о создании на базе ЮУрГУ Уральского Регионального представительства Национального института сертификации профессиональных психологов, продуктов (методик) и услуг в области психодиагностики.

Многие вопросы семинара получили свое содержательное развитие на конференции 8–10 сентября 2010 г. в Челябинске.

Пленарное заседание открыл председатель оргкомитета конференции Батури Н.А. (Челябинск) докладом «Современная психодиагностика России: преодоление кризиса и решение новых проблем», в котором были проанализированы изменения, произошедшие в психодиагностике за 2 года, озвучены меры, принятые психологическим сообществом по выходу из кризиса. Николай Алексеевич проанализировал содержательные причины системной неудовлетворенности психологов-исследователей и практиков существующей психодиагностикой, отметив при этом, что за прошедшие два года психологическое сообщество заметно активизировалось и начало объединяться в научные психодиагностические школы: московскую школу А.Г. Шмелёва, ленинградскую школу СПбГУ, пермскую школу во главе с А.А. Волочковым, челябинскую школу во главе с Н.А. Батуриным, московскую школу под руководством Д.А. Леонтьева.

Важным событием, по мнению Батурина Н.А., было названо создание Экспертного сообщества психологов, организованного по инициативе Шмелева А.Г. на сайте www.ht.ru, на блогах которого регулярно обсуждаются актуальные проблемы и потребности психодиагностики. Подготовлен и издан первый

том «Ежегодника профессиональных рецензий и обзоров». Началась специализированная подготовка психодиагностов в университетах: на факультете психологии ЮУрГУ состоялся первый выпуск магистратуры «Дифференциальная психология и психодиагностика», по этому же направлению готовят магистров в Российском педагогическом университете им. Герцена в Санкт-Петербурге. Все эти события, а также наличие новых разработок технологий создания тестов явно свидетельствуют о том особом внимании, которое стало уделяться психодиагностике в психологическом сообществе.

Леонид Фокич Бурачук (Киев) в докладе «Позитивная психодиагностика: цель, методы, достижения» вспомнил об отечественных традициях в психодиагностике и призвал не только равняться на достижения зарубежной науки, но помнить и возрождать свои научные школы.

С обзором о разработках национальных и международных стандартов по тестам и тестированию выступил *Dave Bartram* (Лондон, Великобритания).

Достижениям и проблемам в практике конструирования тестов и обучении конструированию был посвящен доклад *Шмелева А.Г.* (Москва).

Интерес аудитории вызвал доклад «Имплицитная психометрика: Альтернативы технологиям самоотчета» *Евгения Эйдмана* (Аделаида, Австралия), обозначившего проблему создания методов, позволяющих диагностировать то, что человек не хочет сообщать в данный момент, и то, что человек не в состоянии в данный момент осознать.

Работу первого дня конференции продолжили вечерние лекции. «Перспективы неклассической психодиагностики» раскрыл *Леонтьев Д.А.* (Москва), озвучив те изменения взглядов на природу человека, которые произошли в научном сообществе. В качестве основного последствия данных изменений Дмитрий Алексеевич выделил расширение круга диагностических мишеней, которые уже замечены, но еще не отражены. Именно на этих мишенях – содержание и отношения; атрибутивные схемы; структурная организация; стратегии (опциональные, выбираемые, прижизненные); межуровневые регуляторы; механизмы самотрансценденции – и должна, на его взгляд, сосредоточиться психодиагностика.

Большой интерес вызвала вечерняя лекция *Н.А. Батурина* (Челябинск) «Охрана ав-

торских прав на психодиагностические методики». Докладчик подробно осветил варианты распространения нарушений имущественных авторских прав, продемонстрировал соотношение базовых юридических терминов: «личные неимущественные авторские права» и «имущественные (исключительные) авторские права». В качестве примера были приведены некоторые виды произведений (ст. 1259 ГК РФ): литературные, изобразительные, аудиовизуальные, музыкальные и прочие. Психодиагностическая методика, с точки зрения авторских прав, является, как правило, сложным («многослойным») произведением, состоящим из элементов нескольких видов произведений. В лекции были выделены защищаемые авторским правом компоненты психодиагностических методик: текст стимульного материала полностью, индивидуальная конструкция каждого субтеста, (раздела, шкалы), отдельные пункты, имеющие индивидуальные и авторские признаки и др. В список не защищаемых авторским правом компонентов психодиагностических методик вошли: теории, понятия, идеи и концепты; черты, свойства, качества, включенные в конструкт, тип заданий, вопросов, утверждений; отдельные пункты – вопросы и задания, не содержащие в себе творческого компонента, а также бланки и формы для регистрации, не содержащие сложных и креативных элементов. В заключение *Н.А. Батурина* привел примеры наложения ответственности за нарушение исключительного права на произведение, а также примеры действия исключительного права на произведения науки, литературы и искусства на территории Российской Федерации.

Второй день конференции был посвящен работе шести секций и одного мастер-класса. Работа секции «Технология создания и адаптации психодиагностических методик» (рук. *Батурина Н.А. и Мельникова Н.Н., Челябинск*) была сконцентрирована на задаче осмысления новых методов и средств, применяемых отечественными психологами при разработке психодиагностического инструментария. В ходе работы секции было заслушано девять сообщений, познакомивших слушателей с авторскими разработками последних лет. Открыл секцию доклад *Н.А. Батурина* (Челябинск), представивший процессуальный поэтапно-шаговый подход к разработке психодиагностических методик. Деятельность по разработке тестов рассматривалась как ком-

плексный проект, состоящий из 14 шагов, сгруппированных в 8 этапов. В докладе было особо подчеркнута, что последовательность шагов является не просто рекомендуемым алгоритмом, удобным для пользования, а отражает сложный процесс, состоящий из последовательности действий, закономерно вытекающих одно из другого. Также на секции были представлены сообщения, посвященные специфике диагностики разных категорий обследуемых. В частности, в сообщении *Л.А. Александровой и А.А. Лебедевой* (Москва) обсуждались особенности психодиагностической работы с лицами с ограниченными возможностями здоровья. Выступление *И.В. Васильевой* (Тюмень) было посвящено разработке опросника, предназначенного для представителей опасных профессий (сотрудники милиции, исправительных учреждений, военнослужащие в ходе выполнения боевых операций и др.)

Отдельную группу составили доклады, в которых рассматривались вопросы адаптации зарубежных методик. Так, в сообщении *Д.А. Леонтьева и Е.И. Рассказовой* (Москва) был представлен опыт апробации подросткового варианта методики неоконченных предложений Вашингтонского университета. *Е.С. Иванова* (Екатеринбург) вынесла на обсуждение полученные ею психометрические показатели методики «Торонтская алекситимическая шкала».

Также присутствовали достаточно разноплановые выступления, в которых акцент был сделан на специальных технологиях разработки тестов. *А.В. Катцов* (Самара) познакомил слушателей с исследованиями факторов противоречивости самоотчета испытуемых при диагностике личностных ценностей. Особенности диагностики факторов большой пятерки методом ипсативного опросника был посвящен доклад *А.Г. Шмелёва и О.Н. Ивановой* (Москва). Особый интерес у слушателей вызвал доклад *Е.В. Лурье* (Москва) «Разработка теста оценки ситуаций на основе модели ситуационного руководства». Значимую для становления современной психодиагностики тему затронул в своём выступлении *А.Ю. Попов* (Пермь). Его доклад о создании межвузовских исследовательских психометрических «ко-лабораторий» перешёл в развёрнутую дискуссию о возможностях и перспективах реализации такого проекта.

В целом, в выступлениях, представленных на секции, акцент делался на новизну,

внесённую авторами в процесс разработки методик, неординарность постановки диагностических задач, нестандартность теоретических подходов. Слушатели секции получили интересный опыт, познакомились с оригинальными авторскими разработками.

Секция «Психодиагностика в образовании» (рук. *Малых С.Б.*, Москва; *Матвеева Л.Г.*, Челябинск) имела выраженную практическую направленность. В докладе *Клюевой Т.Н.* (Самара) обсуждалась проблема подбора инструмента для оценки универсальных учебных действий. Доклад вызвал сильный эмоциональный отклик у участников секции – практикующих психологов образования, испытывающих острую потребность в наличии сертифицированного психодиагностического инструментария, позволяющего профессионально выполнять свои функциональные обязанности. Не менее интересным был и доклад *Волочкова А.А.* (Пермь) «Диагностика активности: результаты и перспективы», наглядно продемонстрировавший какую пользу может принести научнообоснованный, теоретически осмысленный диагностический метод на примере своей методики «Вопросник учебной активности школьника» и возможностей и перспектив ее использования в образовании.

Водяха Ю.Е. (Екатеринбург) провела сравнительный анализ подходов к измерению самооатрибуции студентов в зарубежных и отечественных исследованиях, сделав выводы о «Возможности измерения самооатрибуции учебно-профессиональной деятельности». Активную дискуссию вызвал доклад *Воробьевой И.В.* и *Кружковой О.В.* (Екатеринбург) «Особенности разработки методики мотивов вандального поведения подростков и юношей». Обсуждалась практическая значимость данного опросника.

Своими наработками поделились *Лавриченко Е.А.* (Москва), изучающая конструктивное мышление младших подростков, *Павловская Н.Г.* (Петропавловск) исследующая психологические качества, обеспечивающие педагогическую деятельность, *Драганова О.А.*, *Каменская В.Г.* (Санкт-Петербург), занимающиеся диагностикой психологического здоровья школьников.

В.Н. Кононова (Москва) представила психодиагностический компьютеризированный комплекс «ПРОФОРИЕНТАТОР» для выбора подходящего современного образования учащихся в возрасте от 13 лет и абитуриентов, отметив, что в период инноваций следует ориентироваться на формализацию и компью-

теризацию психологических инструментов при условии высококачественного психодиагностического консультирования.

Секцию «Психодиагностика личности и ее развития» (рук. *Леонтьев Д.А.*, Москва и *Доценко Е.Л.*, Тюмень) открыл *Доценко Е.Л.* (Тюмень), представивший особенности интерактивной диагностики коммуникативных стратегий человека. Доклады, представленные на секции, были посвящены особенностям создания и результатам психометрической проверки авторских методик, в том числе экспресс-методики диагностики субъект-объектных характеристик личности *Алексеевой Л.В.* (Тюмень). Проблемы изучения невербального поведения в напряженно-конфликтных ситуациях обозначил в своем докладе *Леонов Н.И.* (Ижевск). Результаты исследования с использованием Графической ценностной шкалы в многомерной диагностике системы отношений личности представила *Николаева И.А.* (Курган).

Секция «Психосемантические и проективные методы диагностики динамики личности и группы» (рук. *Дубов И.Г.*, Москва; *Грязева-Добшинская В.Г.*, Челябинск) начала работу с выступления *Грязевой-Добшинской В.Г.* (Челябинск), в котором отмечалось, что жизненным требованием к личности становится готовность к изменениям, направленность на самопознание и саморазвитие, способность к интеграции в разных культурных сообществах и к творческому преодолению критических ситуаций. Актуальность исследований психологических факторов, закономерностей динамической самоорганизации личности и группы требует создания специальных методик диагностики. Такие возможности предоставляют авторские методики, разработанные *В.Г. Грязевой-Добшинской*, направленные на выявление личностной динамики – изменения ценностей, образа Я, оснований выбора, избирательной активности; актуализацию ресурсов развития личности – психотехник переживания кризиса, психотехник выбора, адаптивной и неадаптивной активности, рефлексивных структур, ролевых репертуаров, социокультурной специфичности, гетерогенности как креативных ресурсов личности и группы.

Дубов И.Г. (Москва) в своем выступлении затронул проблему одного из важнейших факторов модернизации страны – готовность людей к инновационному поведению. Основной методической проблемой исследования больших групп, по мнению докладчика, является неприспособленность большин-

ства психодиагностических методик к использованию их в массовом опросе населения. Была отмечена необходимость сокращения объемов предлагаемой батареи тестов, снятие установок на правильный ответ, снижение эмоциональной привлекательности формулировок, устранение непонятных для респондентов слов и приведение их в соответствие с современными социально-культурными реалиями.

Митина О.В. (Москва) подняла вопрос о разработке стандартов и адаптации психометрических инструментов, отметив, что отсутствие в России единых стандартов разработки нередко приводит к публикациям методик с неполным описанием психометрических показателей или недостаточными психометрическими показателями. Как следствие, могут не соблюдаться требования к особенностям использования методик, к уровню знаний и умений тестирующих и обрабатывающих результаты, проводятся недопустимые или неапробированные модификации методик.

Темы докладов данной секции были максимально разнообразны. *Наливайко Е.И.* (Челябинск) рассказала о том, насколько мощное воздействие оказывают научно-фантастические кинофильмы на рефлексии ролевого репертуара личности и процесс социализации человека в современном информационно-технологическом обществе. *Мальцева А.С.* (Челябинск) в своем выступлении затронула проблематику личной эффективности, успешности, а также способов и стратегий ее достижения. *Спесивцева А.С.* (Челябинск) представила результаты лонгитюдного исследования динамики личностного потенциала студентов-менеджеров в процессе их обучения, которое позволило выявить базовые, наиболее стабильные качества, являющиеся ресурсами в их профессиональной деятельности. Выступление *Глухова П.С.* (Челябинск) было посвящено диагностике тенденций изменения базовых установок организационной культуры. В рамках данного исследования была выявлена специфика ресурса инновационного развития предприятия в условиях кризиса.

Руководители секции отметили широту затронутых направлений обсуждения, касающихся как методологических проблем диагностики динамики и потенциалов активности личности и групп, факторов актуализации, изменений активности, так и статистических методов в психодиагностике, моделирования динамики групп и организаций. Теплая атмосфера и слаженное действие ведущих способ-

ствовало оживленному обсуждению и активности участников и гостей секции.

На заседании секции «Медицинская психодиагностика сегодня и завтра» (*рук. Щелкова О.Ю.*, Санкт-Петербург; *Беребин М.А.*, Челябинск) были заслушаны два доклада, четыре сообщения по различным вопросам медицинской психодиагностики и особенностям применения психометрического подхода при решении задач психологической диагностики в клинике. В докладе *Беребина М.А.* (Челябинск) «Экспертный метод, методики экспертной оценки и методы распознавания образов как методология разработки современных методик медицинской психодиагностики» был представлен анализ современных направлений и методов медицинской психодиагностики. Особое внимание уделено проблемам клинического экспертного метода, показана возможность получения экспертного знания с целью разработки теоретических конструкторов клинических феноменов, проведен анализ качественных и количественных методов в медицинской психодиагностике, показаны возможности и ограничения тестового психометрического подхода в решении клинических задач. Особое внимание было уделено проблеме адекватности процедуры получения норм методик в случае неустановленного характера распределения клинических переменных. В докладе *Червинской К.Р.* (СПбГУ) подробно рассмотрены методология и технологии создания компьютерных психодиагностических методик класса экспертных систем, обсуждены особенности применения таких методик в связи с задачами медицинской психодиагностики, рассмотрены возможности использования технологий извлечения знаний *date-meaning* в практике клинического консультирования.

Кроме того, в докладах *Брябриной Т.В.*, *Мещеряковой К.В.*, *Нечаевой М.А.*, *Новохапки А.В.* (Челябинск) были представлены результаты выполненных исследований по различным проблемам клиники и современной медицинской психодиагностики.

Во второй половине дня состоялось заседание секции «Стандарты пользователей тестов и квалификация пользователей» (*рук. D. Bartram*, Лондон; *E. Aidman*, Аделаида). Открыл секцию *Батулин Н.А.* (Челябинск), который обозначил острую проблему подготовки Стандартов пользователей тестов в России. Следующий доклад представил *D. Bartram* (Лондон) «Разработка Европейских стандартов пользователей тестов EFPA». Был сде-

лан обзор изменений взаимоотношений между поставщиками и пользователями тестов в Великобритании вследствие развития технических разработок. Автор познакомил аудиторию с некоторыми из действующих стандартов и руководств относительно применения тестов, качества тестов и проведения оценки (assessment). Докладчик сделал обзор деятельности EFPA (Европейская федерация психологических ассоциаций).

Подходы к определению квалификации пользователей тестов в Великобритании были озвучены в докладе *P. Lindley* (Лондон). Был проведен исторический экскурс к истокам создания Британского психологического общества (BPS) и Центров психологического тестирования (PTC); представлены подходы (BPS) к сертификации пользователей психодиагностических методик; определен круг лиц и организаций Великобритании, заинтересованных в сертификации пользователей и сферы профессиональной деятельности, в которых сертифицированные пользователи востребованы. Подробно *P. Lindley* остановилась на процедурах сертификации пользователей Британским психологическим обществом (BPS). Был сделан анализ причин введения сертификации в Великобритании, ее уровня на сегодняшний день и перспективах развития. Важным, по мнению докладчика, является то, что Сертификация была введена, чтобы сделать использование тестов безопасным, для улучшения практики тестирования. Сертификация в Великобритании открыта любому, это демонстрируют компетенции, определяемые Обществом (BPS), как необходимые для использования тестов, те стандарты, которым специалисты должны соответствовать, чтобы получить Сертификат.

Несмотря на интенсивную работу на секциях, почти все участники конференции провели вечер, участвуя в работе *мастер-класса Евгения Эйдмана*, который стал логическим продолжением его выступления на пленарном заседании и уже на практике продемонстрировал возможности имплицитных, игровых диагностических методов, разработанных в психодиагностической школе факультета психологии МГУ им. М.В. Ломоносова еще в 80-е годы прошлого века и активно используемых в настоящее время за рубежом.

Третий день конференции был также насыщен. В этот день работали 4 секции. Секцию «Методология проективной диагностики

личности» открыл доклад *Бурлачука Л.Ф.* (Киев). Доклад был посвящен развитию проективной парадигмы в психологической науке. Докладчик выделил основные метафоры проективного подхода – метафоры «чистого экрана» и «рентгеновского аппарата», как наиболее часто встречающиеся в литературе. В соответствии с первой метафорой допускается, что личность проецирует на стимул свои чувства, тенденции, установки. Вторая метафора предполагает своего рода «просвечивание» личности с помощью проективного стимула. Докладчик критически рассмотрел сложившиеся в проективной психологии подходы к пониманию механизма проекции и предположил, что процесс решения задачи в условиях неопределенности позволяет более точно представить тот механизм, который реализуется в проективных методиках. В выступлении *Грязевой-Добшинской В.Г.* (Челябинск) были рассмотрены возможности проективной техники в диагностике проблем детско-родительских отношений в семьях с детьми, имеющими отклонения в развитии. *Кононова В.Н.* (Москва) осветила результаты многолетних исследований с помощью цветовых стимулов. *Митина О.В.* (Москва) рассказала об опыте кросс-культурной адаптации в России так называемой ТОП-диагностики, предложенной Юлиусом Кулем (Германия), который в течение последних 30 лет разрабатывает собственную теорию многоуровневого функционирования личности как сложной комплексной системы с обратной связью и иерархией.

Работа секции «Информационные технологии в современной психодиагностике» (рук. *Шмелев А.Г.*, Москва и *Червинская К.Р.*, Санкт-Петербург) началась с обсуждения доклада *Попова А.Ю.* (Пермь), заслушанного ранее на секции «Конструирование тестов» и посвященного возможностям и перспективам создания общероссийского банка «сырых» данных психометрических исследований в рамках инициативного пилотного проекта совместных межвузовских виртуальных лабораторий, так называемых «ко-лабораторий». Термин «ко-лаборатория» (от англ. «со» – collaboration – сотрудничество) предполагает, в первую очередь, сотрудничество исследователей в виртуальной сфере, направленное на сбор, хранение и обработку экспериментально-психологического материала, который в настоящее время, как правило, собирается, используется исследователями в своих целях, а потом теряется или рассеивается. Основная

цель создания такой лаборатории – это интеграция в едином формате разнообразных экспериментально-психологических данных, обработка которых с помощью технологии метаанализа позволит не только сохранять сами данные, но и даст возможность участникам получать ценные результаты в исследуемой ими сфере.

Далее *Неяскина Ю.Ю.* (Петропавловск-Камчатский) представила автоматизированную информационную систему, разработанную сотрудниками Камчатского государственного университета им. Витуса Беринга. Информационная система предназначена для создания, адаптации и модификации психологических методик, а также способов обобщения результатов эмпирических исследований. Система, относящаяся к классу так называемых «оболочек», предусматривает режим ввода любых тестовых методик (утверждений, ключей, способов обработки), режим тестирования и всевозможную статистическую обработку. В ходе обсуждения этого доклада ведущие и участники секции заострили вопрос о корректном обращении с авторскими правами при включении методик в подобные учебные автоматизированные системы.

В докладе *Червинской К.Р.* (Санкт-Петербург) говорилось о новой информационной технологии в психодиагностике – конструировании экспертных психодиагностических систем как компьютерных методик, осуществляющих интерпретацию результатов тестирования на основе базы знаний, содержащей специальным образом формализованные знания опытных психологов (экспертов). Основной акцент в докладе был сделан на процессе извлечения экспертных знаний, моделировании рассуждений психологов по интерпретации результатов тестирования сложных многомерных методик.

В обсуждении докладов и смежных проблем приняло участие 25 участников конференции, присутствовавших на заседании секции. Были затронуты актуальные вопросы классификации экспертных и интеллектуальных систем, вопросы равных условий, в которые попадают испытуемые при компьютерном тестировании (с учетом факторов компьютерной и экзаменационно-тестовой тревожности), вопросы активизации процессов обмена актуальной информацией с использованием современных ИК-технологий (блогов, форумов, Интернет-сообществ и т.п.).

Секция «Применение психодиагностики в управлении человеческими ресурсами» (*рук. Маничев С.А.*, Санкт-Петербург; *Марковская И.М.*, Челябинск).

Заседание секции открыл *Доминак В.И.* (Санкт-Петербург), рассмотревший в своем докладе особенности применения психодиагностики в управлении человеческими ресурсами организации. *Марковская И.М.* (Челябинск) в докладе «Диагностика вовлеченности» раскрыла проблемы человека в среде организации, познакомила аудиторию с моделями фактора вовлеченности, и подходами к ее диагностике, отметив, что данное направление исследований должно включать использование качественных методов (глубинных интервью, фокус-групп, возможно проективных методов), стандартизированных на российской выборке. Результаты своих исследований факторов успешности изменений в условиях инновационной организационной стратегии продемонстрировала *Миролюбова Г.С.* (Екатеринбург). Она выделила проблему, суть которой заключается в том, что организационные изменения, инновационные стратегии предполагают личностную и профессиональную перестройку индивида, что неизбежно вызывает внутреннее напряжение и предопределяет неизбежное сопротивление нововведениям различной силы и характера. Докладчик обозначил существующую зависимость между уровнем соотношения нормативного и индивидуального и типом реагирования индивида на организационные изменения. К проблеме психодиагностики индивидуальной конкурентоспособности на рынке труда обратилась в своем докладе *Мугатбарова Э.К.* (Екатеринбург), выделив два подхода к пониманию конкурентоспособности (как способности конкурировать и как комплексной характеристики). *Мугатбарова Э.К.* заострила внимание на проблеме недостаточной научной разработанности определения «конкурентоспособность» профессионала и в связи с этим неопределенности выбора психодиагностического инструментария для изучения феномена индивидуальной конкурентоспособности. Влиянию ответственности (как качества личности) на возникновение конфликтной ситуации в организации был посвящен доклад *Свириденко И.Н.* (Нижний Тагил). Были раскрыты различные компоненты ответственности (динамический, эмоциональный, регуляторный, мотивационный и когнитивный) и принцип дихотомического рас-

смотрения этих компонентов. В своем докладе *Свириденко И.Н.* отмечает, что взаимосвязь стилей поведения в конфликте и параметров ответственности позволяют расширить психодиагностические возможности.

Секция «Национальные и международные подходы к обеспечению качества тестов» (рук. *P. Lindley*, Лондон; *E. Aidman*, Аделаида) логически подвела всех к завершению конференции. С докладом «EFPA и критерии рецензирования тестов» выступил *D. Bartram* (Лондон). В своем докладе он продемонстрировал модель рецензирования (описания и оценки) психологических тестов, разработанную EFPA. Были озвучены критерии рецензирования тестов, разработанные EFPA в 2005 году. Докладчик сделал вывод, что модель EFPA используется как основа для рецензирования и регистрации тестов Великобритании. Он обратил внимание на то, что крупные европейские страны выстраивают процедуры тестирования на основе критериев, разработанных EFPA. Так, Норвегия адаптировала европейскую модель процедуры рецензирования тестов. Испания разработала свою модель, но на основе модели EFPA. Швеция сейчас использует старую модель BPS, но вероятно, как Дания, последует за Норвегией. Германия сейчас использует DIN33430, но рассматривает возможность разработки новой модели рецензирования, совместной с EFPA.

С докладом «Национальные и международные подходы к стандартам качества для тестов: подход Великобритании» выступила *P. Lindley* (Лондон). Автором была представлена Модель рецензирования тестов, принятая обществом (BPS) в Великобритании. Рецензирование тестов в Великобритании на сегодняшний день – процесс, хорошо разработанный. Британское психологическое общество (BPS) внедряло критерии, принятые в EFPA для рецензирования тестов и регистрации тестов с 2002 г. В целом критерии EFPA оправдали себя для тестов, созданных в Великобритании, усовершенствовали рецензирование и регистрацию тестов для BPS в Великобритании.

Третий день конференции был завершён итоговым пленарным заседанием. С отчетами о работе секций выступили руководители секций, резолюцию работы конференции (активно обсуждаемую после конференции на блогах сайта www.ht.ru) представил *Шмелев А.Г.* (Москва).

Резолюция Второй всероссийской конференции «Современная психодиагностика в период инноваций»

(8–10 сентября, 2010, Челябинск)

Участники II Всероссийской конференции отмечают, что за два года, прошедшие после I Всероссийской конференции (Челябинск, 2008), произошли заметные изменения во многих областях отечественной психодиагностики, что свидетельствует о начале ее выхода из системного кризиса, о чем можно судить по следующим признакам:

1. Повысился общий уровень научных докладов, представленных на конференции, особенно тех работ, которые посвящены конструированию тестов и их психометрической проверке.

2. Налажены связи с зарубежными специалистами из EFPA и BPS в области общественно-профессионального контроля качества психодиагностических методик (тестов) и уровня подготовки специалистов-пользователей в этой области.

3. Выпущен первый том «Ежегодника профессиональных рецензий и обзоров. Методики психологической диагностики и измерения», включающего 40 рецензий специалистов высшей квалификации – докторов и кандидатов наук на 20 методик.

4. Налажены постоянные связи между специалистами различных научно-образовательных центров России и Украины с использованием современных технологий Интернет-коммуникаций: созданы или существенно расширили свою работу специализированные сайты, на которых не только появляются научные публикации в электронной форме, но и производится всестороннее обсуждение самых актуальных проблем психодиагностики в режиме профессиональных форумов и блогов.

5. Подготовлена новая университетская программа по курсу «Психодиагностика» (для бакалавров), прошедшая многоэтапное рецензирование и экспертное голосование с участием 20 авторов и экспертов-рецензентов.

6. Осуществлен перевод и издание одной из первых книг по психометрике в России американских ученых Р. Фера и В. Бакарака «Психометрика. Введение» (Изд-во ЮУрГУ, 2010), что будет способствовать повышению психометрической культуры отечественных психологов.

7. На основе результатов проведенной за два года работы и итогов конференции приня-

то Решение совместного заседания Президиума РПО и Президиума Совета по психологии УМО (от 11.09.2010), направленное на дальнейшее развитие отечественной психодиагностики. Участники конференции поручают Оргкомитету конференции и Комиссии по психодиагностике Президиума РПО реализовать следующие решения:

1) предоставить в УМО университетов по психологии проект Постановления, в котором утвердить «Положение об использовании психометрических диагностических инструментов в квалификационных работах студентов и магистров», а также график введения Положения;

2) доработать и организовать обсуждение специального раздела Этического кодекса РПО, посвященного профессионально-этической регуляции в области психодиагностики: «Профессионально-этические нормативы специалистов, осуществляющих психодиагностическую деятельность»;

3) продолжить издание следующих томов «Ежегодника профессиональных рецензий и обзоров. Методики психологической диагностики и измерения»;

4) организовать Уральское региональное представительство Национального института сертификации профессиональных психологов (в области психодиагностики) на базе Южно-Уральского государственного университета;

5) рекомендовать при проведении госзакупок психодиагностической продукции проводить экспертизу специалистами, определяемыми Комиссией по психодиагностике РПО;

6) для обеспечения учебного процесса рекомендовать факультетам психологии университетов создать постоянно пополняемые библиотеки тестов (Тестотеки);

7) одобрить инициативные пилотные проекты совместных межвузовских виртуальных лабораторий («ко-лабораторий»);

8) направить письма в органы сертификации импортной продукции и Союз потребителей Российской Федерации о деятельности представительств иностранных фирм-производителей тестов и оказании ими тестовых услуг российским гражданам, расправляющих и использующих их на территории Российской Федерации без прохождения рецензирования и сертификации согласно российским требованиям;

9) рекомендовать Министерству образования при реализации новых стандартов общего образования использовать методики, прошедшие независимое рецензирование и сертификацию в Национальном институте сертификации профессиональных психологов;

10) продолжить разъяснительную работу среди профессиональных психологов и лиц, применяющих психодиагностические методики (учителя, менеджеры по персоналу, врачи), о необходимости добровольной Сертификации в области психодиагностики;

11) создать комиссию по подготовке проекта учебника по современной психодиагностике;

12) провести в 2012 году III Конференцию РПО по психодиагностике.

Участники конференции отметили, что II Всероссийская конференция проходила активно в рабочей и доброжелательной обстановке. Многие психологи получили ответы на актуальные для них вопросы. Ценным, по мнению участников конференции, является то, что на заседаниях секций и в свободном профессиональном общении они смогли найти единомышленников и соратников в профессиональной деятельности. Особенно важным, считают они, для психологического сообщества России является издание «Ежегодника профессиональных рецензий и обзоров. Методики психологической диагностики и измерения».

Поступила в редакцию 10 октября 2010 г.

Матвеева Лариса Геннадьевна. Кандидат психологических наук, доцент кафедры «Психологическая диагностика и консультирование», Южно-Уральский государственный университет: 8 (351) 2679404, larissamatveeva@mail.ru.

Larisa G. Matveeva Candidate of psychological sciences, associate professor of the chair «Psychological testing and counseling» South Ural State University: 8 (351) 2679404, larissamatveeva@mail.ru.

Первухина Елена Сергеевна. Заведующая Лабораторией психодиагностики, Южно-Уральский государственный университет, г. Челябинск: Elena_pervuchina@mail.ru.

Elena S. Pervuchina. The head of the laboratory of Psychological testing, South Ural State University: Elena_pervuchina@mail.ru.

ABSTRACTS AND KEYWORDS

Baturin N.A. Contemporary Russia psycho diagnostics: crisis negotiation and solution of new problems.

The article is devoted to analysis of development of national psychodiagnostics in the last two years after first All-Russia Conference: «Contemporary psychodiagnostics in changing Russia» (Chelyabinsk, 2008), where the situation in psychodiagnostics was noted as crisis. Features of crisis are marked, the most important events which change situation are listed and new trends are noted in the article. In addition to that substantive causes of crisis, which are related to implementation delay of innovative methods and technologies of contemporary testology in Russia are considered.

Keywords: psychodiagnostics, crisis negotiation, positive features, new problems.

Baturin N.A., Melnikova N.N. Technology of test development: part IV.

The article is a continuation of the description of step-by-step technology of test development which statement is begun in the previous issues. The fourth part of a series of articles describes the VI-th "interpretative" stage of test development process and discusses the key tasks of this stage, connected with development of schemes of interpretation, preparing of texts of interpretations and describing of various models of reporting. Also discussed in detail the three principles of providing quality of interpretations and validity of diagnostic reports: (1) focus on concrete practical purposes, (2) adherence to the borders of content, (3) reliance to the empirical data obtained during the psychometric check of a test.

Keywords: development of the test, test interpretation, diagnostic reports.

Mitina O.V., Evdokimenko A.S. Methods of analysis of text: methodological foundations and software implementation.

This article summarizes text analysis ideas and principles, and also describes the original classification of text analysis software. Text analysis methods were organized in 10 groups: intension analysis, content analysis, phonosemantic analysis, discourse analysis, narrative analysis, expert evaluation, morphological analysis, syntactic analysis, semantic analysis, etc.

Keywords: text, text analysis methods, text analysis software.

Chervinskaya K.R. Methodological issues and specificity of designing of expert psychodiagnostic systems :part I.

A number of methodological issues of designing of a special class of psychodiagnostic technologies – expert psychodiagnostic systems are formulated in article. EPS are presented as the specific subclass of computer psychodiagnostic toolkit including the knowledge base. These are explicated and formalized specially knowledge of the experienced psychologists possessing ability and skill of the decision of practical problems. Bounds of such toolkit are outlined, the structure and functionality are allocated, strategy of construction of computer interpretations of testing results are described, establishment experience of criterion validity of the computer conclusion are presented.

Keywords: expert psychodiagnostics systems, the knowledge base, extraction of expert knowledge, computer interpretation of the test data, criterion validity of the computer conclusion.

Kim T.D., Pervuhina E.S. Multilevel model of innovative potential of the professional and approaches to it operationalization: part II.

Article is continuation of publications of research results of innovative potential of the professional (IPP). Continuation of IPP researches review is presented, new approaches to studying of innovative behavior of the professional are considered. Specified model of IPP, the approach to it operationalization in the form of a multiple-factor questionnaire, and also the plan of its empirical check are offered.

Keywords: an innovation, innovative potential of the professional, model of innovative potential of the professional, a questionnaire of innovative potential of the professional.

Kondratyuk N.G., Morosanova V.I. The reliability of rescuers' actions in emergency situations: personality and regulation preconditions.

The present study is devoted to cross-sectional research of reliability of actions in rescuers' professional activity. The concept of «regulative reliability» is being reviewed. The interrelations between personality traits, regulatory processes and reliability of actions in rescuers' professional activity in emergency situations are described.

Keywords: conscious self-regulation, personality traits, regulatory reliability, reliability of actions, emergency situations.

Pichugova A.V. The history of psychodiagnostics in Russia (1969–1991).

The article describes the results of historiographical analysis and proves the timeliness of research of history of psychodiagnostics in Russia (1969–1991). The article describes the results of bibliographical search of publications on native psychodiagnostics (1969–1991). The author outlines and describes stages of psychodiagnostics development in the period 1969–1991. Also the author analyses of psychodiagnostics development directions on each stage. This research was carried out on the basis of quantitative and qualitative bibliographical thematic analysis. The article presents the results of findings and analysis of psychognostical techniques in the period 1969–1991.

Keywords: historiographical analysis, bibliographical thematic analysis, the history of psychodiagnostics in Russia, psychognostical techniques.

Myakushkin D.E. Formation of organization's management team: the basic stages of selection process, training and practical preparation of reserve group.

Article is devoted to questions of selection, training and development of candidates for executive positions, having training preparation in reserve group of managers in the modern industrial enterprises. The sequence of actions in the course of training and personnel development during the formation of a reserve of middle-level executive personnel is presented, main principles, methods, recommendations and stages of training process are stated, some organizational and socially-psychological aspects of work of human resource services specialists with candidates of reserve group are reported.

Keywords: formation of management team, a complex assessment of the personnel, a personnel reserve, training and development, practical preparation of a personnel reserve of heads.

Kartashova I.M. Making Self-concepts of mother, as subjekt psihologo-pedagogical support of the dyad «mother-child» at early deviations in development of the child.

Making JA-concepts are considered: JA-concept definitions, congruency are given; specificity real I and ideal I is considered; the maintenance and problems of psihologo-pedagogical support of a dyad is defined «mother-child»; experimental results of intergroup distinctions of an intrapersonal coordination of examinees are presented.

Keywords: making JA-concepts, real I, ideal I, congruence, psihologo-pedagogical support.

Vasserman L.I., Svjatenko L.V. Psychological diagnostics of neurotic personality features of reproductive age women who are overweight.

A study of the structure of neurotic personality features and other psychosocial characteristics of women who are overweight. Subjects, compared with the norm, revealed a high degree of expression strength and specificity of the qualitative structure of the neurotic personality features and potentially maladaptive characteristics.

Keywords: overweight, neurotic personality features, adaptive sequence.

Bazhenova P.A., Shchelkova O.Yu. Personality characteristics of patients with chronicle myeloleukaemia.

This article is devoted to consideration of psychological characteristics of patients with chronicle myeloleukaemia according the hypothesis of their possible influence on low compliance of patients during their treatment. In this article the results of research of dynamic-konstitutsional, individually-typological characteristics of patients, and also their dominating emotional conditions are considered.

Keywords: chronicle myeloleukaemia, compliance, medical process, temperament, individually-typological characteristics, dominating conditions.

Matveeva L.G., Pervuhina E.S. II All-Russian scientific conference «Contemporary psychodiagnostics in the period of innovation» (Chelyabinsk, from 8 to 10 of September, 2010).

The II All-Russian scientific conference with international participation «Contemporary psychodiagnostics in the period of innovation» was hold from 6 to 10 of September in Chelyabinsk. 327 people from many regions of Russia, former Soviet republics (Moldova, Ukraine, Kazakhstan), and from Australia and Great Britain joined in proceedings of the conference. There were 10 sessions and 2 demonstration lections and workshop were led. Sessions were devoted to different aspects of psychodiagnostics and to its characteristics in various fields of professional activity. Changes in psychodiagnostics that took place in the last two years and also further measures of psychodiagnostics crisis were mentioned.

Keywords: conference, psychodiagnostics, test, information technology, professional association, professional interaction, resolution.

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

1. В редакцию предоставляется электронная версия публикации (документ MS Word 2000 с названием файла по фамилии и инициалам первого автора, возможно дублирование файла с использованием основных архиваторов Microsoft Office). При отправке материалов электронной почтой авторы должны обязательно убедиться в их получении редакцией.

Публикация должна содержать сведения об авторах (Ф.И.О. полностью, место работы и должность каждого автора публикуемой работы, контактная информация для каждого автора работы – телефон, факс, электронный адрес для переписки) на русском и английском языках. Присылаемые авторами материалы должны пройти авторскую редакторскую (орфографическую, стилевую) правку.

2. Структура статьи: УДК, название (не более 12–15 слов), перечень авторов, аннотация (не более 500 знаков с пробелами), список ключевых слов (не более 5–7 слов или контекстно связанных словосочетаний), текст работы, список литературы (библиографический список), оформленный по ГОСТ 7.1–2003. Внутри работы должны иметься ссылки на литературу (в квадратных скобках). После текста работы следует название статьи, аннотация, список ключевых слов и сведения об авторах на английском языке.

3. Параметры набора. Поля: зеркальные, верхнее – 23, нижнее – 23, внутри – 22, снаружи – 25 мм. Шрифт – Times New Roman масштаб 100 %, интервал – обычный, без смещения и анимации, 14 pt. Отступ красной строки 0,8 см, интервал между абзацами 0 pt, межстрочный интервал – полуторный.

4. Формулы. Стил математический (цифры, функции и текст – прямой шрифт, переменные – курсив), основной шрифт – Times New Roman 11 pt, показатели степени 71 % и 58 %. Выключенные формулы должны быть выровнены по центру.

5. Рисунки и таблицы все черно-белые. Все рисунки и таблицы должны иметь названия. В таблицах не должно быть пустых ячеек. Если рисунки созданы не средствами MS Office, то желательно предоставить рисунки и в виде отдельных файлов.

6. Адрес редакции научного журнала «Вестник ЮУрГУ» серии «Психология»: Россия 454080, г. Челябинск, пр. им. В.И. Ленина, 76, Южно-Уральский государственный университет, факультет психологии, ответственному редактору проф. Батурину Николаю Алексеевичу.

7. Адрес электронной почты: psy_vestniksus@mail.ru.

8. Полную версию правил подготовки рукописей и пример оформления можно загрузить с сайта ЮУрГУ (<http://www.susu.ac.ru>) следуя ссылкой: «Научная деятельность», «Вестник ЮУрГУ», «Серии».

9. Плата с аспирантов за публикацию рукописей не взимается.

ВЕСТНИК ЮЖНО-УРАЛЬСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

№ 40(216) 2010

Серия
«ПСИХОЛОГИЯ»
Выпуск 11

Редактор Н.М. Лезина

Компьютерная верстка В.Г. Харитоновой

Издательский центр Южно-Уральского государственного университета

Подписано в печать 17.12.2010. Формат 60×84 1/8. Печать трафаретная.
Усл. печ. л. 12,09. Тираж 500 экз. Заказ 524/809.

Отпечатано в типографии Издательского центра ЮУрГУ. 454080, г. Челябинск, пр. им. В.И. Ленина, 76.